

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

N3BECTNЯ SAP

САРАТОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
Новая серия

253

Издается с 2001 года

Серия Социология. Политология, выпуск 3

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910—1918 и «Ученых записок СГУ» 1923—1962

Покатов Д. В. Субъективно-этическая парадигма анализа элиты в творчестве

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Социология

Сведения об авторах

социологов-народников

Кошелев А. А., Кошелева Т. Н. Конкурентная среда на рынках товаров и услуг	
Саратовского региона: состояние и развитие	257
Калугина Т. А. Политическая идентичность: теоретико-методологические подходы	260
Щебланова В. В. «В меньшинстве»: этнокультурные дискурсы проблемы	264
Бегинин В. И., Тадтаев Х. Б. Этнос, эндогамия, кровнородственные связи	269
Ивченков С. Г., Ивченкова М. С. Оценка населением информации о состоянии	074
конкурентной среды на рынках товаров и услуг Саратовской области	274
Семенова Ю. А. Проблема гендерных отношений в дискурсе рыночных реформ	000
B POCCUM	280 282
Климов В. А. Путь к истокам (о воспитательном значении генеалогии)	286
Могилевич Б. Р. Языковое конструирование глобальной социальной реальности Уфимцева Е. И. Религиозное образование: основные подходы к определению	200
	289
и типологизации	209
Слово молодым социологам	
Жидков Р. И. Самоубийство в рамках современных теорий и концепций средств	
массовой информации	297
Поплавский М. А. Коррупция как социальная проблема	304
Шедловская М. А. Дружба и предательство в студенческой среде	306
Политология	
Вилков А. А. Предвыборная кампания как фактор политических конфликтов	
в современной России	309
Шестов Н. И. Политический конфликт на почве «единого интереса»: структура	
и логика развития	314
Попов М. Е. Антиконфликтный потенциал социокультурной интеграции:	
этнорегиональная специфика и основные теоретические подходы	318
Изергина Н. И. Гармонизация межнациональных и этноконфессиональных отношений	
в субъектах Российской Федерации (на примере Республики Мордовия)	322
Мирзаханов Д. Г. Проблемы методологии исследования политического ислама	000
в современной России	326
Панкратов С. А., Шакарбиева С. В. Публичная политическая коммуникация	200
и краудсорсинг: от толпы к публике	329
Данилов М. В., Казаков А. А., Попонов Д. В., Назаров Н. О., Сергеев С. Г. Настроения провинциального электората в преддверии избирательной кампании-2016: отношение к выборам, конкретным политикам и партиям (анализ результатов	
массового социологического опроса и фокус-групповых исследований)	334
Юров О. В. Значение социальных технологий в реализации евразийского	004
интеграционного проекта	338
Вестов Ф. А., Фаст О. Ф. Некоторые проблемы восприятия правового государства	000
в XXI веке	342
Цаплин А. Ю. Перспективы дистанционного электронного голосования в России	345
Труханов В. А., Катин В. И. Роль Русской православной церкви в политической	
социализации молодежи	350
Слово молодым политологам	
Камалетдинова А. И. Особенности праймериз как политической технологии	
в современной России	354
Пасечник А. В. Концептуализация военной доктрины РККА в начале 1920-х гг.	357
Тютюнников А. Л. Перспективы евразийской идеи в современной Молдове	360

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Зарегистрировано в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года. Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56124 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания по объединенному каталогу «Пресса России» 36016. Журнал выходит 4 раза в год

Заведующий редакцией

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Трубникова Татьяна Александровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Степанова Наталия Ивановна

Верстка

Багаева Ольга Львовна

Технический редактор

Ковалева Наталия Владимировна

Корректор

Гаврина Марина Владимировна

Адрес учредителя и редакции: 410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89 **E-mail:** izvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 24.09.16. Формат 60х84 1/8. Усл. печ. л. 14,75 (15,0). Тираж 500 экз. Заказ 143-Т.

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

Адрес типографии:

363

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи на русском и английском языках по направлениям: Социология, Политология, а также материалы в разделе Хроника. Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации — от 0,5 до 1 п.л. (20—40 тыс. знаков с пробелами).

Статья должна содержать аннотацию (до 5 строк), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта -14, для вспомогательного - 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробная информация о правилах оформления статей приведена вместе со стилевым файлом и правилами рецензирования по адресу: www.soziopolit.sgu.ru/dlya-avtorov.

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы:

- текст статьи в электронном виде;
- сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты;
- «внешнюю» рецензию, заверенную в установленном порядке.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегию серии в электронном виде по адресу: BegininalA@info.sgu.ru (социология) и vil57@yandex.ru (политология).

Оригинал рецензии и договора — почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, социологический факультет, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: www.soziopolit.sgu.ru.

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Sociology

	Pokatov D. V. Subjective Ethical Analysis Paradigm in Elite Works of Sociologist Populist	253
	Koshelev A. A., Kosheleva T. N. The Competitive Environment in the Markets of Goods and Services in the Saratov Region: State and Development Kalugina T. A. Political Identity: Theoretical and Methodological Approaches Shcheblanova V. V. «In Minority»: Ethnocultural Discourses of a Problem Beginin V. I., Tadtaev H. B. Ethnos, Endogamy, Blood Relationship Ivchenkov S. G., Ivchenkova M. S. Assessment of Population Status Information about a Competition Wednesday in the Markets for Goods and Services	257 260 264 269
	of the Saratov Region Semenova Yu. A. The Problem of Gender Relations in Discourse Market Reforms	274
	in Russia Klimov V. A. The Way to the Sources (on Educational Importance of Genealogy) Mogilevich B. R. Language Construction of Global Social Reality Ufimceva E. I. Religious Education: Basic Approaches to Definition and Typology	280 282 286 289
	A Word to Young Sociological Scientists	
	Zhydkov R. I. The Phenomenon of Suicide in the Study of Contemporary Theories and Concepts of Media Poplavsky M. A. Corruption as a Social Problem Shedlovskaya M. A. Friendship and Betrayal in Student Wednesday Politology	297 304 306
	Vilkov A. A. Electoral Campaign as a Factor of Political Conflicts in Modern Russia	309
	Shestov N. I. Political Conflict Based on «Common Interest»: the Structure and Logic of Development Popov M. E. Anti-conflict Potential of Sociocultural Integration: Ethno-Regional	314
	Specifics and Main Theoretical Approaches Izergina N. I. Harmonising Interethnic and Interfaith Relations in Constituent	318
	Entities of the Russian Federation (on the Example of Mordovia Republic) Mirzakhanov D. G. The Problems of Methodological Approaches for Study	322
	of Political Islam in Modern Russia Pankratov S. A., Shacarbieva S. V. Public Political Communication and Crowdsourcing: from Crowd to Public	326
	Danilov M. V. , Kazakov A. A. , Poponov D. V. , Nazarov N. O. , Sergeev S. G. Orientations of the Provincial Constituents in Anticipation of the 2016 Elections:	JZS
	Attitude to Elections, Politicians, and Political Parties (Analysis of the Massive Social Surveys and Focus-group Investigations' Results) Yurov O. V. The Importance of Social Technologies in the Implementation	334
	of the Eurasian Integration Project Vestov F. A., Fast O. F. Perception of the State Legal Problems	338
	in the XXI Century Tsaplin A. Yu. The Prospects of Remote E-Voting in Russia	342 345
	Trukhanov V. A., Katin V. I. The Role of the Russian Orthodox Church in the Political Socialization of Young People	350
	A Word to Young Politological Scientists	
	Kamaletdinova A. I. Peculiarities of Primaries as a Political Technology in Modern	054
	Russia Pasechnik A. V. Conceptualization of the Labor-Peasantry Red Army's Military Pastring in the Regioning of the 1000s	354
	Doctrine in the Beginning of the 1920s Tiutiunnikov A. L. The Prospects of the Eurasian Idea in Modern Moldova	357 360
Info	ormation about the Authors	363

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ»

Главный редактор

Чумаченко Алексей Николаевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия) Заместитель главного редактора

Короновский Алексей Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия) **Ответственный секретарь**

Халова Виктория Анатольевна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия) Бучко Ирина Юрьевна, директор Издательства Саратовского университета (Саратов, Россия) Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия) Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия) Коссович Леонид Юрьевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия) Макаров Владимир Зиновьевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия) Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия) Усанов Дмитрий Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия) Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия) Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия) Шляхтин Геннадий Викторович, доктор биол. наук, профессор (Саратов, Россия)

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL «IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES»

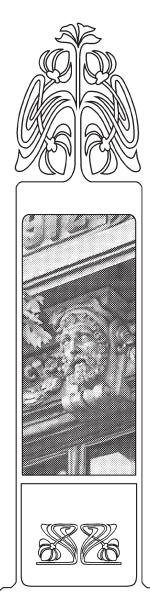
Editor-in-Chief — Chumachenko A. N. (Saratov, Russia)

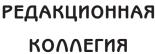
Deputy Editor-in-Chief — Koronovskii A. A. (Saratov, Russia)

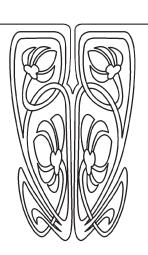
Executive Secretary — Khalova V. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Balash O. S. (Saratov, Russia) Buchko I. Yu. (Saratov, Russia) Danilov V. N. (Saratov, Russia) Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia) Kossovich L. Yu. (Saratov, Russia) Makarov V. Z. (Saratov, Russia) Prozorov V. V. (Saratov, Russia) Usanov D. A. (Saratov, Russia) Ustiantsev V. B. (Saratov, Russia) Shamionov R. M. (Saratov, Russia) Shlyakhtin G. V. (Saratov, Russia)

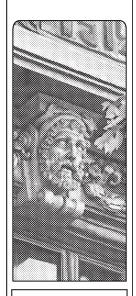

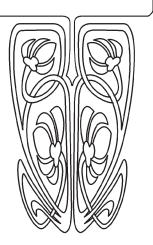

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ. СЕРИЯ: СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»

Главный редактор

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Вилков Александр Алексеевич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Бегинина Ирина Александровна, кандидат филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аникин Леонид Сергеевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Айтчисон Брайан, докторант политологии (Лондон, Великобритания)
Баттерфилд Джим, доктор полит. наук, профессор (Каламазу, США)
Голенкова Зинаида Тихоновна, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Калинникова Марина Викторовна, доктор социол. наук (Саратов, Россия)
Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кузнецов Игорь Иванович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)
Осадчая Галина Ивановна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)
Шахматова Надежда Владимировна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Шестов Николай Игоревич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL «IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES. SERIES: SOCIOLOGY. POLITOLOGY»

Editor-in-Chief – Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Vilkov A. A. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Beginina I. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Anikin L. S. (Saratov, Russia) Itchison B. (London, Great Britain) Butterfield G. (Kalamazoo, USA) Golenkova Z. T. (Moscow, Russia) Kalinnikova M. V. (Saratov, Russia) Komkova G. N. (Saratov, Russia) Kuznetsov I. I. (Moscow, Russia) Osadchaya G. I. (Moscow, Russia) Shhmatova N. V. (Saratov, Russia) Shestov N. I. (Saratov, Russia)

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.342.5

СУБЪЕКТИВНО-ЭТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА АНАЛИЗА ЭЛИТЫ В ТВОРЧЕСТВЕ СОЦИОЛОГОВ-НАРОДНИКОВ

Д. В. Покатов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского E-mail: dvpokatov@qmail.com

В статье рассматриваются особенности изучения элитных слоев в трудах социологов-народников. Особое внимание автор обращает на такое самобытное направление народнической социологии, как субъективная социология, представленную, прежде всего, П. Л. Лавровым и Н. К. Михайловским. Дается как общая характеристика социологических воззрений социологов народнического направления, факторов, обусловливающих специфику его становления в российском обществе, так и базовых теорий «критически мыслящих личностей» П. Л. Лаврова и «героев» Н. К. Михайловского, составляющих основу их субъективно-этического подхода в анализе элиты в отечественной социологии.

Ключевые слова: элита, политическая элита, субъективная школа, отечественная социология, «критически мыслящие личности».

Subjective Ethical Analysis Paradigm in Elite Works of Sociologist Populist

D. V. Pokatov

The article discusses the features of the study of elite layers in the writings of the sociologist populists. Special attention is drawn to a distinctive direction of populist sociology as a subjective sociology, represented primarily by P. L. Lavrov and N. K. Mikhailovsky. We give a general description of the sociological views of sociologist populist trends, the factors that determine the specificity of its formation in the Russian society and the base of «critically thinking individuals» theories P. L. Lavrov and «heroes» N. K. Mikhailovsky, forming the basis of their subjective-ethical approach in the analysis in the sociology of elites.

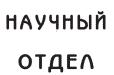
Key words: elite, political elite, subjective school, domestic sociology, «critically thinking individuals».

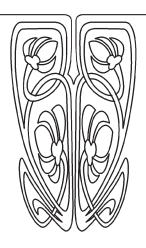
DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-3-253-257

В последние годы неизменно возрастает интерес к творчеству многих школ, направлений в отечественной социологии и отдельных ученых, чье наследие сравнительно редко становилось объектом пристального внимания со стороны исследователей. Не является здесь исключением и такое самобытное направление, как социология народничества. Интерес к нему объективно детерминируется не только сравнительно слабой изученностью, но и многими поставленными в трудах представителей данного направления проблемами, не потерявшими своей актуальности и сегодня. Среди них, конечно, особое место занимают вопросы и этических основ функционирования общества, и роли в общественных процессах интеллигенции, и формирования новой, нравственно ориентированной, элиты.

В целом, социология народничества представляет собой достаточно сложное и противоречивое направление, многие представители которого часто по своим взглядам и теоретическим постулатам были близки к диаметрально противоположным идейным течениям в социологии и философии, в том числе позитивизму, марксизму и анархизму. Некоторые современные исследователи даже считают, что идейные истоки этого направления следует искать в славянофильстве,

которое «поддерживало консервативно-понятую идею народности, сближаемую с историческим развитием православия на Руси, а позднее продолжило эту традицию в трактовке так называемой русской идеи»¹.

О сложности и противоречивости этого направления говорит и тот факт, что достаточно долго в литературе не могли найти общего определения самому понятию «народничество» и выявить направления, которые могли бы составить основу народнической социологии.

Как справедливо отмечает в своих исследованиях Г. Д. Алексеева, до конца XIX в. в немарксистской литературе понятие «народничество» отличалось большой неопределенностью, что нашло свое отражение в таком фундаментальном справочном издании как энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона². Ш. М. Левин в своем фундаментальном труде «Общественное движение в России в 60-е-70-е гг. XIX века» обоснованно утверждал, что понятие «народники» стало применяться еще в 60-е гг. XIX в. для обозначения людей, использующих народный быт и желающих разделить с народом все его тяготы и лишения³. Впоследствии, в начале 70-х гг. XIX в., стала употребляться категория «социалисты-народники», обозначающая индивидов, верящих в возможность социального переворота, осуществляемого только силами самого народа. В конце 1870-х гг. понятие «народничество» получило особенно широкое распространение для обозначения наиболее влиятельного в среде революционеров направления деятельности и течения русской общественной мысли⁴.

Как особое направление русской общественной, прежде всего социологической, мысли народническая социология также отличалась крайней противоречивостью и эклектизмом. Некоторые исследователи считают, что можно говорить о полном тождестве народнической социологии и субъективной социологической школы. Однако это не совсем корректное сравнение. Как справедливо считает Е. И. Кукушкина, во-первых, далеко не все, кто разделял идеи народничества и занимался их практическим воплощением, были учеными-социологами. Также, во-вторых, в среде ученых-социологов не все были непосредственными участниками народнического движения. И, в-третьих, основные принципы, идеи и методологические подходы субъективной социологии как научной теории формировались на основе одного из направлений народничества - пропагандистского (просветительского) 5 .

В этой связи более обоснованным, на наш взгляд, представляется подход авторов монографии «Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX века», широко рассматривавших сущность народнической социологии и включавших в данное направление и теории рос-

сийских анархистов М. А. Бакунина и П. А. Кропоткина, и радикальную социальную концепцию П. Н. Ткачева, а также парадигмальные и методологические установки представителей субъективной школы в социологии П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского⁶.

Несмотря на некоторую разницу во взглядах, их объединял в идейно-политическом плане общий подход к существовавшему тогда политическому режиму, а также взгляды на природу и роль общины и общее видение идеала общества.

Помимо определенной общественно-политической направленности, стремления анализировать такие универсальные социологические проблемы, как взаимодействие личности и общества, природа кооперации и солидарности и соотношение «социальной эволюции и революции с учетом русской социальной реальности», творчеству социологов-народников был присущ особый «критический» настрой. В основном это относится к представителям субъективной школы, по сути, заложившим в своих работах основы субъективно-этического анализа различных социальных проблем и выполнявшим роль умственного катализатора, постоянного оппонента с другими направлениями⁷.

Также нельзя не сказать и о том, что в большинстве теорий данного направления очень заметно влияние позитивизма. Особенно это проявлялось в произведениях социологов субъективной школы, которые как «продолжатели» западных позитивистских идей считали науку инструментом социальных изменений и умственного прогресса⁸.

Хотя в своем большинстве все отмеченные авторы стремились подчеркнуть роль личности, были сторонниками общественных преобразований, совершаемых в интересах широких народных масс, вместе с тем они не смогли обойти в своих работах вопрос о роли элиты в общественной жизни.

При этом у одних мыслителей (у Н. К. Михайловского и П. Л. Лаврова) это проявлялось наиболее отчетливо и последовательно, у других, прежде всего представителей анархизма, выступавших за безгосударственный путь развития, — в форме критики и проектов будущего общественного устройства.

Во многом такой необъяснимый, на первый взгляд, синтез элитизма и антиэлитистских постулатов объяснялся эклектизмом мировоззрения представителей данного направления и даже, по справедливому мнению некоторых исследователей, присущей им маргинальностью некоторых теоретико-методологических подходов. Как обоснованно отмечают в этой связи И. А. Голосенко и В. В. Козловский, рассматривавшие взгляды Н. К. Михайловского, он был типично маргинальной фигурой как в теоретикометодологическом, так и в политическом и даже в профессиональном отношениях⁹.

Как отмечалось выше, наиболее отчетливо и последовательно субъективно-этические основы парадигмального подхода в изучении элиты в народнической социологии были обоснованы в трудах представителей субъективного направления П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского.

Можно согласиться с мнением П. А. Сорокина, отмечавшего, что понимание взглядов П. Л. Лаврова невозможно без учета его общесоциологических воззрений, анализа им роли и места социологии в обществе. Главная задача социологии как науки, по его мнению, заключается в рассмотрении форм солидарности и процессов, совершающихся при количественном изменении этих форм 10 . Солидарность рассматривалась П. Л. Лавровым как «сознание того, что личный интерес совпадает с общественным, что личное достоинство поддерживается лишь путем поддержки достоинства солидарных с нами людей»¹¹. Также она понималась им как особая общность индивидов с характерными для них привычками, убеждениями, интересами. По мнению известного российского социолога Г. Я. Миненкова, психологически эта эволюция свидетельствовала о движении от выработки чувства общественной солидарности, через все более ясное понимание ее значения, к нравственному убеждению личности в ее обязательности 12.

В трудах П. Л. Лаврова выделялись и анализировались три формы солидарности: 1) бессознательная солидарность, или солидарность обычая, возникающая совершенно непредсказуемо, случайно, так как основана на самом факте более или менее продолжительного общения; 2) солидарность общего аффективного настроения, имеющая более объективную природу, базирующуюся на интересах, которая должна выражаться в каких-либо общих настроениях; 3) историческая или сознательная солидарность, предусматривающая уже более прочное чувство близости между индивидами, принадлежащими к одной и той же группе, и выступающая «как понятие, обусловливающее определенные задачи личности и коллективной жизни» 13.

Последней форме солидарности придавалось в трудах ученого особое значение. Именно она рассматривалась им как двигатель истории, так как основывается на критической мысли и действиях «критически мыслящих личностей», или представителях интеллигенции, в которых П. Л. Лавров видел «единственное орудие прогресса» 14.

При этом он отказывал в праве на историчность и прогрессивность так называемым «неисторическим племенам и народам», «пасынкам истории» и «дикарям высшей культуры». В первой группе, по его мнению, отсутствуют солидарность, основанная на критическом убеждении, и интеллигенция как важнейший инструмент и средство развития. Вторая группа, «пасынки истории», — угнетенное большинство, которое во

многом лишено всех благ современной ему цивилизации. И, наконец, «культурные дикари» – это представители тех социальных слоев и групп, которые, имея некоторый достаток, образование, не стремятся к развитию, а хотят лишь пользоваться всеми выгодами цивилизации и использовать ее социальные, материальные, интеллектуальные и иные завоевания. Как думается, давая характеристику последнему слою, П. Л. Лавров весьма точно увидел опасность данной, по сути, индивидуалистически-мещанской прослойки, являющейся противником любых социально-политических преобразований и способствующей распространению в обществе социальной апатии, застоя и конформизма. Именно данная прослойка впоследствии стала важной социальной опорой советской правящей элиты и правящих элит авторитарных и тоталитарных обществ в XX B.

Помимо названных общественных групп, П. Л. Лавров не считал прогрессивным слоем правящую элиту, поскольку главный ее недостаток, по его мнению, заключается в том, что данная группа концентрирует в своих руках главную долю богатства, влияния и власти, неизбежно монополизирует почти исключительно и досуг, необходимый для работы мысли, и саму эту работу. Исходя из сказанного, по его мнению, только «критически мыслящие личности», своеобразная контрэлита общества, обладают базовым прогрессивным потенциалом.

«Критически мыслящая личность», в представлении П. Л. Лаврова, - это не просто активный и энергичный индивид, имеющий свои представления об обществе, в котором живет, и свое видение его переустройства, но, в первую очередь, человек, активно стремящийся воплотить этот общественный идеал в жизнь, не приспосабливающийся к несправедливости, а постоянно борющийся с проявлениями общественного «зла», где бы они ни были. Данный слой общества достаточно неоднороден и на разных этапах общественного развития может включать такие разновидности, как «говоруны», деятели, лишь рассуждающие о прогрессе, но не участвующие в претворении в жизнь его идей, «незаметные герои человечества», которые, невзирая на свою загруженность повседневными заботами, реально поддерживают воплощение прогресса, и, наконец, «лидеры прогресса», общественные деятели, полностью посвящающие себя пропаганде и реализации его идей. Во многом антиподом прослойки «критические мылящих личностей» в трудах П. Л. Лаврова выступала группа «романтиков», объединяющая тех представителей элиты, которые желали осуществления преобразований, но не представляли их направленности и механизмов реализации, и «откровенных фантазеров».

Завершая рассмотрение социологических воззрений на роль элиты П. Л. Лаврова, согла-

симся с мнением крупнейшего отечественного и западного социолога П. А. Сорокина, отмечавшего, что в теории ученого, неожиданно для него самого, оказывается такая бездна интеллигентского аристократизма, такое идеализирование и превознесение интеллигенции как исключительно привилегированной группы избранников, что любой апологет неравенства может позавидовать такому «обоснованию» аристократизма, хотя бы интеллигентского 15.

В отличие от П. Л. Лаврова, несколько иное видение сущности элиты и ее роли в обществе обосновывал в своих работах другой видный представитель субъективной школы – Н. К. Михайловский. Значительное место в его работах отводится рассмотрению параметрических черт и особенностей элитного меньшинства, в котором сознательно выделялись прослойки «героев» и так называемых «великих личностей». При этом в качестве «героя» рассматривался представитель элитного меньшинства, действующий в любую историческую эпоху и обладающий, прежде всего, особыми социально-психологическими особенностями (знанием психологии), позволяющими воздействовать на управляемое большинство. Таким образом, по мнению Н. К. Михайловского, «героем» может стать и «авантюрист, ... выскочка», если он обладает свойствами и приемами, или если ему удалось в какой-либо ситуации воздействовать на толпу¹⁶. Таким образом, направленность общественных действий, как позитивная, так и деструктивная, будет зависеть от личных показателей представителя элиты, которые могут быть как созидательными, так и разрушительными. Данное обстоятельство позволяет говорить о близости позиций Н. К. Михайловского и одного из родоначальников теории элиты В. Парето, утверждавшего, что в элите могут быть представлены как индивиды, добивающиеся общественного признания легитимными средствами, так и деятели, чей «общественный капитал» создан не вполне законными путями¹⁷.

«Великая личность» - это общественный деятель, представляющий будущую элиту, которая реально функционирует только в переходные эпохи, внося значительный вклад в развитие человечества. При этом «великий человек», с точки зрения Н. К. Михайловского, должен обязательно рассматриваться в соответствии с тем вкладом, который он вносит в развитие мировой цивилизации. По его мнению, «всякий мыслящий человек может и должен выработать в себе точку зрения для оценки великих людей в смысле большего или меньшего количества блага, внесенного ими в сокровищницу человечества» 18. Как видно из данного суждения, оценка роли великих личностей формируется не объективно, а субъективно. Сам субъект, индивид выносит приговор «великим личностям», имея «собственное мерило величия, вполне пригодное для тех или других целей» ¹⁹.

Здесь фактически и наблюдается наиболее яркое проявление субъективной методологии Н. К. Михайловского, который считал, что к оценке любого явления надо подходить, в первую очередь, с нравственных позиций. Объясняя необходимость существования элитного слоя, Н. К. Михайловский обращался к более широко изучаемой им проблеме взаимодействия толпы, управляемого большинства и элитных прослоек. Вследствие того, что толпа, по его мнению, объединяет индивидов с достаточно однообразными запросами и интересами, чье духовное развитие не очень высоко, именно деятельность элитного меньшинства может создать особый эмоциональный толчок, способный заставить ее действовать в нужном направлении. В целом, созданная Н. К. Михайловским концепция имела умеренно-этическую направленность, существенно отличавшую ее как от марксизма, так и от методологических подходов, разрабатываемых идеологами анархизма и радикализма.

Подводя итог рассмотрению идей представителей народнической социологии и такого ее базового течения, как субъективная школа отечественной социологии элиты, отметим, что, несмотря на некоторый эклектизм и научную маргинальность идей ряда ее видных представителей, нельзя отрицать и того, что большинство мыслителей этого направления создали не только оригинальные, но и достаточно системные, логично построенные концепции, которые, без сомнения, способствовали становлению и развитию меритократического подхода²⁰ в изучении элиты в отечественной социологии.

Примечания

- ¹ *Графский В. Г.* Политические и правовые взгляды русских народников (истоки и эволюция). М., 1993. С. 4.
- ² См.: *Алексеева Г. Д.* Народничество в России в XX веке. Идейная эволюция. М., 1990. С. 9.
- ³ См.: *Левин Ш. М.* Общественное движение в России в 60–70-е годы XIX века. М., 1958. С. 386–387.
- 4 Там же.
- ⁵ См.: Развитие социологии в России (с момента зарождения до конца XX века) / под ред. Е. И. Кукушкиной. М., 2004. С. 66–67.
- 6 См.: Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX начала XX века / под ред. Б. А. Чагина. М., 1978. С. 107–190
- ⁷ См.: Голосенко И. А., Козловский В. В. История русской социологии XIX–XX вв. М., 1995. С. 80.
- 8 Там же.
- ⁹ Там же. С. 108-109.
- $^{10}\,$ См.: *Сорокин П. А.* О русской общественной мысли. СПб., 2000. С. 40.
- ¹¹ Лавров П. Л. Философия и социология: в 2 т. М., 1965. Т. 2. С. 57.

- 12 См.: Миненков Г. Я. Введение в историю российской социологии. Минск, 2000. С. 31.
- ¹³ *Лавров П. Л.* Указ. соч. С. 87.
- 14 Там же.
- ¹⁵ См.: *Сорокин П. А.* Указ. соч. С. 79.
- ¹⁶ *Михайловский Н. К.* Сочинения : в 6 т. 4-е изд. СПб., 1907. Т. 2. С. 98.
- 17 См.: Парето В. Трактат по общей социологии // Осипова Е. В. Социология Вильфредо Парето. СПб., 2004. С. 131.
- ¹⁸ *Михайловский Н. К.* Указ. соч. С. 98.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Подробнее см.: Покатов Д. В. Политическая элита России: Теория. История. Современность (Социологический анализ). Саратов, 2010. С. 48–132.

УДК 316.334.23

КОНКУРЕНТНАЯ СРЕДА НА РЫНКАХ ТОВАРОВ И УСЛУГ САРАТОВСКОГО РЕГИОНА: СОСТОЯНИЕ И РАЗВИТИЕ

А. А. Кошелев, Т. Н. Кошелева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского E- mail: koshelev76@mail.ru

Статья посвящена анализу состояния и развития конкурентной среды на территории Саратовской области. В работе описываются результаты эмпирического исследования на основе оценок состояния конкурентной среды субъектами предпринимательской деятельности и населением г. Саратова. Предложен комплекс мер, способствующих формированию эффективной политики и улучшению предпринимательского климата в регионе.

Ключевые слова: конкурентная среда, бизнес, товарный рынок, предприниматели, население, социологический опрос.

The Competitive Environment in the Markets of Goods and Services in the Saratov Region: State and Development

A. A. Koshelev, T. N. Kosheleva

The article is devoted to analysis of the status and development of the competitive environment on the territory of the Saratov region. The paper describes the results of an empirical study based on assessments of the competitive environment the subjects of entrepreneurial activity and population, Saratov. Proposed a set of measures that promote the formation of effective policies and the improvement of the business climate in the region.

Key words: competitive environment, business, commodity market, entrepreneurs, population, public opinion poll.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-3-257-259

Уровень развития малого и среднего предпринимательства является одним из важнейших показателей ориентации современной рыночной экономики. Малый и средний бизнес придает экономике гибкость, мобильность и маневренность, способен формировать конкурентные, цивилизованные рыночные отношения, способствующие лучшему удовлетворению потребностей населения. Содействие развитию малого и среднего предпринимательства признано одним из ключевых приоритетов экономического

развития Саратовского региона. В связи с этим Министерство экономического развития и инвестиционной политики Саратовской области по поручению губернатора В. В. Радаева начало внедрение Стандарта развития конкуренции¹, разработанного Агентством стратегических инициатив. «Дорожная карта» по развитию конкуренции и совершенствованию антимонопольной политики была утверждена Правительством РФ в 2012 г.² и начала внедряться с 2014 г. на территории шести пилотных регионов – Республики Татарстан, Хабаровского края, Волгоградской, Нижегородской и Ульяновской областей, Санкт-Петербурга. Однако по инициативе губернатора

Важным элементом создания оптимальных условий для развития бизнеса на территории Саратовской области является наличие организаций, формирующих инфраструктуру поддержки малого и среднего предпринимательства.

Саратовской области внедрение Стандарта нача-

лось и в Саратовском регионе³.

На сегодняшний момент в регионе действуют шесть объектов инфраструктуры: ОАО «Гарантийный фонд для субъектов малого предпринимательства Саратовской области», НО «Фонд микрокредитования субъектов малого предпринимательства Саратовской области», НО «Фонд содействия развитию венчурных инвестиций в малые предприятия в научно-технической сфере Саратовской области», ООО «Региональный фонд посевных инвестиций Саратовской области», ГУП СО «Бизнес-инкубатор Саратовской области», на базе которого действует Евро Инфо Консультационный (Корреспондентский) Центр, МАУ «Бизнес-инкубатор Балаковского муниципального района Саратовской области»⁴.

Основной исследовательской задачей было выявление мнений предпринимателей и населения по следующим проблемам:

 наличие административных барьеров для занятия бизнесом и оценка состояния конкурентной среды;

- уровень удовлетворенности качеством товаров и услуг на товарных рынках в Саратовской области и состоянием ценовой конкуренции;
- уровень удовлетворенности информационной доступностью о состоянии конкурентной среды на товарных рынках и деятельностью по содействию развития конкуренции в регионе.

Для решения поставленных исследовательских задач в октябре—ноябре 2014 г. на базе ЦРСИ СГУ им. Н. Г. Чернышевского был проведен опрос предпринимателей и населения г. Саратова. Выборка проведенного опроса репрезентирует:

- предпринимательское сообщество по критерию отраслевой принадлежности и организационно-правовой формы пропорционально их доле в экономике Саратовской области;
- трудоспособное население по полу, возрасту и району проживания.

В результате бесповторной квотно-стратифицированной выборки было опрошено 100 представителей малого и среднего бизнеса в возрасте от 18 до 59 лет, 487 жителей г. Саратова в возрасте от 15 до 89 лет. Исследование проводилось методом личного раздаточного анкетирования по месту работы предпринимателей и по месту жительства населения.

Результаты проведенного социологического опроса позволили сформулировать следующие выводы.

Проблемы функционирования бизнеса в Саратовской области целесообразно классифицировать по двум зонам: финансовая и административно-управленческая. Наиболее актуальной является первая зона, в которой основной проблемой выступает высокая налоговая нагрузка, уменьшение которой позволило бы значительно повысить привлекательность и успешность бизнес-сообщества. Для решения проблем финансирования малого и среднего бизнеса необходима разработка комплексной политики его кредитования и микрофинансирования как на уровне Федерации, так и на уровне регионов.

Проблемы административно-управленческой зоны связаны с государственными институтами, которые в должной степени не обеспечивают правовой, методологической и информационной поддержки предпринимателям. Более того, часто создают неоправданные административно-управленческие барьеры, которые усложняют старт и функционирование предприятий различного масштаба и отраслевой принадлежности

Особенности конкуренции, по мнению горожан и предпринимателей, в регионе обусловлены деформацией и недостаточностью условий, необходимых для ее развития. Отсутствие сложившегося рыночного механизма обусловливает развитие специфических форм и неэкономических методов конкуренции. Конкуренция принимает характер силовой борьбы, все больше отры-

ваясь от сферы производства. В таких условиях необходимо развитие конкуренции производителей на региональных и местных рынках, сокращение сферы избыточного посредничества, так как от конкуренции товаропроизводителей должен выигрывать в конечном счете потребитель.

Анализируя основные настроения в среде горожан относительно главных направлений работы по развитию конкуренции в Саратовской области, необходимо заключить, что большая часть населения города Саратова видит наиболее оптимальными направлениями контроль над ростом цен, контроль над качеством продукции и создание рабочих мест. Мнения предпринимателей по этому вопросу отличаются. Большая часть опрошенных предпринимателей указывают на такие направления работы по развитию конкуренции в регионе, как: создание системы информирования населения о работе различных компаний, защите прав потребителей и состоянии конкуренции в районе; ужесточение контроля над возникновением монополий, поддержкой новых направлений развития экономики города и района, ужесточением контроля над работой естественных монополий (водоснабжение, электро- и теплоснабжение железнодорожный и авиатранспорт). Такое противоречие можно объяснить тем, что для предпринимателей развитие конкуренции является жесткой экономической категорией. Реализация свободной конкуренции для предпринимателей - это возможность закрепить свои позиции на рынке, на котором функционирует их предприятие. Для горожан конкуренция - это удовлетворение их личных потребностей в качестве и цене на продукцию, возможности трудоустройства в появляющихся предприятиях малого бизнеса. То есть на сегодняшний день, по мнению предпринимателей, одним из главных необходимых и достаточных условий решения масштабных задач экономического и социального развития России является развитие малого и среднего предпринимательства. Созданию этих условий, благоприятных для деятельности новых и только зарождающихся субъектов малого предпринимательства, неизбежно препятствуют серьезные проблемы, связанные с неадекватностью представлений о реальном состоянии предпринимательского потенциала общества.

По уровню насыщенности товарных рынков в Саратовской области мнения предпринимателей и населения схожи. Выделены следующие социально значимые рынки для содействия развитию конкуренции в Саратовской области:

- рынок сельскохозяйственной техники и инвентаря;
 - рынок услуг общественного транспорта;
 - рынок услуг дошкольных учреждений;
 - рынок услуг ЖКХ;
- рынок услуг по уходу за детьми и гражданами с ограниченной деятельностью.

Основные источники информации о состоянии конкурентной среды для предпринимателей представлены управленческим уровнем развития и поддержки экономики. Чаще всего бизнесмены обращаются за получением информации в аппарат общественной приемной губернатора Саратовской области, в Саратовское региональное отделение общероссийской общественной организации малого и среднего бизнеса «Опора России», в Общественную палату Саратовской области. Это свидетельствует, скорее, о доверии к представителям власти и общественным объединениям со стороны предпринимателей, несмотря на кризисные проявления российской экономики. Большая часть горожан, напротив, получают информацию о состоянии конкуренции в Саратовской области из средств массовой информации местного и федерального уровня (местные газеты, центральные и местные ТВканалы). Незначительная часть населения обращается в официальные учреждения и региональные министерства за получением информации по данному вопросу.

В целом как для горожан, так и предпринимателей характерны обширные требования к роли государства и органов власти и уверенность в их обязанности обеспечивать многочисленные социальные гарантии и права населения, включая получение материальных благ. Большинство предпринимателей оценивают экономическую ситуацию в России, Саратовской области и районе проживания как неудовлетворительную, в то время как большинство горожан ставят удовлетворительную оценку. Деятельность органов власти и общественных структур по развитию конкуренции в г. Саратове горожане чаще всего оценивают средне. Однако это не касается тех, о чьей работе горожанам ничего не известно («Опора России», «Деловая Россия», Министерство экономического развития и инвестиционной политики области, Федеральная антимонопольная служба по Саратовской области). По мнению большинства предпринимателей, работа Общественной приемной Президента РФ носит формальный характер, поскольку большинству опрошенных представителей бизнес-сообщества ничего не известно о ее работе. Большинство предпринимателей признали неудовлетворительной работу главы администрации города и общественной организации по защите прав потребителей. Наметилась следующая тенденция: предприниматели выше оценивают работу органов власти на местах, нежели в Центре, ставя им среднюю оценку. В то же время работа общественных организаций по развитию конкуренции в городе оценивается ими как более удовлетворительная, нежели работа местных органов власти.

Основными факторами, сдерживающими развитие малого и среднего предпринимательства на территории Саратовской области, яв-

ляются: сложные механизмы начала и ведения предпринимательской деятельности (так называемая бумажная волокита); ограниченный доступ к кредитным ресурсам из-за многочисленных требований банков и высокой стоимости кредита; наличие административных барьеров и особенно семейственность и клановость в органах, регулирующих развитие конкуренции.

Таким образом, в целях создания здоровой конкурентной среды в регионе, повышения конкурентоспособности субъектов малого и среднего предпринимательства необходимо:

- обеспечить реализацию системного и единообразного подхода к деятельности по развитию конкуренции на всей территории Российской Федерации с учетом специфики функционирования региональной экономики и торговых рынков;
- сформировать прозрачную систему работы региональных органов государственной власти в части реализации результативных и эффективных мер по развитию конкуренции в интересах как конечного потребителя товаров и услуг, так и субъектов предпринимательской деятельности;
- создавать стимулы и условия для развития и защиты субъектов малого и среднего предпринимательства, устранения административных барьеров.
- выработать комплекс мер по укреплению социального статуса, повышению престижа бизнесменов, включая информационное освещение мероприятий по развитию и поддержке субъектов малого и среднего предпринимательства органами местного самоуправления, консалтинговую поддержку представителей бизнес-сообщества.

Примечания

- 1 См.: Стандарт развития конкуренции в субъектах Российской Федерации. URL: http://saratov.gov.ru/government/structure/mineconom/sodeystvie-razvitiyu-konkurentsii/Konk_st_08-14.pdf (дата обращения: 12.01.2015).
- ² См.: Об утверждении Плана мероприятий («дорожной карты») «Развитие конкуренции и совершенствование антимонопольной политики»: распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2012 г. № 2579-р. URL: http://saratov.gov.ru/government/structure/mineconom/sodeystvie-razvitiyu-konkurentsii/ (дата обращения: 06.01.2015).
- 3 См.: О внедрении Стандарта развития конкуренции в субъектах РФ: распоряжение Губернатора Саратовской области от 23 июня 2014 г. № 440-р. URL: http://saratov.gov.ru/government/structure/mineconom/sodeystvie-razvitiyu-konkurentsii/ (дата обращения: 11.01.2015).
- 4 См.: Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») «Развитие малого и среднего предпринимательства в Саратовской области на 2014–2016 годы». URL: http://docs.cntd.ru/document/467703592 (дата обращения: 13.012015).

УДК 303.1

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Т. А. Калугина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

В статье анализируются имеющиеся теоретико-методологические подходы по проблемам политической идентичности, выявляется их эвристический потенциал. Предпринимается попытка определить состояние политической идентичности в новых российских условиях с учетом процессов глобализации и глубоких общественных трансформаций в России. Делается вывод о необходимости учета двойственности условий формирования российской политической идентичности с целью глубокого понимания, объяснения и прогнозирования данного процесса.

Ключевые слова: политическая идентичность, бинарность политической идентичности, политическая социализация, кризис политической идентичности.

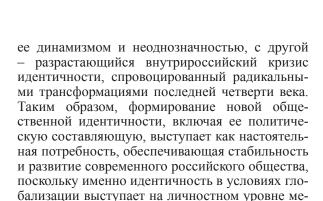
Political Identity: Theoretical and Methodological Approaches

T. A. Kalugina

This article analyzes the existing theoretical and methodological approaches to the problems of political identity, their heuristic potential revealed. An attempt to determine the state of political identity in the new Russian conditions, taking into account the processes of globalization and the profound social transformations in Russia. The conclusion about the need to consider the duality of conditions of formation of Russian political identity for the purpose of deeper understanding, explanation and prediction of the process. **Key words:** political identity, binary political identity, political socialization, political identity crisis.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-3-260-264

В широких научных (и не только) кругах современное российское общество уже давно характеризуется при помощи такого эпитета, как «кризисное». Причем кризисные тенденции просматриваются в самых разных социальных сферах: экономической, политической, духовной и т. д. Все чаще поднимается проблема, связанная и с кризисом идентичности. Так, отечественный исследователь А. Панарин считает, что главный кризис современной России – это кризис не социальный и не экономический, а кризис идентичности¹. В настоящее время российское общество ощущает на себе одновременное воздействие двух тенденций, говорящих о бинарности проблемы идентичности и необходимости ее учета в теоретико-методологическом плане. С одной стороны, глобальный кризис идентичности, вызванный к жизни сложностью общественной жизни конца XX – начала XXI в.,

ханизмом консолидации национальной солидар-

ности и коллективистского сознания.

Современную общественную жизнь сложно представить вне политического контекста. Это тем более важно в обществах, претерпевающих радикальные преобразования, которые пронизывают и политическую сферу. Е. Б. Шестопал отметила важность и для общественности, и для научного сообщества обострения кризиса политической социализации, разворачивающегося в современной России. Его ключевой особенностью является отсутствие какого-либо устойчивого алгоритма политической социализации россиян: «...отказ от старых советских ценностей и от всего советского наследия привели к тому, что в обществе образовался серьезный ценностный вакуум, который привел к потере населением какой бы то ни было психологической основы для идентификации»². Это тем более важно, что политическая идентификация происходит в ходе политической социализации, определения субъективных дефиниций и соотнесения себя с участниками сообществ, разделяющих иные политические ценности и ориентации, занимающих иную политическую позицию и т. д.

Опросы общественного мнения, проводимые социологами-прикладниками, выявляют общее размывание политического спектра, формирование нового согласия по определенным ценностно-нормативным структурам, сохранение разобщенности по другим не менее значимым основаниям. Динамика общественных ценностей – как политических, так и социальных – отличается в последние годы сложным характером. Противоречивое взаимоотношение вновь выработанных и унаследованных идентичностей, наблюдаемое в течение последних лет, способствовало изменению общественного запроса

в отношении отечественной политической элиты. Современный «политический режим» оказался в большой степени результатом состояния самого социума, уже не имеющего мобилизационных ресурсов и парализованного отсутствием социальной и политической субъектности. Последние события на мировой политической арене, связанные с обострением отношений с США, развертыванием конфронтаций на Украине, вовлечением огромного числа стран в военные действия в Сирии, создали весьма благоприятные внешние условия для укрепления политической идентичности россиян. Что касается внутренних факторов, связанных с медленным уходом от либерального принципа в реализации внутренней политики (сохранение социально ориентированного государства, реализация социальных программ, ужесточение государственного контроля над экономическими процессами и т. д.) при одновременном сохранении преференций у олигархического капитала, усилении социальной дифференциации, нарастании кризисных тенденций в экономике в целом, то их воздействие оказывается гораздо более сложным и противоречивым. Насколько успешным окажется формирование политической идентичности в данных условиях - покажет лишь время.

Сегодня, когда общественные науки обращают особое внимание на личное, творческое, уникальное, понятие идентичности, которое включает в себя и индивидуальную деятельность, и национальную специфику, и субъектную позицию, стало актуальной темой³. Среди всего многообразия работ, посвященных проблематике именно политической идентичности, можно выделить следующие направления.

Широкий спектр теоретических и практических вопросов, разработка понятийного аппарата представлены в работах И. С. Семененко, В. В. Лапкина, В. И. Пантина⁴. Отдельные аспекты теории политической идентичности, вызовы современного мира, влияющие на формирование российской политической идентичности, тенденции и механизмы формирования политической идентичности и прочее разрабатываются в исследованиях О. В. Поповой, В. С. Малахова, Л. Б. Гудкова, И. Н. Тимофеева⁵.

С середины 1990-х гг. политическая идентичность как специфической вид социальной идентификации представлена в публикациях С. И. Росенко, О. В. Поповой, Ю. А. Левады и др. Интересными также представляются попытки рассмотрения политической идентичности в соотношении с гражданской и государственной идентификациями, предложенные, в частности, Н. Ю. Кравченко⁶. С 2000 г. в рамках концепции «российской социокультурной идентичности» появляются монографические исследования Н. Элиаса⁷, А. Г. Смирнова и И. Ю. Киселевой⁸, Ю. В. Громыко⁹. Тем не менее, теоретическое осмысление проблемы политической идентич-

ности, определение ее характеристик в современном российском обществе еще далеко от завершения. Не в последнюю очередь это обусловлено многообразием подходов к изучению и определению идентичности, сложностью и многомерностью как реального феномена идентичности, так и самого понятия. В связи с этим В. А. Ачкасов и С. А. Бабаев отмечают, что концепции идентичности, предлагаемые иностранными исследователями, не являются аутентичными условиям российской действительности, поскольку они основываются на других особенностях ментальности¹⁰. Это и определило проблемное поле данной статьи: критическое рассмотрение основных теоретико-методологических подходов к изучению политической идентичности, предложенных отечественными исследователями, с целью определения их эвристического потенциала.

Как уже было отмечено выше, отечественные интерпретации политической идентичности отличаются многообразием подходов к ее изучению и определению. В первую очередь можно выделить объективный и субъективный подходы к пониманию политической идентичности.

По мнению В. А. Ачкасова и С. А. Бабаева, значимость идентичности определяют три базовых потребности: принадлежности к сообществу, позитивной самооценке и безопасности¹¹. Также идентичность включает в себя позитивный и негативный комплексы представлений. К очень древним пластам сознания относятся дуальные противопоставления: «добро — зло», «свой — чужой», «порядок — хаос» и т. д. При помощи таких противопоставлений и осуществляется идентификация, которая представляется крайне затруднительной, если вообще возможной, без сравнения участников общения. Это дает возможность для упорядочения ментального мира и ориентирования в нем.

Далее В. А. Ачкасов разворачивает конструкцию политической идентичности индивида и дополняет ее идентичностью группового уровня. Согласно его представлению, наличие политической идентичности у социальной группы означает целостность системы социальных и культурных характеристик общности, включающих в себя нормы, ценности, идеалы, предпочтения и ожидания, права и обязанности индивидов, реализующиеся в социокультурных ролях и статусах, а также связи и отношения, возникающие в процессе общей для всех этих членов общности деятельности¹². Таким образом, можно заключить, что В. А. Ачкасовым и С. А. Бабаевым была предложена субъективная теория политической идентификации.

Близкую по содержанию конструкцию предлагает В. М. Суханов, который интерпретирует политическую идентичность как самосознание индивида или социальной группы. Он считает, что идентичность выступает продуктом само-

идентификации, осознавания того, что человек характеризуется качествами, выделяющими его из числа других. В этом контексте «идентичность можно понимать как определенную устойчивость социокультурных, национальных и цивилизационных параметров, создающих социальную интегрированность и ощущение самотождественности у народа» 13.

Для Л. М. Дробижевой политическая идентичность является одной из разновидностей социальной идентичности и проявляется, как и для В. М. Суханова, в принятии (или отвержении) какой-либо политической позиции. Соотнесение с определенной политической позицией характеризуется множеством факторов, в том числе социальной позицией, оценкой политической ситуации в целом, сложившимися политическими симпатиями и антипатиями и многими другими. Политическая идентичность рассматривается и в качестве принадлежности к той или иной группе, характеризующейся общностью политических взглядов и интересов 14.

Если В. А. Ачкасов, С. А. Бабаев, В. М. Суханов и Л. М. Дробижева предлагают социокультурный подход к изучению политической идентичности, то В. И. Пантин разрабатывает ее психологическую концепцию. Для него политическая идентичность выступает как совокупность наиболее значимых политических ориентаций, которые во многом определяют политическое поведение и политические установки человека¹⁵. К этому же направлению можно отнести и версию, предложенную О. В. Поповой. Но если для В. И. Пантина политическая идентичность и политические ориентации – одно и то же, то для О. В. Поповой политическая идентичность является качеством политического сознания людей наряду с политическим ценностями и предпочтениями, а также политическими установками¹⁶. Кроме того, согласно ее мнению, система политической идентичности должна обязательно включать «образ другого», так как «важным показателем при оценке состояния политической идентичности является устойчивость ее моделей и степень распространения негативизма, на пик которой приходится расслоение самосознания, политизация и фрагментизация моделей идентичности на отдельные субидентичности – профессиональные, расовые, этнические, религиозные и др.»¹⁷

Иную конструкцию, построенную на принципах объективизма и социологизма, предлагает Н. И. Тимофеев, рассматривающий политическую идентичность как результат самоопределения государства, отраженный в базовых нормативных и доктринальных документах страны и укорененный в общественном сознании ее граждан. При этом идентичность выступает как коллективный, а не индивидуальный образ¹⁸.

Смысловое ядро понятия идентичности, согласно представлениям И. Н. Тимофеева, состоит из трех основных элементов. Во-первых, по-

литическая идентичность выступает в качестве совокупности нормативных представлений или принципов, на основе которых государство определяется своими гражданами как политическое сообщество и которые служат ему основанием осознания гражданами страны своей общности. Во-вторых, идентичность является совокупностью представлений, определяющих уникальность политического сообщества (государства) через его соотнесение с актуальными Другими, обозначение его границ, через определение своей роли и места в мире. В-третьих, идентичность оценивается как некий набор представлений и интерпретаций прошлого страны и определятся как особая интерпретация исторического прошлого, структурированная в рамках определенной логики¹⁹.

Таким образом, научным сообществом предлагаются самые разные теоретические концепции, объясняющие природу политической идентичности. Если более субъективные социокультурный и психологический подходы в большей степени сосредоточиваются на индивидуальной политической идентичности, то социологический подход, рассматривающий политическую идентичность в качестве объективной реальности, разрабатывает групповой уровень идентификации. В то же время первых и вторых объединяет рассмотрение политической идентичности как сложного образования, призванного консолидировать сообщество через противопоставление с Другими.

Оригинальный взгляд на классификацию интерпретаций политической идентичности предложила исследователь Е. С. Крестьянинова. В качестве основы выделения отдельных подходов она взяла источники формирования идентичности. Первый подход Е. С. Крестьянинова обозначила как институциональный. С этих позиций политическая идентичность локализуется вокруг групп и институтов, непосредственно связанных со структурой политического: партиями, государством, гражданством и т. п., и только по вопросам выработки политического курса, т. е. непосредственно с осуществлением власти и властных отношений.

Однако часто в поле политического попадают идентичности, которые изначально не были политизированы, но защита которых требует участия в политике. Говоря о политизированной идентичности, часто сложно определить точку отсчета. Представляется, что политизированной идентичность становится с момента выдвижения группой требований, так или иначе связанных с властью (претензиями на власть, требованиями невмешательства власти и т. п.). Таким образом, ко второму подходу к политической идентичности может быть отнесена как институциональная политическая идентичность, так и неполитическая идентичность, приобретшая политическую окраску в результате политизации²⁰.

На это же указывает О. В. Попова, разделяющая точку зрения, согласно которой «социальные модели идентичности - территориальная (региональная), конфессиональная, гендерная, этническая - приобретают в современном обществе политический, полипарадигмальный и междисциплинарный характер»²¹. На наш взгляд, этот тезис не лишен справедливости, тем более что в современной политической жизни наблюдаются разнонаправленные тенденции. Традиционные политические акторы классы, партии, профсоюзы и даже государства - играют все меньшую роль, снижается влияние идеологии в партийной жизни; большинство партий для привлечения сторонников становятся «всеядными»²². Классические партии, опирающиеся на четко обозначенные идеологию и социальный класс, все чаще оказываются в рядах аутсайдеров, не надеющихся на политический успех.

Подведем итог. Политическая идентичность носит сложный, комплексный характер, который необходимо учитывать при разработке теоретико-методологических проблем, связанных с ее изучением. С одной стороны, политическая идентичность осуществляется на субъектном уровне, как индивидуально, так и на уровне отдельных социальных групп и всего общества. С другой стороны, она предстает перед нами в качестве объективной данности, коллективного образа, являющегося результатом самоопределения государства, отраженного в общественном сознании. Первый вариант интерпретации политической идентичности предлагается нам в рамках социокультурных и психологических подходов, второй разрабатывается преимущественно в рамках социологической теории. Несмотря на принципиально разные объяснения природы политической идентичности, предлагаемые данными концепциями, и субъективный, и объективный подходы подводят к выводу о важности идентичности в процессе консолидации сообщества через принадлежность к определенной социальной группе (позитивная идентификация) и одновременное противопоставление с Другими (негативная идентификация), но делают они это посвоему. Рассмотренные теоретические подходы к изучению политической идентичности по отдельности представляют серьезный научный интерес, однако целостное понимание данного явления возможно только через интеграцию объективной и субъективной традиций изучения идентичности в единое целое.

Примечания

- См.: Панарин А. С. Россия в цивилизационном процессе. М., 1995. С. 78.
- ² Шестопал Е. Б. Развитие российской политической психологии в постсоветский период // Политическая

- наука в России : проблемы, направления, школы (1990–2007) / отв. ред. О. Ю. Малинова. М., 2008. С. 175.
- ³ См.: Зайцев И. В. Проблема формирования политической идентичности: опыт социально-психологического исследования // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. 2007. № 3. С. 40.
- 4 См., например: Лапкин В. В., Семененко И. С. Пантин В. И. Ценность в системе координат мирового развития // Полис. 2010. № 3. URL: http://www.gtmarket.m/laboratory/expcrtize/2010/2699 (дата обращения: 25.10.2015); Семененко И. С. Российская идентичность перед вызовами XXI века: проблемы и риски на пути формирования гражданской нации // Дестабилизация мирового порядка и политические риски развития России: сб. ст. / отв. ред. В. И. Пантин, В. В. Лапкин. М., 2010; Пантин В. И. Политическое самоопределение России в современном мире: основные факторы, тенденции, перспективы // Полис. 2007. № 5. С. 105–117 и др.
- 5 См.: Попова О. В. Политическая идентификация в условиях стабильности и трансформации общества : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2002; Малахов В. С. Неудобства с идентичностью // Вопр. философии. 1991. № 2. С. 43–53; Гудков Л. Д. Негативная идентичность. М., 2004; Тимофеев И. Н. Политическая идентичность России в постсоветский период: альтернативы и тенденции: дис. ... канд. полит. наук. М., 2006; Его же. Российская политическая идентичность сквозь призму интерпретации истории // Вестн. МГИМО. 2010. № 3. URL: http://www.perepektivy.mfo/print.php?ID=64421 (дата обращения: 13.10.2015); Малинова О. Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. 2010. № 2. С. 80–105.
- 6 См.: Кравченко Н. Ю. Методологические аспекты исследования гражданской идентичности // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2012. Т. 12, вып. 4. С. 3–7; Ее же. Гражданская идентичность в условиях неправовой демократии // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2014. Т. 14, вып. 2. С. 34–37.
- 7 См.: Элиас Н. Общество индивидов. М., 2001.
- 8 См.: Смирнов А. Г., Киселева И. Ю. Идентичность в меняющемся мире. Ярославль, 2002; Их же. Формирование идентичности в российской провинции. М., 2001.
- ⁹ См.: *Громыко Ю. В.* Антропология политической идентичности. М., 2006.
- ¹⁰ См.: Жаде Г. А. Геополитическая идентичность России в условиях глобализации: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Краснодар, 2007. С. 45.
- ¹¹ См.: *Ачкасов В. А., Бабаев С. А.* «Мобилизованная этничность» : Этническое измерение политической культуры современной России. СПб., 2002. С. 41–42.
- 12 См.: Ачкасов В. А. Региональный политический ландшафт России: столкновение интересов. СПб., 2002. С. 30.
- 13 Суханов В. М. Региональная политическая идентичность в России: теоретический анализ исследования, состояние и перспективы: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Саратов, 2009. С. 21.

- 14 См.: Дробижева Л. М. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся: ежегодник / Ин-т социологии РАН; отв. ред. Л. М. Дробижева. М., 2003. С. 212–223.
- 15 См.: Пантин В. И. Политическая и цивилизационная самоиндентификация современного российского общества в условиях глобализации // Полис. 2008. № 3. С. 14.
- ¹⁶ См.: *Попова О. В.* Особенности политической идентичности в странах Европы // Полис. 2009. № 1. С. 143.
- 17 Там же. С. 144.
- ¹⁸ См.: Тимофеев И. Н. Политическая идентичность России в постсоветский период: альтернативы и тенденции. М., 2008. С. 151.

- ¹⁹ Там же. С. 172.
- ²⁰ См.: Крестининова Е. С. Политическая идентичность как фактор двухсторонних отношений: теоретические аспекты. URL: http://image-of-russia.livejournal. com/61443.html (дата обращения: 10.10.2015).
- ²¹ *Попова О. В.* Особенности политической идентичности в странах Европы. С. 145.
- ²² См.: *Щупленков О. В., Щупленков Н. О.* Политическая социализация и идентичность в условиях трансформации российского общества // NB : Проблемы политики и общества. 2013. № 6. С. 1–58. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_724.html (дата обращения: 25.10.2015).

УДК [316.022.4 + 316.452 + 316.472]

«В МЕНЬШИНСТВЕ»: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ДИСКУРСЫ ПРОБЛЕМЫ

В. В. Щебланова

Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А. E-mail: vsheblanova@mail.ru

В статье проблематизируются аналитические перспективы в исследовании феномена этнических, культурных меньшинств, его категориального поля. Анализируются социальные проблемы, разнообразие и проявления меньшинств в поликультурном пространстве региона.

Ключевые слова: этническое, культурное меньшинство, отношение к меньшинствам, проблемы и проявления меньшинств, региональный аспект.

«In Minority»: Ethnocultural Discourses of a Problem

V. V. Shcheblanova

Article considers analytical prospects in research of a phenomenon of ethnic, cultural minorities, its categorial field. Social problems, a variety and manifestations of minorities in polycultural region have been defined.

Key words: ethnic, cultural minority, attitude towards minorities, problems and manifestations of minorities, regional aspect.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-3-264-268

Современные государства сложно стратифицированы культурными, этническими, конфессиональными, лингвистическими структурами. Значительное пространство в этих структурах принадлежит этническим меньшинствам. Феномен меньшинств проявляет себя из глубины веков, но особенную актуальность приобрёл в XX в. Следствием развернувшихся в мире процессов демократизации общества явилось столкновение традиционных взглядов и формирующегося у людей нового мировоззрения. Недавние террористические акты в Париже стали результатом провала мультикультуралистской

идеологии. Мультикультурализм Европы, как основа политики привлечения трудовых мигрантов, способствовал не интеграции, а сегрегации мигрантов.

В России попытки создания новых принципов построения национальной идентичности (сформированных на истории, менталитете, религии, гражданстве) сопровождают напряжёнсоциально-экономических процессов трёх последних десятилетий, и в центре социокультурных противоречий часто оказываются этнокультурные, социальные меньшинства. Их проблемы, развитие, способы сосуществования в общем государственном пространстве занимают значимое место в социальных исследованиях. Данная статья посвящена проблематизации аналитических перспектив в исследовании феномена этнических, культурных меньшинств, его категориального поля, социальных проблем, разнообразия и проявлений меньшинств в поликультурном пространстве региона.

Понятие «меньшинство» в последние десятилетия расширило сферы своего приложения – от экспертного использования до массового. Этот термин быстро постигли и задействуют наряду с исследователями государственные лидеры, правозащитники, писатели, сценаристы, создатели идеологем, обычные люди в повседневном общении. И конечно, существуют разнообразные понимания многозначного термина «меньшинство», который имеет историю своего осмысления и востребованности в разных контекстах. В стремлении дать наиболее полное определение меньшинства авторы объединяют

в нём характеристики разных векторов социальных взаимоотношений, исходя из количественного учёта населения (в этимологическом корне слова уже присутствует сравнительная количественная характеристика в значении «меньшей части» чего-либо), из дискурсов подчинения/доминирования и гражданской солидарности.

Этнические, национальные меньшинства

Меньшинство зачастую определяют как численно уступающую, не доминирующую группу граждан, обладающих этническими, расовыми, религиозными или языковыми характеристиками, отличающими их от большинства. С аналогичных позиций определяют и этническое меньшинство как группу граждан, численно уступающую остальному населению государства и не занимающую господствующего положения, члены которой имеют этнические, религиозные или языковые отличия от остального населения и демонстрируют солидарное желание сохранить свое культурное своеобразие и групповую целостность. Такое понимание этнического меньшинства аналогично термину «национальное меньшинство», который был популярен в республиках бывшего СССР. Наряду с вышеотмеченными характеристиками в определении меньшинства, некоторые исследователи выделяют такой признак, как длительность проживания на данной территории. Член подкомиссии ООН по предупреждению, дискриминации и защите меньшинств Ж. Дешене подчёркивал, что беженцы, неграждане, экономические мигранты, сезонные рабочие и прибывшие в страну иностранцы не являются национальными меньшинствами, их права регулируются другими международными документами².

Национальное меньшинство может обладать разными культурными, политическими признаками: являться частью большого этноса, располагающего своим государством (российские немцы) или частью этноса, расселённого по разным странам (евреи, цыгане), быть единой группой без государственности (крымские татары). Следуя такой логике осмысления, можно сказать, что и меньшинство, и нацию характеризуют такие признаки, как язык, культура, но эти общности обладают разными статусами в отношениях доминирования и подчинения. Нация имеет территорию, границы которой совпадают с государством, и «терпит» меньшинства как гостей, занимающих подчинённое положение, нуждающихся в защитных механизмах. Слабость такой перспективы осмысления меньшинства в том, что эту группу практически невозможно рассматривать как единую однородную целостность, с видимыми границами, признаками, выраженным членством и готовностью солидарно действовать. Если же анализировать меньшинство как юридическую фикцию, то допущение,

что меньшинство — это группа, отличающаяся по определённым параметрам от большинства, влечёт за собой два таких суждения³. Во-первых, для части общества необходимы специальные гарантии прав человека и гражданина. И, вовторых, со стороны этой части общества есть спрос, относящийся к публичным интересам, на определённые услуги в сфере языка и культуры.

Проблема меньшинств вообще возникла вместе со становлением системы европейских национальных государств, когда следствием централизации власти и идеологического оформления национального единства стало утверждение господствующих культурных, религиозных образцов и одновременно порождение нетерпимости в отношении «чужаков». Для решения этих проблем стало необходимым государственное регулирование и межгосударственные договоренности. Так возник блок прав меньшинств, носивший не только гуманитарный (защита прав человека), но и защитный (предупреждение международных конфликтов) характер. Проблема этнических меньшинств приобрела особую остроту в XX в. в связи с ростом этнического самосознания малых групп, массовых международных миграций, процессами демократизации и правозащитными движениями⁴. Система международной защиты этнических меньшинств институциализировалась в конвенциях, международных пактах и декларациях ООН и, в частности, в принятой в 1992 г. «Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам»⁵.

В настоящее время Конституция РФ устанавливает особый правовой режим национальных меньшинств России, государство обязуется защищать права национальных меньшинств и признаёт их в качестве субъектов государственного права (Конституция РФ, ст. 71: регулирование и защита прав национальных меньшинств предмет ведения РФ; ст. 72: защита прав национальных меньшинств - предмет совместного ведения РФ и её субъектов). Самоопределение народов РФ предполагает право национальных меньшинств РФ образовывать национальные общины в пределах России, в частности, право на национально-культурную автономию (ФЗ «О национально-культурной автономии с изменениями на 4 ноября 2014 года»)⁶.

На рубеже 1980—1990-х гг. в рамках процесса демократизации феномен этнических меньшинств приобрёл большую актуальность. Часто они стали оказываться в центре межэтнических противоречий. Саратовская область — полиэтничный регион, где есть богатый опыт проживания представителей разных этнических групп и конфессий. Но в некоторых муниципальных районах процессы адаптации представителей национальных меньшинств, прибывающих на территорию Саратовской области, проходят затруднительно.

В 2013 г. был реализован социологический проект «Отношение к этнокультурным меньшинствам в Саратовской области» (К. Мокин, H. Барышная; N = 3800, 2013). Исследователи констатировали, что в обществе доминирует нейтрально-негативная оценка в отношении миграционных этнических групп. В более «успешном» виде представлены казахи, что объясняется наличием значительного числа мест компактного проживания казахов на территории Саратовской области (в основном приграничные районы - Алгай, Дергачи, Озинки, в меньшей степени Ершов). Оценивая отношение к мигрантам в целом, менее половины респондентов согласились с формулировкой, что нет необходимости проводить активную миграционную политику по привлечению «новых граждан». Однако 40% опрошенных считают, что лучше вообще не принимать мигрантов и выселить тех, кто уже приехал. При этом практически 30% респондентов отметили, что с представителями других национальностей «лучше не общаться/категорически никаких отношений». Причины неоднозначных оценок, интолерантности, вероятно, объясняются тем, что происходящие процессы можно рассматривать как компенсационные практики. В условиях снижения социального капитала большинства жителей области необходимо его увеличивать либо за счёт роста доходов, самооценок, реального повышения качества жизни, либо за счёт формирования новой шкалы социальных отношений, в которых «большинство» по-прежнему будет занимать доминирующую позицию и тем самым воспроизводить «естественную идентификацию»⁷.

Дискурсы разнообразных культурных меньшинств

Рассмотрим категорию «меньшинство» в более широкой перспективе, ведь признаки какойлибо численно меньшей группы граждан можно выделить и исходя из таких характеристик, как рост, цвет глаз, возраст, сексуальная идентификация или выполняемая работа. Уместным будет обратиться и к категории гражданства как способу взаимодействия между властью и индивидами, при котором последние рассматриваются как равные друг другу.

Гражданство характеризует не только юридическую принадлежность, но и принадлежность социально-культурную (а именно членство индивида в определённом сообществе). Условием возможности института гражданства является наличие наряду с гражданами — неграждан, наряду с обладателями прав (например, на сохранение культуры», на идентичность) — тех, кто их лишён⁸. Ядро культурного гражданства — ущемлённые меньшинства, наряду с недавними иммигрантами это люди разного цвета кожи, геи, лесбиянки.

Как отмечает Л. Ионин, социологическое меньшинство необязательно должно быть коли-

чественным понятием или представлять группу, ущемлённую в своём статусе, образовании, трудоустройстве, медицинской помощи и политических правах. Меньшинство – это совокупность индивидов, демонстрирующих отклоняющееся, т. е. не соответствующее норме поведение, или обладающих другими признаками (внешний облик, способ одеваться, сексуальная ориентация или этническая идентификация), представляющими собой отклонение от общепринятого. Поэтому, говоря о меньшинствах, в первую очередь нужно задавать вопросы о месте этих людей в ценностно-нормативном континууме общества, как они влияют на реальное общественное поведение, воспитание молодёжи, формирование личности, в широком смысле – как их поведение соотносится с господствующей в обществе нормой. Конечно, количественный аспект не стоит сбрасывать со счетов, но прежде необходимо анализировать, играет ли эта меньшая часть людей реальную роль в социальном поведении⁹.

Обратимся, например, к проблемам сексуальных меньшинств. Термин «сексуальное меньшинство» объединяет лиц обоих полов с минорными по статистике вариантами сексуальной ориентации либо гендерной идентичности – гомосексуальностью, бисексуальностью транссексуальностью¹⁰. Эта категория не осмысливает данных лиц как девиантных, патологичных (так же, как представителей любых других меньшинств) и в определённой степени подразумевает легитимность их борьбы за свои права. Конечно, подобные формы проявлений сексуальности были всегда, они не новы, но в последние годы эти группы меньшинств проявляют готовность действовать для изменения своего статуса, получения преимуществ, льгот.

Постепенно нетрадиционные сексуальные ориентации проходят через процессы признания и институциализации. На глобальном уровне проблема защиты сексуальных меньшинств нашла отражение в «Джокьякартских принципах», принятых в Индонезии в 2006 г. представителями 25 государств – Австралии, Молдовы, Аргентины, Южной Африки, Бразилии, Турции, Новой Зеландии, Пакистана, Кении, Индии, Великобритании, США, Республики Гамбия, Таиланда, Австрии, Ирландии, Непала, Болгарии, Индонезии, Сербии, Финляндии, Китая, Польши и Канады. В Принципах осуждаются все формы стигматизации, дискриминации и насилия на основе сексуальной ориентации и гендерной идентичности и провозглашается, что каждый индивид имеет «право <...> без какого бы то ни было принуждения <...> свободно и ответственно принимать решения по вопросам, касающимся сексуальности, включая сексуальное и репродуктивное здоровье....»¹¹. Впервые международное сообщество в декларации предложило трактовку «сексуальной ориентации» с позиций эмоциональной, а не физиологической составляющей. Джокьякарт-

ские соглашения стали существенным прорывом в концептуализации сексуальных меньшинств и в формировании защитных механизмов. Что же касается внутреннего законодательства, то передовым в этом смысле является законодательство ЮАР, где соответствующий принцип был закреплен в Основном законе ещё в 1996 г.: «Государство не может несправедливо дискриминировать прямо или косвенно любого человека, исходя из одной или нескольких причин, включая расу, пол <...> этническое или социальное происхождение, цвет, сексуальную ориентацию» 12.

Вместе с тем культурные традиции и ценности, определяющие как нормальное гетеросексуальное поведение, содействуют формированию гетеросексизма и фобий по отношению к лицам с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Как показывают результаты всероссийского опроса Левада-Центра (N = 1600, 2013)¹³, подавляющее большинство граждан нашей страны выступает против однополых браков на территории России и проведения гей-парадов в российских городах. Как констатировали исследователи, среди взрослого населения России продолжают расти гомофобские настроения. Однако в публичном пространстве - это распространённое демонстративное поведение, популярная тема, транслируемая на современном телевидении. Масса анекдотов, смешных шуток посвящена сексуальным меньшинствам (например, челябинский суровый мужик Дулин из юмористического сериала «Наша Russia»). Сегодня секс-меньшинства располагают разными пространствами для общения, в Интернете существует ряд тематических сайтов, групп. И, возможно, в ближайшие десятилетия количество респондентов, приемлющих нетрадиционную сексуальную ориентацию, увеличится.

Однако гомосексуальные сценарии, как пишет Е. Омельченко¹⁴, скорее, а/вне/несоциальны в российской провинции, где практически отсутствует публичное пространство и культурная инфраструктура для проявления гомосексуальной идентичности (клубы, кафе, театральные перфомансы). В Саратове в последние годы периодически проявляется слабая активность представителей сексуальных меньшинств. В 2011 г. маршрут их флешмоба охватил несколько центральных зон города, участники моба выпускали шарики, привязав к ним записки с желаниями. Как отметили борцы с гомофобией, «некоторые из прохожих просили по шарику, кто-то интересовался, что мы так ярко отмечаем. Прямого ответа люди не получали, да и ни к чему это... вдруг нарвёшься на гомофоба... тогда кранты нашей акции и поминай как звали» 15. Год спустя гей-парад в поддержку мировой гей-общественности в борьбе с гомофобией в Саратове не состоялся. Сопредседатель объединения «Русский блок-Саратов» П. Галактионов обещал вместе с единомышленниками препятствовать флешмобу, «начиная

от самого примитивного забрасывания яйцами, купания в фонтане, ну или просто встанем кудато, чтобы их не пустить» 16. К такому мощному пиару саратовское гей-сообщество оказалось не готовым, и за два часа до начала флешмоб был отменён без объяснения причин.

Другим примером пиара и публичной деятельности разнобразных культурных меньшинств в Саратовском регионе является недавний активизм «Славянской общины». Это надэтническое культурное меньшинство отстаивает развитие, сохранение культуры, обычаев единого славянского народа, возрождение исконной славянской веры. Язычниками нашего времени они представляют тех, кто исповедует старую веру, бывшую до возникновения христианства, а язычеством называют древнейшую религию на земле. Как полагает Г. Данилов (глава славянской общины, существующей в Саратове с 2008 г., численностью 100 человек), в православной конфессии напутано из-за перехода с Юлианского солнечного календаря на новый, поэтому оторвались одни христиане от других: «Но наши предки славяне праздновали праздники по солнцу, и мы всё празднуем по солнцу. Какие проводы зимы могут быть в феврале?»¹⁷. Поскольку деятельность меньшинства нуждается в «подкреплении финансовой составляющей», то лидеры славянской общины Саратова обратилась к мэрии с просьбой найти помещение для проведения собраний славянской общины, выделить ей деньги из бюджета. Совсем недавней инициативой от славянской общины, не нашедшей поддержки на заседании в Общественной палате в феврале 2015 г., стали предложения: ежегодно проводить 22 марта в национальной деревне Саратова Масленицу по славянскому обычаю, установить памятник князю Святославу Игоревичу и мемориал славянской культуры «Славянское святилище» (древнейшая обсерватория, позволявшая предкам славян распределять себя по временам и сторонами года) с выделением места в городской черте. Стремясь придать своим представлениям более высокий статус, инициаторы этих предложений всё же не могут научно и с приведением исторических фактов, источников обосновать необходимость реализации инициатив «единого славянского народа» на общегородском уровне. Однако желание добиться широкого распространения собственной идеологии, а также рекламы своих организаций, проектов у меньшинства однозначно присутствует.

На основании вышеизложенного можно констатировать, что в последние десятилетия понятие «меньшинство» энергично вошло в нашу жизнь, меньшинства демонстрируют своё мировоззрение, активность в разнообразных социальных сферах. Культурные и социальные группы меньшинств, отличающихся по определённым параметрам от большинства, проявляют готовность действовать для изменения своего статуса,

получения преимуществ, льгот. Сегодня наряду с привычными этническими меньшинствами в региональном пространстве о своём существовании заявляют и другие культурные группы, стараясь заинтересовать, привлечь внимание окружающих.

Культурные традиции и ценности, определяющие как нормальное поведение большинства, содействуют формированию соответствующей «естественной» идентификации. В Саратовской области присутствует в целом нейтрально-негативная оценка в отношении миграционных этнических меньшинств. Что же касается отмеченных проявлений в региональном пространстве публичного активизма представителей сексуальных меньшинств, стремящихся повлиять на общественное восприятие, или приведённых примеров об инициативах славянской общины, норовящих изменить доминирующие представления, ценностно-нормативное поле, то пока попытки энтузиастов остаются слабыми и не находят отклика у большинства.

Завершая интерпретацию различных перспектив анализа этнических, культурных меньшинств, их проблем, представленности в городской публичной жизни, отметим, что, в продолжение темы перспективен социологический анализ типов, конфигураций существования меньшинств в связи с их представлениями о ценностях, нормах, об общепринятых структурах «большинства»; стратегий образования таких меньшинств и их мобилизации; проявлений меньшинствами национальной солидарности, подобных тем, что мы наблюдали во Франции и Европе после трагедии «Шарли Эбдо».

Примечания

- 1 См.: *Тишков В. А.* Меньшинство этническое // Социологическая энциклопедия : в 2 т. М. : Мысль, 2003. Т. 1. С. 617.
- ² См.: *Тураев В. А.* Этнополитология. М.: Ладомир, 2001. С. 97–98.
- ³ См.: Осипов А. Г. Концептуальные подходы к этнической политике и перспективы противодействия дискриминации // Вестн. публичного права. 2003. № 3. С. 6–12.
- ⁴ См.: *Тишков В. А.* Указ. соч.
- 5 См.: Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым

- меньшинствам. Принята резолюцией 47/135 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1992 года. URL: http://www.un.org/ru/documents/ decl_conv/declarations/minority_rights.shtml (дата обращения: 15.03.2015).
- 6 См.: О национально-культурной автономии (с изменениями на 4 ноября 2014 года): федер. закон. URL: http://docs.cntd.ru/document/9018667 (дата обращения: 21.02.2015); Конституция РФ. Глава 3. Федеративное устройство. Ст. 71, 72. URL: http://ipipip.ru/konstitucia (дата обращения: 21.02.2015).
- ⁷ См.: *Барышная Н*. Отношение к референтным этнокультурным меньшинствам в Саратовской области (по результатам социологического исследования) // Теория и практика общественного развития, 2013. № 7. С. 155–158.
- 8 См.: Малахов В. Гражданство как концепт и институт: что, как и зачем изучать // Гражданство и иммиграция: концептуальное, историческое и институциональное измерение: сб. ст. / под ред. В. С. Малахова, А. Ф. Яковлевой. М.: Канон +, 2013. С. 6–32.
- ⁹ См.: *Ионин Л. Г.* Парад меньшинств. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Гнозис, 2014. С. 9–11.
- ¹⁰ См.: Сексуальные меньшинства. URL: http://ru.lgbt. wikia.com (дата обращения: 19.02.2015).
- 11 Джокьякартские принципы. Принципы применения международно-правовых норм о правах человека в отношении сексуальной ориентации и гендерной идентичности от 9 ноября 2006 года. URL: http://www. yogyakataprinciples.org (дата обращения: 03.03.2015).
- ¹² Конституция Южно-Африканской Республики от 8 мая 1996 г. URL: http://www.constitutions.ru/article/132 (дата обращения: 10.02.2015).
- ¹³ См.: *Плотко М.* Пресс-выпуск Левада-Центр. Сексуальные меньшинства. «Страх другого. Проблема гомофобии в России». URL: http://www.levada.ru/12-03-2013/strakh-drugogo-problema-gomofobii-v-rossii (дата обращения: 10.02.2015).
- 14 См.: Омельченко Е. Размытое начало: гомодебют в контексте сексуального сценария // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2004. № 2–3. С. 74–87.
- 15 Сексуальные меньшинства провели в Саратове флешмоб // Саринформ. 2011. 18 мая. URL: http://www.sarinform.ru/news (дата обращения: 01.03.2015).
- ¹⁶ Меньшинства не прошли // Новые времена. 2012. 15 мая. URL: http://www.nvsaratov.ru/news (дата обращения: 03.03.2015).
- ¹⁷ «Духовная мощь» Г`усского Ляда: большевики, шинчуки и язычники // Livejournal, 29.01.13. URL: http:// sartorkvemada.livejournal.com/70217.html (дата обращения: 19.07.2016).

УДК 316.344.3

ЭТНОС, ЭНДОГАМИЯ, КРОВНОРОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ

В. И. Бегинин, Х. Б. Тадтаев

Саратовский государственный аграрный университет имени Н. И. Вавилова E-mail: BegininalA@info.sgu.ru, Tadtaew@yandex.ru

В статье анализируются проблемы этноса, эндогамии и кровного родства. Эндогамия и чувство кровного родства рассматриваются как особенности этноса, которые невозможно абсолютизировать. Отсутствие мифа об общем происхождении этноса не всегда оказывается помехой в формировании этнической общности. **Ключевые слова:** этнос, этничность, эндогамия, этнические признаки, кровное родство, этническое самосознание.

Ethnos, Endogamy, Blood Relationship

V. I. Beginin, H. B. Tadtaev

The problems of ethnos, endogamy and consanguinity are being analyzed in the article. Endogamy and the feeling of blood relationship are being considered as a peculiarity of a specific ethnos and they cannot be made absolute for all ethnic groups. Absence of the myth of the ethnos common origin is not always an obstacle to ethnos formation.

Key words: ethnos, ethnicity, endogamy, ethnic characteristics, consanguinity, ethnic self-consciousness.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-3-269-273

Проблема этноса и этничности остается как в отечественной, так и зарубежной социогуманитарной литературе дискуссионной. Точки зрения не только не сближаются, но становятся диаметрально противоположными. Так, В. А. Тишков в работе «Реквием по этносу» предлагает отказаться от «научно несостоятельного термина этнос»¹. Очевидно, что отказ от термина «этнос» не решает проблемы.

Совершенно иную позицию занимает С. Е. Рыбаков. Признавая объективное существование этнических общностей, он уверен в принципиальной невозможности определения этноса через перечисление этнических признаков. «Любой из признаков (культура, язык, психологический склад и т. п.) — на самом деле самостоятельный феномен, несомненно, имеющий связи с этносом, но точно такие же связи имеющий со множеством иных общностей»².

Разумеется, любая точка зрения имеет право на существование, и единственным критерием жизнеспособности выступает ее аргументированность. Логика мышления С. Е. Рыбакова безупречна, однако с некоторыми аргументами (или их отсутствием) согласиться невозможно. С. Е. Рыбаков уверен, что в целом этнос выступает как общность родственников, самосозна-

ние и социальное поведение которых покоится на фундаменте «своего, родного». Члены этноса не просто чувствуют себя родственниками, а объективно являются таковыми. Сам термин «родство» в отечественной философской литературе имеет различное толкование, смысл. Так, Н. Ф. Федоров приоритетным, «настоящим» считал родство биологическое (родители – дети и т. д.), а Н. А. Бердяев считал главным духовное (в определенной мере религиозное) родство, а биологическое - помехой родству духовному. Однако совершенно очевидно, что С. Е. Рыбаков под родством однозначно понимает родство биологическое. В этой связи не совсем обоснованным представляется утверждение, что «признание очевидного факта произрастания феномена этничности из расширенного родства и популяционного единства, - это никакое не "биологизаторство", ведь никто же не объявляет семью "биологической ячейкой" на тех основаниях, что данный институт построен на половых и близкородстенных связях и что дети имеют обыкновение появляться всем известным способом»³. Если главным (именно главным) объединяющим фактором этноса считать биологическое родство, то отказ от «биологизаторства» представляется условным и даже излишним.

Возникает вопрос: насколько убедительно и доказательно утверждение о родственной общности членов этноса? Возможно ли в принципе рассматривать этнос как популяционное единство?

Если единственным источником истины считать мнение отдельных (именно отдельных) западноевропейских или североамериканских исследователей, то биологизация этноса вполне вероятна и даже необходима. Наряду с именами, перечисленными по определенной иерархии в работах С. Е. Рыбакова, можно обратиться к работам авторитетного американского исследователя, автора ряда книг по проблемам этничности, социобиолога Пьера Ванденберга, который предлагает широкую социобиологическую перспективу изучения человеческого поведения вообще и этничности в частности. В работе «Феномен этничности» он утверждает, что «этнические и расовые чувства являются продолжением родственных чувств. Этноцентризм и расизм, таким образом, оказываются расширенными фор-

мами непотизма»⁴. В таком случае этничность оказывается расширенной родственностью, и происхождение считается главной чертой этничности. Однако как социобиологу Ванденбергу достаточно очевидным представляется и то, что в ряде случаев общность происхождения, приписываемая этнической группе, может оказаться фиктивной. И даже в ограниченных родственных группах нередки случаи вымышленного происхождения. «Если даже в ограниченном кругу ядерной семьи, - пишет Ванденберг, - родство может оказаться биологической фикцией, то совсем не удивительно, что расширенное родство, предполагаемое этничностью, часто оказывается мнимым. Чем больше этническая группа, тем выше вероятность такой ситуации»⁵. Этничность не предполагает обязательной кровнородственной связи между членами одной и той же этнической группы. В таком случае возникает вопрос: почему в ситуации достаточно высокой возможности мнимого родства внутри этнических групп именно идея родства оказывается вполне заслуживающей доверия и скрепляющей представления об этнической солидарности? Конкретные ситуации в сфере этнической солидарности бывают различными, и часто миф мнимого родства оказывается невостребованным, неактуальным. Социальное исследование, проведенное в 2003 г. в Шотландии, где этническая проблема весьма непростая, показало, что 70% опрошенных согласны считать цветного человека, живущего в Шотландии, шотландцем, если он говорит с шотландским акцентом и утверждает, что он шотландец⁶.

Нельзя не заметить, что этнические чувства часто выглядят иррациональными в силу того, что оказываются движимыми собственными внутренними силами. При анализе понятия «этничность» часто наблюдается смешение расового и этнического. Так, Р. Джексон (сотрудник университета Британской Колумбии) на основе методологии концептуального анализа, предложенной одним из крупнейших специалистов в современной этнологии Дж. Сартори, изучая понятие этничности, пришел к выводу, что одним из главных «этнических индикаторов» являются расовые особенности людей. «Если для спецификации этносов в предметном отношении необходимы расовые признаки, – писал Р. Джексон, – то наиболее важным для социальной науки следует признать исследование субъективной осведомленности население о собственных этнических отличиях»⁷. Одновременно с расовыми особенностями существенными «этническими индикаторами» Р. Джексон считает также различия в языке, религиях и обычаях. Соотношение расового и этнического является предметом особого исследования, однако примечательно, что при семантическом определении понятия «этнос» Р. Джексон рассматривает биологические факторы (расовые) и социокультурные (язык, религия, обычаи) в симбиозе.

В определенной степени этничностью можно манипулировать. Проблема может варьироваться от абсурдно-комичной до трагедии. Хотя память о предках никогда не была привилегией дворянства, но по вполне понятным причинам для титулованной части населения родословие имело особое значение. Долгое время древность и знатность рода от рождения определяли принадлежность к той или иной группе служилого сословия. В силу данного обстоятельства в России (как некогда и в ряде других стран) родословие дворянства имело богатую традицию. Уже в Средневековье была предпринята попытка создания официального родословного справочника «Государев родословец» (1555). Со временем возникает так называемая «Бархатная книга», родословные тщательно проверяли. Попытки любого подлога, а такие случаи были не редкостью, не только порицались, но и карались. При скрупулезном анализе родословной русской знати получаем весьма интересный эмпирический материал - 70% высшей знати имеет неславянские корни⁹ (именно неславянские, а не просто нерусские). Среди этого множества доминируют германские, литовские (прежде всего Гедиминовичи), татарские и другие корни. Разумеется, представители русской знати роднились между собой, но необходимо говорить не только о внутрирусском родстве, а о более широком общечеловеческом родстве. Русская знать в этом отношении не исключение. Полиэтничность родословной – характерная черта и грузинской, и польской, и английской, и персидской, и т. д. знати.

Совершенно очевидно, что знать не составляет большинство этноса, и возникает вопрос: быть может, для простого народа не характерно межэтническое смешение? Проблему межрасового и межэтнического смешения мы конкретно проанализируем в дальнейшем, здесь же обратимся к наиболее доступному и в то же время надежному эмпирическому материалу – официальным данным переписи населения. Этот материал показывает, что «этническая эндогамия», т. е. преимущественное заключение браков внутри каждого этноса, - факт очевидный. Этническая эндогамия выполняет существенную роль в сохранении самосознания и воспроизводстве культуры. Более того, как убедительно показал Ю. В. Бромлей еще в 70-х гг. прошлого столетия, так называемый прорыв эндогамии этноса¹⁰, когда число межэтнических браков постоянно превалирует над моноэтническими браками, приводит к частичной и даже полной ассимиляции этноса. Но этническая эндогамия носит весьма относительный характер и не исключает значительной доли межэтнических браков. Так, в бывшем СССР доля смешанных семей постоянно возрастала: в 1959 г. – 10,2%, в 1970 г. – 13,5%, в 1979 г. – 14,9%¹¹. Разумеется, доля межэтнических браков зависит не только от доброй воли

вступающих в брак. Существенное значение имеет большое количество факторов. История знает множество попыток запретить межэтнические браки, абсолютизировать этническую эндогамию, однако результативность таких запретов всегда оказывалась относительной. Общеизвестно негативное отношение в бывшем СССР к бракам с гражданами зарубежных стран в течение продолжительного периода времени, но такие браки все же заключались и не являлись абсолютной редкостью, хотя их доля численно несопоставима с межэтническими браками внутри страны. Известно политическое и даже вооруженное противостояние между Грузией и Южной Осетией в последние два десятилетия. Ослабление противостояния после вооруженной агрессии Грузии в августе 2008 г. носит относительный характер. Однако вооруженное противостояние не исключало браков между осетинами и грузинами, хотя их доля значительно меньше по сравнению с предшествующим периодом времени.

Рассматривая «этничность в контексте родственных связей», игнорируется объект исследования – этнос и сознание людей, составляющих этнос. В последнее три десятилетие в России (в данном случае мы сознательно игнорируем западный материал ввиду его специфики) проведено множество социологических исследований общественного мнения с целью определения основных признаков, факторов этнической самоидентификации. Одно из первых значительных исследований подобного рода реализовано под руководством Ю. В. Арутюняна еще в 1990 г. На конкретный вопрос «Что роднит Вас со своим народом?» в Москве, Таллинне и Ташкенте давали различные ответы 12. По иерархии ответы распределились следующим образом: язык, культура (образ жизни, обычаи обряды), черты характера, исторические судьбы и т. д. «Кровное» родство не пользуется приоритетом при определении этнической самоидентификации. Анализ большинства социологических исследовании показывает, что «кровное» родство воспринимается как нечто экзотическое, но не более. Даже относительно небольшие этносы невозможно характеризовать как ограниченный круг родственников.

Исследователь этногенеза народов Сибири Л. Я. Штернберг в начале XX в. показал сложный процесс межэтнических отношений малых народов Севера: «Переписывая гиляков (нивхов), я тщательно собирал сведения, предания о происхождении каждого рода в отдельности. Изучение этих данных привело меня к странному выводу, что основателями громадного большинства ныне существующих родов были не гиляки, а представители соседних племен. Это обычное явление и теперь (начало XX в. – T. X.), что отдельные личности по тем или другим причинам покидают родное племя и, убегая от преследова-

ний или неудач на родине, ищут убежище среди соседнего чужого племени. Здесь они находят традиционное гостеприимство, оседают, женятся» ¹³. Этот вывод абсолютно противоречил установившейся ранее традиции считать нивхов «чистыми» палеоазиатами. Уже в середине XX в. А. В. Смоляк в работе «Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина» убедительно показала, что нивхи не исключение, и у всех народов данного региона (нивхи, ульчи, нанайцы, орочи, удэгейцы, негидальцы, ороки, эвенки, айны) «самые сочные, цветущие и многочисленные роды — потомки именно пришельцев» ¹⁴.

В истории этногенеза нередки случаи, когда представители определенной части этноса (или субэтноса) чаще вступают в брак с представителями соседнего этноса, нежели с представителями своего народа. Так, молодые люди из Северной Италии из поколения в поколение чаще вступают в брак с французами, нежели со своими соотечественниками из Южной Италии 15. Аналогичное (или почти аналогичное) положение сложилось в Южной Осетии, где также из поколения в поколение браки заключались значительно с грузинами, нежели с представителями Северной Осетии. Статистика убедительно показывает, что в Саранске (столица Мордовии) количество межэтнических браков (58,9%) значительно превосходит моноэтнические браки, где муж и жена принадлежат к мордовскому (мордовским) этносу.

В силу объективных и субъективных факторов межэтнические браки заключаются в определенных полиэтнических регионах. Интересный материал собрала этнографическая экспедиция в Синьцзянь-Уйгурском автономном районе Китая в 2012 г. «Среди тувинцев Синьцзяня из-за их малочисленности почти каждый по отношению к другому является родственником или свойственником. При этом существует запрет брачных отношений (тув алышпас) внутри одного рода и между кровными и близкими родственниками до 6–7 колена»¹⁶. Молодые тувинцы вынуждены вступать в брак с уйгурами, казахами, монголами и т. д.

Эндогамию нельзя абсолютизировать и по той простой причине, что в классовом обществе браки между представителями различных классов не приветствовались. Анализ дворянских родов Российской империи убеждает, что брак между представителем знати и крестьянкой был редчайшим явлением, исключением из правил. Такой брак рассматривался как «эпохальное» событие (достаточно вспомнить брак выдающейся крепостной певицы П. И. Жемчуговой (настоящая фамилия Ковалева) с графом Н. П. Шереметевым). Такие браки не только подвергались общественному порицанию, но и противоречили законодательству. При этом браки между представителями русской знати и представителями знати других этносов не только не запрещались

законодательством, но поощрялись общественным мнением. Кастовая система в Индии (и не только в Индии) создала непроницаемые перегородки между представителями различных каст, и межкастовые браки внутри одного этноса были исключены. При этом межэтнические браки внутри одной касты и не запрещались, и не осуждались общественным мнением. Положение в современной Индии в этом вопросе радикально не изменилось. Даже миф об общем происхождении этноса не всегда оказывается необходимым и обязательным. Общность происхождения различных каст одного этноса противоречит как древней «Ригведе», так и современному индуизму. Признание различия происхождения каст является обязательным элементом для большинства этносов Индии.

Показательно, что русская знать также стремилась подчеркнуть свое нерусское и даже неславянское происхождение. И такой поиск мог увенчаться «успехом» или привести к различным конфузам. Иван Грозный в письме к шведскому королю, обращаясь к своей родословной, уверенно заявляет: «...мы употребляем печать Римского царства: нет, собственно нашу, прародительскую. Впрочем, и Римская не есть для нас чуждая: ибо мы происходим от Августа Кесаря»¹⁷. Следует заметить, что при необходимости тот же Иван Грозный обращался к другим истокам родословной. Так, в беседе с ливонцами «славился своим ливонским происхождением» 18. Таким образом, миф о единстве происхождения не всегда оказывается столь необходимым для этноса.

Разумеется, философию этноса невозможно строить на чисто эмпирическом материале, но игнорирование подобного материала приводит к совершенно абстрактным умозрительным построениям, где научная аргументация подменяется непримиримостью позиций, и создаются «прекрасные» условия для наукоподобных спекуляций. «Кровное» родство в определении этноса оказывается мифом. Нельзя не согласиться с мыслью Е. И. Филипповой, что любой этнос «нуждается в основополагающем мифе, придающем легитимность самому его существованию и оправдывающем притязания на национальную территорию» 19. Для французского этноса в основании этого мифа лежит галльский субстрат, составляющий важнейший элемент, который определяет французскую идентичность.

В исторической литературе субстратом этногенеза великороссов по праву считается славянский проторусский субэтнос, однако этот процесс охватил огромное множество финноугорских, прибалтийских и других племен. Парадоксально, но при внимательном анализе истории человечества в целом и отдельных этносов в частности возможно утверждение о «кровном» родстве человечества в целом, всех этносов. Совершенно очевидно, что миф о «кровном»

родстве не может служить основанием для биологизаторского истолкования этноса. О своем «кровном» родстве с еврейским народом уверенно заявляют караимы – народ, небольшими группами живущий в Крыму, Литве и т. д. (численность около 5 тысяч человек). Хотя совершенно очевидно, что они потомки тюркских племен, некогда живших в степях Причерноморья. Убеждены в «кровном» родстве с древними евреями, а следовательно, и с современными, и таты - народ, живущий преимущественно в Азербайджане и Дагестане (общая численность около 20 тысяч человек). Однако исторически зафиксировано, что они в основном потомки переселенцев из Персии. И в первом, и во втором случаях общим является религия – иудаизм, но не историческое происхождение.

Анализ истории формирования многих этносов показывает, что миф «общности предков» и «кровного родства» не всегда востребован. Отсутствие такого мифа не является препятствием к осознанию этнической общности.

Если французы северных провинции считают своими предками прежде всего германские племена — франков, то уроженцы южных провинций ведут свое происхождение от кельтских племен — галлов и римлян, коренные уроженцы Нормандии считают себя потомками воинственных грабителей — норманнов, приплывших из далекой Скандинавии и осевших на севере Франции.

Уже в период раннего Средневековья германоязычные франки слились с местным галло-римским населением. Однако в результате этнического слияния франков и германцев образовалась не одна народность, а две: северо-французская и южно-французская, или провансальская. Северо-французская народность населяла большую часть северной Франции и говорила на различных диалектах романских языков (нормандском, пикардском, франсийском т. д.). Южно-французская (провансальская) народность также говорила на родственных романских языках (лимузенском, гасконском, верхне- и нижнеовернонском, лангедокском и т. д.). Лишь во второй половине XV в. завершается процесс естественного слияния этих народностей в единую. Процесс образования единой народности во Франции был замедлен в IX-XI вв. феодальной раздробленностью, сопровождавшейся бесконечными феодальными усобицами, а затем упорной, продолжительной борьбой французского народа с английскими завоевателями (Столетняя война 1337–1453 гг.), которая велась на территории Франции.

Процесс образования централизованного государства часто сопровождался жестокими боями. Особой жестокостью отличались Альбигойские войны (1209–1229 гг.), в результате которых фактически независимое Тулузское графство было включено в состав королевско-

го домена. Для покорения Тулузского графства был объявлен крестовый поход, в котором приняло участие большинство северофранцузского рыцарства. Цветущие города южной Франции в результате этого похода подверглись жесткому разгрому. Отголоски этой былой вражды можно почувствовать во Франции даже в наше время на уровне бытовой жизни.

Сегодня французы считаются самым монолитным этносом Западной Европы, но этнические различия между населением разных провинций Франции сохранились. Несмотря на миграционные процессы, вряд ли эти различия в обозримом будущем исчезнут. Этническая «мозаичность» благоприятствует жизнеспособности этноса, не противоречит этнической целостности. Сами французы убеждены, что разнообразие – «залог духовного богатства и свободы»²⁰.

В этом отношении французский этнос – исключение. В Испании и Италии, в Грузии и Венгрии этническая «мозаичность» более рельефна, но современные испанцы и итальянцы, грузины и венгры не озабочены поиском общих предков или всеобщего кровного родства. Такое положение не мешает относительной монолитности этносов при всей их «мозаичности».

Следовательно, при исследовании этнической общности не следует абсолютизировать фактор (или миф) кровного родства. Отсутствие мифа об общем происхождении этноса не всегда оказывается помехой в формировании этнической общности.

Примечания

- ¹ См.: *Тишков В. А.* Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.
- ² Рыбаков С. Е. К вопросу об этническом феномене // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 2. С. 148.
- ³ Рыбаков С. Е. Этничность и этнос // Этнографический обзор. 2003. № 3. С. 21.
- ⁴ Vandenberghe P. L. The ethnic phenomenon. N.Y., etc.: Praeger, 1987. XIV. P. 19–20.
- ⁵ Ibid. P. 27.
- ⁶ C_{M.}: *Maccrone D*. Cultural capital in an understated nation the case of Scotland // But. J. of sociology. L., 2005. Vol. 56, № 1. P. 65–82.
- Gacson R. H. Etnicity. Social science concepts. Beverly Hills, etc., 1984. P. 209.
- ⁷ Консервативный характер, замкнутость шотландских кланов – группы родственников, потомков единого

рода, члены которого носят имя предполагаемого родоначальника, общеизвестен с древнейших времен. Андрей Фатющенко, объездивший горную Шотландию, в статье «Хранители бессмертия» приводит любопытный рассказ главы шотландского клана-рода Мак Лаудов. Джон Мак Лауд: «Раз в 4 года в замке собираются члены нашего клана со всего мира – а это около 500 человек! Помню, на одну из таких встреч был приглашен музыкальный ансамбль, состоящий из 16 австралийских аборигенов. Во время небольшого перерыва я подошел к ним, чтобы поздороваться и познакомиться, Так вот, оказалось, что 11 из них – Мак Лауды! А ведь выглядят все, простите, совершеннейшими дикарями в набедренных повязках... Так что, несмотря на то, что все мы можем быть абсолютно разными, мы все равно - один клан, одна семья» (Фатющенко А. Хранители бессмертия // Вокруг света. 2004. № 8. С. 50). Как австралийские аборигены стали признанными (именно признанными) членами шотландского клана? Возможно ли считать аборигенов Австралии кровными родственниками шотландцев? При анализе любого этноса возникают аналогичные (или почти аналогичные) ситуации. Проверить, что в этом родстве превалирует о-родство кровное (биологическое) или духовное (социальное), представляется невозможным, и главное - нет в этом необходимости.

- ⁹ См.: Дворянские роды Российской империи : в 10 т. М., 1993–1998.
- ¹⁰ См.: Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.
- ¹¹ См.: Население СССР : справочник. М., 1983. С. 98.
- 12 См.: Арутнонян Ю. В. Социально-культурное развитие и национальное самосознание // Социс. 1990. № 7. С. 42–49.
- 13 *Штернберг Л. Я.* Гиляки, гольды, орочи, негидальцы, айны. Хабаровск, 1993. С. 399.
- 14 *Смоляк А. В.* Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина. М., 1975. С. 80.
- ¹⁵ Cm.: *Le Bras H.* Le sol et le sang. P. : L'Aube, 1994.
- ¹⁶ Айыжы Е. В., Конгу А. А. Тувинцы Синьцзянь-Уйгурского автономного района Китая (по материалам этнографической экспедиции в Синцзянь-Уйгурский автономный район Китая) // Вестн. КемГУ. 2013. № 3 (55). Т. 1. С. 25.
- $^{17}\ \it Kарамзин H.\,M.$ История Государства Российского : в 12 т. Т. IX. М., 2000. С. 126.
- ¹⁸ Там же. С. 55.
- 19 Филиппова Е. И. Кровь или почва? (Что такое французская нация сегодня?) Интервью с Эрве Ле Брасом // Этнографическое обозрение. 2006. № 6. С. 96.
- ²⁰ Рубинский Ю. Французы у себя дома // Знамя. 1989. № 4. С. 148.

УДК 316.4.066

ОЦЕНКА НАСЕЛЕНИЕМ ИНФОРМАЦИИ О СОСТОЯНИИ КОНКУРЕНТНОЙ СРЕДЫ НА РЫНКАХ ТОВАРОВ И УСЛУГ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

С. Г. Ивченков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского E-mail: ivchenkovsg@mail.ru

М. С. Ивченкова

Институт социологии РАН, Москва E-mail: m.ivchenkova@gmail.com

В статье по результатам социологических исследований, проведенных в Саратове и Саратовской области, раскрывается низкий уровень потребности саратовцев в информационном обеспечении развития конкурентной среды в регионе. Анализируются источники информации, ее качество через индикаторы уровня ее доступности, понятности, удобства получения для различных категорий населения. Уточняется общественное мнение потребителей о деятельности органов власти и организаций по развитию конкуренции в городе Саратове.

Ключевые слова: конкурентная среда, информационное обеспечение, потребители.

Assessment of Population Status Information about a Competition Wednesday in the Markets for Goods and **Services of the Saratov Region**

S. G. Ivchenkov, M. S. Ivchenkova

Article based on the results of the sociological research, conducted in Saratov and Saratov region, revealed low levels of population needs in information development competition Wednesday in the region. Analyses the sources of the information, its quality through its level indicators availability, clearness, facilities for various categories of the population. Clarifies consumers opinion about the activities of the authorities and organisations to promote competition in the city of

Key words: competitive wednesday, dataware, users.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-3-274-279

Развитие региональной конкурентоспособности в России можно рассматривать как один из факторов экономического роста. Любой стране нужны конкурентоспособные регионы. Понимание сущности региональной конкуренции (межрегиональной, а также своеобразного соревнования между городами как местами концентрации экономического и интеллектуального потенциалов регионов) становится все более актуальной задачей в корпоративном взаимодействии регионов любой страны 1 .

В связи с этим в Саратовском государственном университете в конце 2015 – начале 2016 г. была проведена серия из двух социологических опросов саратовских потребителей. В 2015 г. было опрошено по бесповторной квотно-территориальной выборке 487 горожан в возрасте от 15 до 89 лет. В соответствии с генеральной совокупностью сформирована вероятностная гнездовая бесповторная многоступенчатая квотная выборка, которая рассчитывалась исходя из данных Саратовстата². Критерии отбора – пол, возраст и район проживания. 46,2% – составили мужчины, 53,8% – женщины.

В ходе социологического опроса 2016 г. была сформирована многоступенчатая квотно-территориальная выборка. 1-й этап – отбор наиболее типичных представительных регионов области - областной центр (Саратов,), район с крупным городом (Балаковский), 2 района с небольшими городами (Энгельсский, Вольский), 2 правобережных района (Саратовский, Красноармейский) и 2 левобережных района (Озинский, Дергачевский). При этом учитывался размер муниципального образования - крупный, средний, небольшой. Общая совокупность районов охватывает 63,8% населения области. 2-й этап – определение объема выборочной совокупности по каждому району в соответствии с долей населения в общей структуре населения области. 3-й этап – в каждом районе должны быть представлены 47% мужчин, 53% женщин различных возрастных групп. Результаты опросов обрабатывались на базе компьютерной программы SPSS. В ходе обработки использовались расчеты средних показателей, факторный, корреляционный и другие виды анализа сопряженности признаков.

Немаловажным фактором развития конкуренции в регионе является участие всех категорий населения в этом процессе³.

В ходе опроса важно было обратить внимание на одну из составляющих рыночных отношений – это принцип обратной связи, который должен присутствовать при развитии конкуренции в регионе. Так, в 2015 г. 14,5% опрошенных указали на необходимость ведение учета обращений граждан, связанных с проблемами в области развития конкуренции. Однако почти половина респондентов оказались не заинтересованы в получении информации о развитии рыночной конкуренции (44,7% опрошенных). Около 30% населения указывают на важность этой информации и 24% горожан чувствуют необходимость такой информации только в различных ситуациях (табл. 1).

Таблица 1 Уровень потребности населения в информации о развитии рыночной конкуренции, % к опрошенным

Необходимость информации Процент 8,4 Да, это очень нужно 22,2 Скорее да, может пригодиться 24,0 В зависимости от ситуации Скорее нет 20.7 Нет, мне это не интересно 24,0 Затрудняюсь ответить 0,6 Итого 100,0

Оценивая возможности получения информации о развитии рыночной конкуренции в 2015 г., население г. Саратова отмечало, что получить ее очень трудно (15,6%), 21,1% горожан отметили, что ее можно получить, если приложить усилия, 48,9% затруднились ответить (табл. 2).

Уровень доступности для населения информации о развитии рыночной конкуренции,
% к опрошенным

Уровень доступности информации	Процент
Информации о состоянии конкуренции нет совсем	7,8
Ее получить очень трудно	15,6
Затрудняюсь ответить	48,9
Можно получить, если приложить усилия	21,1
Информация о состоянии конкуренции общедоступна	6,6
Итого	100

В качестве источников информации о состоянии конкуренции в городе и защите прав потребителей и предпринимателей саратовцы чаще всего используют традиционные средства массовой информации (табл. 3): местные ТВ-каналы (48,6%) и центральные ТВ-каналы (39,4%). Также для получения этой информации опрошенные используют местные газеты (34,6%), социальные сети Интернета (26,2%); 32,5% узнают ее от друзей и знакомых.

 Таблица 3

 Источники информации о состоянии конкуренции в Саратове

The state of the s						
Источники информации	Частота ответов	Процент к опрошенным				
Администрация города, Министерство экономического развития и инвестиционной политики области	72	15,5				
Общественная приемная Президента РФ	18	3,9				
Общественная приемная Губернатора Саратовской области	27	5,8				
Учебные заведения города	90	19,4				
Общественная организация защиты прав потребителей	73	15,7				
Саратовское региональное отделение общероссийской общественной организации малого и среднего бизнеса «Опора России»	33	7,1				
Саратовское региональное отделение общероссийской общественной организации «Деловая Россия»	33	7,1				
Общественная палата Саратовской области	45	9,7				
Центральные газеты	116	24,9				
Местные газеты	161	34,6				
Центральные ТВ-каналы	183	39,4				
Местные ТВ-каналы	226	48,6				
Радио	111	23,9				
Друзья и знакомые	151	32,5				
Официальные сайты организаций, регулирующие развитие конкуренции	47	10,1				
Интернет-страницы официальных организаций в социальных сетях	84	18,1				
Социальные сети Интернета	122	26,2				
«Горячие линии» с организациями, регулирующими развитие конкуренции	11	2,4				
Итого	1603	344,7*				

^{*}Сумма не сводима к 100%, так как можно выбрать несколько вариантов ответов.

Реже всего горожане отмечали, что получать вышеуказанную информацию им помогают «горячие линии» с организациями, регулирующими развитие конкуренции (2,4%), Общественная приемная Президента РФ (3,9%), Общественная приемная Губернатора Саратовской области (5,8%). Невысоки показатели и таких общественных организаций, как «Опора России» и «Деловая Россия»: их в качестве источника информации о состоянии конкуренции и защите прав потребителей и предпринимателей используют 7,1% опрошенных. Таким образом, можно констатировать, что уровень доступности информации для населения о развитии рыночной конкуренции в Саратове в 2015 г. был достаточ-

но низким. Среди источников получения таких данных чаще выступало местное и центральное телевидение.

Работу большинства органов власти и организаций по развитию конкуренции в городе Саратове (2015 г.) население чаще всего оценивало «средне» (табл. 4). Однако это не касается тех, о работе которых опрошенным чаще всего ничего не известно. Речь идет об организации «Опора России» – о ее работе ничего не известно 54,1% горожан, «Деловая Россия» (47,5%), Министерстве экономического развития и инвестиционной политики области (35,2%) и Федеральной антимонопольной службе по Саратовской области (31,6%).

Таблица 4 Оценка деятельности органов власти и общественных организаций по развитию конкуренции в регионе, %

Варианты ответов		Неудовлет- ворительно	Средне	Удовлетво- рительно	Итого
Общественная приемная Президента РФ	27,8	18,2	29,7	24,3	100,0
Губернатор Саратовской области	20,2	22,7	35,7	21,4	100,0
Общественная приемная губернатора	23,3	21,4	33,6	21,6	100,0
Федеральная антимонопольная служба по Саратовской области	31,6	20,6	28,0	19,8	100,0
Глава администрации города	22,8	24,0	30,9	22,3	100,0
Глава администрации района	25,1	20,0	34,8	20,0	100,0
Министерство экономического развития и инвестиционной политики области	35,2	15,2	27,0	22,5	100,0
«Опора России»	54,1	12,2	18,0	15,7	100,0
«Деловая Россия»	47,5	14,4	23,0	15,1	100,0
Общественная палата Саратовской области	28,5	21,4	33,2	16,9	100,0
Общественная организация по защите прав потребителей	20,1	16,7	37,2	26,1	100,0
Учебные заведения города	18,2	14,6	36,9	30,3	100,0

Что касается оценки «неудовлетворительно», то она не превалирует, но в наибольшем количестве присутствует у главы администрации города (24%) и губернатора (22,7%). 30,3% опрошенных удовлетворены работой в обозначенной сфере учебных заведений города, 26,1% — Общественной организации по защите прав потребителей.

Если говорить о качестве официальной информации о состоянии конкурентной среды на рынке товаров и услуг Саратовской области, раз-

мещаемой в открытом доступе, то в 2016 г. она измерялась через индикаторы доступности, понятности и удобства получения (табл. 5). Большинство опрошенных оценили ее как полностью или почти полностью удовлетворительной по всем индикаторам. Иными словами, выявился значительный позитивный сдвиг в данном направлении.

Детальный анализ влияния статусных (род деятельности) характеристик на оценку каче-

Таблица 5 Мнение потребителей Саратовской области о качественных характеристиках информации о состоянии конкурентной среды на рынке товаров и услуг, %

Индикаторы качества	Качество информации					
	удовлетво- рительное	скорее удовлет-ворительное	скорее неудов-летворительное	неудовлетво- рительное	затрудняюсь ответить	Итого
Уровень доступности	31,3	47,4	12,5	5,5	3,4	100,0
Удобство получения	28,2	45,7	15,1	6,5	4,4	100,0
Уровень понятности	26,6	46,8	18,1	5,2	3,4	100,0

ства информации (табл. 6) показал, что чаще других полностью удовлетворены его доступностью пенсионеры (42,1% при 31,9% в среднем по выборке). Среди работающих — чуть меньше абсолютно удовлетворенных уровнем доступности информации (36,4%, при средней полной удовлетворенности 31,9%). Среди относительно удовлетворенных доступностью этой информации больше всего студентов и учащихся (71,6% при 56,4% в среднем по выборке), а также домохозяек (57,1%) и безработных (53,8%). Полностью или частично не удовлетворены доступностью чаще других пенсионеры (21,1% против

18,1% в среднем по выборке) и безработные (20,0%).

Что касается понятности информации о состоянии конкурентной среды на рынке товаров и услуг Саратовской области (табл. 7), то в наибольшей степени полностью удовлетворены этим домохозяйки (42,9% против 27,2% в среднем по выборке) и безработные (30,8%). В основном удовлетворены большинство студентов, учащихся (67,6% против 46,1% в среднем по выборке). В основном не удовлетворены этой характеристикой пенсионеры (29,2% против 18,1% по выборке) и безработные (23,1%).

Таблица 6 Влияние рода деятельности на мнение потребителей Саратовской области о степени доступности информации о состоянии конкурентной среды на рынке товаров и услуг, %

Уровень доступности	работаю	без работы	учусь /студент	домохозяйка (домохозяин)	пенсионер	По выборке
Удовлетворительное	36,4	23,1	13,5	28,6	42,1	31,9
Скорее удовлетворительное	40,4	53,8	71,6	57,1	34,2	46,5
Скорее неудовлетворительное	13,6	23,1	6,8	14,3	13,2	12,8
Неудовлетворительное	6,4	-	2,7	_	7,9	5,5
Затрудняюсь ответить	3,2	_	5,5	-	2,6	3,1
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Tаблица 7 Влияние рода деятельности на мнение потребителей Саратовской области о степени понятности информации о состоянии конкурентной среды на рынке товаров и услуг, %

Уровень понятности	работаю	без работы	учусь /студент	домохозяйка (домохозяин)	пенсионер	По выборке
Удовлетворительное	32,4	30,8	14,9	42,9	14,6	27,2
Скорее удовлетворительное	40,4	46,2	67,6	42,9	43,9	46,1
Скорее неудовлетворительное	18,0	23,1	10,8	14,3	29,3	18,1
Неудовлетворительное	6,0	-	1,4	_	9,8	5,2
Затрудняюсь ответить/мне ничего не известно о такой информации	3,2	_	5,5	-	2,4	3,1
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Среди пенсионеров чаще других встречались полностью не удовлетворенные степенью понятности информации о состоянии конкурентной среды на рынке товаров и услуг Саратовской области (9,8% при 5,2% в среднем по выборке). Можно предположить, что это вызвано тем, что основная доля информации распространяется через электронные сети, мало доступные этой категории потребителей. В наиболее доступных им источниках информации (радио, телевидение) информация распространяется в форме рекламы, что традиционно вызывает у пенсионеров недоверие.

По поводу удобства получения информации о состоянии конкурентной среды на рынке товаров и услуг Саратовской области (табл. 8) 73,0% опрошенных высказались одобрительно. Особенно полностью удовлетворены этим домохозяйки (42,9% против 28,8% в среднем по выборке) и работающие потребители (31,2%). В основном удовлетворены большинство студентов, учащихся (67,6%) и безработных (50% против 44,8% по выборке). Однако среди домохозяек почти в 2 раза чаще других встречаются не удовлетворенные удобством получения данной информации (42,9% против 15,4% по выборке).

Таблица 8 Влияние рода деятельности на мнение потребителей Саратовской области о степени удобства получения информации о состоянии конкурентной среды на рынках товаров и услуг, %

Удобство получения						
информации	работаю	без работы	учусь /студент	домохозяйка (домохозяин)	пенсионер	По выборке
Удовлетворительное	31,2	25,0	16,2	42,9	36,6	28,8
Скорее удовлетворительное	40,9	50,0	67,6	14,3	31,7	44,8
Скорее неудовлетворительное	15,4	25,0	9,5	42,9	17,1	15,4
Неудовлетворительное	8,1	-	1,4	_	9,8	6,5
Затрудняюсь ответить	4,5	-	5,5	_	4,9	4,2
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Качество официальной информации о состоянии конкурентной среды на рынке товаров и услуг Саратовской области, размещаемой в открытом доступе, измеряемое через индикаторы доступности, понятности и удобства получения, большинством опрошенных оценено как полностью или почти полностью удовлетворительным по всем индикаторам.

Если говорить об общих оценках состояния конкурентной среды потребителями, то они за-

мерялись по 5-балльной шкале, где 1 – конкуренции практически нет и 5 – очень высокий уровень конкуренции (табл. 9). Результаты показали, что в среднем по всем показателям оценки низкие, ниже 3 баллов. Выше других характеристик потребители оценивают возможность получения кредитов, аренды помещений (по 2,9 балла), наличие спроса и возможности у населения оплачивать эти товары или услуги (2,6 балла) и доступность государственных и муниципальных услуг (2,5 балла).

Таблица 9 Оценка состояния конкурентной среды потребителями (по среднему значению)

Оценка состояния конкурентной среды	Средний бал
Наличие информации о состоянии рынков города/района	2,3
Наличие спроса и возможности у населения оплачивать эти товары или услуги	2,6
Взаимоотношение с другими фирмами-конкурентами	2,1
Возможность получения кредитов	2,9
Получение разрешения на открытие бизнеса	2,5
Возможности аренды помещений	2,9
Взаимодействие бизнеса с органами власти	2,2
Объем требований и отчетности для налоговых служб	2,2
Доступность государственных и муниципальных услуг	2,5
Возможность участвовать в тендерах и конкурсах, организуемых местными властями	2,2
Снижение барьеров для занятия бизнесом	2,0
Преодоление семейственности и клановости в органах власти	2,0

Самым популярным направлением развития конкурентной среды, по мнению респондентов, в 2015 г. стало ужесточение контроля над ростом цен (52,8%). 48,7% опрошенных указали на ужесточение контроля над качеством продукции (табл. 10). Также горожане считают, что одним из перспективных направлений развития конкуренции в регионе может стать создание новых рабочих мест и контроль над созданием монополий на региональном рынке (37,1 и 24,8% респондентов).

Кроме этого, 20,1% горожан указывают на создание возможностей для того, чтобы все желающие заняться бизнесом могли получить эту воз-

можность, и 20,3% опрошенных указывают на оказание помощи начинающим предпринимателям.

Таким образом, можно констатировать, что, по оценкам населения основных параметров конкурентной среды на рынках товаров и услуг Саратовской области, большинство из них находятся в зоне неопределенности и неодобрения. Наиболее выраженный признак неблагополучия конкурентной среды населения сформирован в отношении барьеров для занятия бизнесом. Основным барьером для открытия своего бизнеса саратовцами выступает отсутствие стартового капитала и боязнь обращения за ним в финансовые учреждения. Значительная доля населения

Основные направления работы по развитию конкуренции

Таблица 10

Основные направления работы	Частота ответов	Процент к опрошенным
Создание условий, чтобы компаний, продающих товары или услуги, становилось больше	51	10,6
Создание системы информирования населения о работе различных компаний, защите прав потребителей и состоянии конкуренции в районе	70	14,5
Контроль над тем, чтобы одна компания не начинала полностью диктовать условия на рынке	120	24,8
Контроль над ростом цен	255	52,8
Контроль над качеством продукции	235	48,7
Контроль над тем, чтобы фирмы соревновались честно	80	16,6
Создание условий, чтобы все желающие заняться бизнесом могли получить эту возможность	97	20,1
Помощь начинающим предпринимателям	98	20,3
Привлечение инвесторов	51	10,6
Создание новых рабочих мест	179	37,1
Поддержка новых направлений развития экономики города и района	72	14,9
Контроль над работой естественных монополий, таких как водоснабжение, электро- и теплоснабжение, ж\д и авиатранспорт	67	13,9
Сокращение муниципальных предприятий, оказывающих услуги населению, за счет появления новых коммерческих предприятий	34	7,0
Повышение открытости процедур муниципальных конкурсов и закупок	22	4,6
Ведение учета обращений граждан, связанных с проблемами в области развития конкуренции	20	4,1
Юридическая защита предпринимателей	71	14,7
Итого	1522	315,1*

^{*}Респонденты давали по несколько ответов, поэтому сумма не сводима к 100%.

до сих пор не доверяет банкам, предпочитая неформальные займы у родственников и друзей. Кроме того, у населения завышенные оценки конкуренции в бизнес-среде и роли учебных заведений в ее формировании.

Что касается информации о состоянии конкурентной среды на рынке товаров и услуг Саратовской области, то в 2016 г. большинство опрошенных оценили ее как полностью или почти полностью удовлетворительной по всем индикаторам. Иными словами, выявился значительный позитивный сдвиг в данном направлении. В наибольшей степени полностью удовлетворены этим домохозяйки и безработные; в основном удовлетворены - большинство студентов, учащихся, в основном не удовлетворены этой характеристикой пенсионеры.

Примечания

- См.: Кондратов М. В. Формирование и развитие теории конкуренции // Молодой ученый. 2010. № 6. C. 146-149.
- 2 См.: Официальная статистика Саратовской области. 2013 год: стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области. Саратов, 2014; Основные показатели социально-экономического положения районов и городов Саратовской области. Саратов, 2014.
- См.: Романович Н. А., Агафонова М. С. Теоретические основы конкурентной среды предприятия // Международный студенческий научный вестник. 2014. № 1. URL: http://eduherald.ru/ru/article/view?id=11827 (дата обращения: 12.06.2015).

УДК [316.2:316.346.2] (470+571)

ПРОБЛЕМА ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДИСКУРСЕ РЫНОЧНЫХ РЕФОРМ В РОССИИ

Ю. А. Семенова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского E-mail: semenofa@gmail.com

В статье рассматриваются гендерные отношения в контексте рыночных реформ в современном российском обществе. Показываются изменяющиеся гендерные роли граждан России, определяются перспективы и направления развития изменения положения женщин в экономике.

Ключевые слова: гендер, гендерное неравенство, равенство, предпринимательство.

The Problem of Gender Relations in Discourse Market Reforms in Russia

Yu. A. Semenova

The article dials with gender relations in the context of the market reforms in modern Russian. The changing gender roles of the Russian citizens a been shown, the perspectives and directions of development of the changing women's position in economics a been defined.

Key words: gender, gender inequality, equality, entrepreneurship.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-3-280-282

Изменение социального и экономического положения женщины, произошедшее благодаря рыночным реформам, становится все более актуальной темой гендерных исследований в постсоветских обществах $^{\rm I}$.

В советский период социологами и экономистами неоднократно поднимался и исследовался вопрос об участии женщин в производстве (подчеркнем — именно в производстве, об участии женщин, например, в предпринимательской деятельности речи не могло быть в принципе, поскольку в стране победившего социализма декларировалось отсутствие частное собственности, со всеми вытекающими отсюда последствиями), при этом с женщины «по умолчанию» никто не снимал исполнение обязанностей по хозяйству, рождению и воспитанию детей.

Понятия «гендерное неравенство», «профессиональная сегрегация» и «дискриминации на рынке труда» в известной мере были исключены из поля зрения советских ученых и применялись лишь для показа «противоречий» капитализма и, наоборот, всемерно и постоянно подчеркивалось равенство мужчин и женщин во всех сферах общественной жизни социалистического общества. Всемерное разоблачение и вскрытие «язв» капиталистического общества и «лакировка» социалистической действитель-

ности было довольно привычным делом для советских обществоведов, да иначе и быть не могло, поскольку деятельность советских ученых жестко регламентировалась идеологическими принципами, отступление от которых в лучшем случае заканчивалось отлучением от работы.

Между тем проблемы отношения полов, их роли в общественной жизни интересовали ученых во все времена. Так, еще Г. Спенсер, анализируя положение мужчин и женщин в современных ему обществах, отмечал: «Если, продолжая руководствоваться наблюдением хода эволюции в прошлом, мы спросим себя, каких изменений положения женщин можно ожидать в будущем, то ответ должен быть таков: должно произойти дальнейшее приближение к уравнению положения обоих полов»². Собственно, это и произошло, причем не только в уравнении положения полов, но и в их реальном вкладе в общественную жизнь, в том числе и в такую ее составляющую, как предпринимательство. «Когда свобода более равномерно распространяется между мужчинами и женщинами, последние становятся группой, которую нельзя не принять во внимание. Наше общество становится все более женственным. Женщины имеют влияние!» И далее: «женшины становятся все более влиятельными и в бизнесе 3 .

Очень точно сформулирована проблема, на которую российские исследователи довольно долго не обращали внимания. И этому есть свои причины. Современное российское общество довольно тяжело выходило из общества социалистического, с формальным равенством между мужчинами и женщинами и практическим запретом предпринимательства во всех его видах. Отсутствие частной собственности, практически полное отсутствие правовой основы для становление предпринимательства наложили свой отпечаток на развитие предпринимательства в российском обществе, когда оно вступило на путь рыночных отношений. Первопроходцами в развитии предпринимательства в постсоветском обществе выступали, как правило, мужчины, но и женщины постепенно начинали осваивать эту новую для них сферу деятельности. Конечно, не сразу, не вдруг, а исподволь, незаметно женщины начали осваивать предпринимательство и добиваться в нем весьма значительных успехов.

Мы помним, что коммунистический эксперимент, начавшийся в 1917 г. и охвативший 1/6 часть суши, привел к формальному равенству мужчин и женщин. Причем именно женщины в социалистическом обществе активно осваивали чисто мужские профессии - трактористов, комбайнеров, строителей, укладчиков асфальта и т. д. В этом плане гендерные различия, несомненно, стирались, однако женщина все равно оставалась женщиной. С началом реформ в бывшем СССР гендерная проблематика начала активно разрабатываться, поскольку замещение мужчин женщинами в тяжелейших работах, требовавших физической силы и выносливости, не давало желаемого эффекта. В 1990 г. на основе Института социально-экономических проблем народонаселения РАН создается Московский центр гендерных исследований. Основообразующим звеном коллектива стали женщины-ученые, обладающие большим исследовательским опытом в различных областях знаний и, естественно, в сфере общественной политики и занятости женщин. Желание вскрыть причины гендерного неравенства в период переходной экономики, найти способы и пути его преодоления определили основные пути для проведения исследований в этих областях.

Общеизвестно, что на Западе существуют различные феминистические движения, которые активно влияют на формирование и пракдеятельность межнациональных тическую организаций и движений в защиту женщин. Они стремятся обеспечить реальное равенство между мужчиной и женщиной в социальном и экономическом статусе, ликвидировать любые ущемления в сфере занятости населения, а также обеспечить равный доступ ко всем инструментам экономики. «Женские» движения считают данные вопросы одними из центральных, требующих внимания как в развитых, так и развивающихся странах.

За последние три десятка лет в развитых странах сформировалась общая цель, которая объединяет различные женские движения, внесение изменений в законодательные акты, регламентирующие трудовые отношения и вопросы получения образования. Все это, по замыслу лидеров феминистских движений, создаст возможности, при которых женщины будут максимально интегрированы в сферу экономической жизни общества, что создаст новый спектр возможностей по достижению женщинами экономической независимости. Это, в свою очередь, приведет к продуктивному использованию профессиональных навыков женщин в разных отраслях хозяйственной жизни социума и раскроет их творческие возможности. По данным ООН, на начало 2015 г. на Земле обитало 7,3 млрд человек, и у мужчин совсем крошечное преимущество – их было 50,4%. Но они составляют основу мировой рабочей силы: Международная организация труда (МОТ) утверждает, что в среднем по миру их доля приближается к $60\%^4$. Здесь наглядно виден явный «перекос» в сфере занятости.

Изменения, которые привели к созданию демократического общества, в нашей стране способствовали также развитию независимого женского движения и активной защите женщинами своих экономических и политических прав. И все же при этом можно наблюдать резкое ухудшение положения женщин: рост женской безработицы, феминизацию нищеты, отсутствие поддержки со стороны системы социальной защиты в полной мере, вытеснение женщин в области бизнеса, которые не охвачены мужчинами, а также увеличение объема труда в семье. Открывшиеся перспективы для ведения бизнеса, которые появились в результате либерализации экономики, были успешно использованы незначительным числом женщин, положение же большинства заметно ухудшилось. Переход к новому виду рынка, несмотря на растущее противодействие женского движения, потребовал возврата к патриархальному способу существования общества, что проявилось во всех его сферах общества5.

Постсоветские трансформации разрушили структурные основы советской эмансипации, одновременно сохранив практики совмещения женских ролей, укорененной повседневности и востребованные к рыночным условиям. Гражданство претерпевает значительные изменения, трансформируются гендерно маркированные права и обязанности. Меняется законодательство. В системе семейного права происходит гендерно сбалансированное переопределение родительских обязанностей. Социальные институты испытывают последствия бюджетного дефицита и рыночных реформ, сказывающиеся на уменьшении их вклада в обеспечении жизни российских граждан. Решения многих гендерно маркированных проблем общество ожидает от государства, социальная политика которого признается неэффективной. Развитие социального государства как основного института, определяющего формирование социальной политики в XX в., диктует необходимость разработки новых моделей социальной политики⁶. Сегодня становится ясно, что государство как основной субъект социальной политики имеет определенные ограничения . В этих условиях государственные институты нуждаются в модернизации. Необходима активизация негосударственных акторов (НКО, местных сообществ). Это будет способствовать реализации социальной ответственности индивида, семьи и ограничивать иждивенческую психологию и патерналистское сознание, до сих пор трансформирующих и в известной мере травмирующих нынешних российских граждан.

Примечания

- См.: Климова С. В. Проблема культуры предпринимательства в постсоветской России // Вестн. СГСЭУ. 2015.
 № 4 (58). С. 11–116.
- ² Философия Герб. Спенсера. В изложении Г. Коллинса // Спенсер Г. Основания социологии. М., 1908. С. 340.
- ³ Вилкокс М., Риддерстрале Й. Корпорация: перезагрузка. Как лидеры управляют изменениями. М., 2012. С. 123.

УДК 316.74

- ⁴ См.: Деловой журнал РБК : [сайт]. URL: http://www.rbcdaily.ru/magazine/trends/562949998308527 (дата обращения: 13.12.2015).
- ⁵ См.: Тощенко Ж. Т. Теоретические и прикладные проблемы исследования новых явлений в общественном сознании и социальной практике // Социс. 2010. № 7. С. 3–7.
- 6 См.: Шкаратан О. И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М., 2009.
- ⁷ См.: Добролюбов С. В. Теория социогенеза общества // Социс. 2010. № 3. С. 3–14.

ПУТЬ К ИСТОКАМ

(о воспитательном значении генеалогии)

В. А. Климов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского E-mail: Klimov-v1946@mail.ru

В статье с социологической точки зрения анализируется генеалогический аспект социализации поколений, вступающих в жизнь. Особое внимание уделяется значению генеалогии в воспитании молодежи в современном российском обществе.

Ключевые слова: генеалогия, воспитание, молодежь, современность.

The Way to the Sources (on Educational Importance of Genealogy)

V. A. Klimov

The article presents the sociological approach analyses of genealogical aspect of generations socialization, the youth in particular. The importance of genealogy in youth education and upbringing in contemporary Russian society is emphasis.

Key words: genealogy, upbringing, youth, contemporary.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-3-282-286

Генеалогия традиционно рассматривается как специальная историческая дисциплина, которая, как писал выдающийся русский историк С. Б. Веселовский, «устанавливает родственные связи лиц, действующих на исторической арене», или же (по другому определению) занимается выявлением «родства по крови, свойству и бракам», т. е. всей совокупности семейных связей данного рода¹. На протяжении тысячелетий генеалогическое знание выполняет важную конституирующую роль в культурной и социально-политической сферах общественной жизни. Эта роль определяется чрезвычайным многообразием функций генеалогии, охватывающих как практические стороны жизни, так и глубинные структуры общественного сознания и мировосприятия человека на различных этапах исторического развития.

Изначальной функцией генеалогии является рациональное осмысление, символическое и идеологическое оформление связи и преемственности поколений. Этим определяется воспитательное значение генеалогического знания, которое не сводится к сбору и систематизации родословных сведений, но дает непосредственное ощущение живой связи нынешних и ушедших из жизни людей, соединяет прошлое с настоящим и перекидывает мостик в будущее. Образ родословного древа, раскинувшего свои ветви в современности и уходящего корнями в глубокую древность, символизирует не только биосоматическую преемственность поколений, но и некий духовный смысл – явственное присутствие в нашей повседневной жизни всей предшествующей истории. Поэтому мы обязаны с благодарностью помнить о наших исторических предшественниках, о людях, создавших основы нашей цивилизации и незримо поддерживающих своих потомков в их замыслах и делах. И не только помнить, но и гордиться ими.

«Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие». Пренебрежение к делам и заслугам предшествующих поколений «служит только к распространению низкого эгоизма. Бескорыстная мысль, что внуки будут уважены за имя, нами им преданное, не есть ли благороднейшая надежда человеческого сердца?»² Эти слова А. С. Пушкина довольно часто цитируются в выступлениях и статьях современных философов, социологов, педагогов. Но достаточно ли глубоко мы, люди XXI века, понимаем истинный смысл этих высказываний? Постигнуть его, на наш взгляд, возможно лишь в контексте всего многогранного творчества Пушкина, всей системы его политических, исторических, эсте-

тических взглядов. Только таким образом можно в полной мере осмыслить причины столь частого обращения поэта к генеалогическим мотивам.

Не претендуя на всесторонний анализ этой проблемы, отметим лишь, что генеалогическая тематика связана с глубинными основами мировоззрения Пушкина, с коренными чертами его личности, его характера. В его творчестве, как отмечал известный литературовед Д. Д. Благой, «гениальная художественная одаренность сочеталась с исключительно обширным и глубоким интеллектом, энергия разрушения старого, обветшалого – с энергией созидания»³. Во времена Пушкина, как и в наши дни, было немало «новаторов», огульно отвергавших многие традиционные формы культуры и повседневной жизни, которые казались им устаревшими, отжившими, ненужными. Сам Пушкин думал по-иному, он решительно выступал против «слепого пристрастия к новизне».

На одной из страниц «Евгения Онегина» встречается выражение «умная старина» — оно, на наш взгляд, выявляет живую не подвластную времени, полезную (а точнее говоря, душеполезную) сущность разумных традиций, воплощающих неисчерпаемый, подчас драматический опыт бесчисленных людских поколений. Глубже, полнее и проницательнее многих своих предшественников и современников Пушкин видел и понимал, как «умная старина», т. е. традиция, «работает» в повседневной жизни, способствуя нравственному воспитанию человека.

В середине октября 1830 г., находясь в вынужденном заточении в Болдино, Пушкин пишет стихотворение, которое, хотя и осталось незавершенным, помогает нам понять, почему поэт так чтил генеалогическую традицию. Чтобы выразить свое отношение к прародителям, к их заветам, он находит проникновенные слова:

Два чувства дивно близки нам — В них обретает сердце пищу — Любовь к родному пепелищу, Любовь к отеческим гробам. Животворящая святыня! Земля была б без них мертва...

На этом же листе поэт пишет четверостишие, которое, по мнению, исследователей, продолжает размышления о «двух чувствах»:

На них основано от века По воле Бога самого Самостоянье человека, Залог величия его.

Известна манера Пушкина говорить о самых серьезных вещах с легкой усмешкой, иронией. Здесь ничего такого нет. Нескрываемый пафос, торжественный стиль, особая внутренняя энергия заставляют воспринимать эти чеканные строки не только как поэтическое излияние, но и как своеобразную декларацию, решительное, бескомпромиссное утверждение определенной жизненной, гражданской позиции автора.

Смысл любого художественного произведения выражается, как правило, в особых, обобщенных и многогранных образах-символах. В рассматриваемом нами стихотворении Пушкина главными символами являются «родное пепелище», «отеческие гроба». Почему? Академик Д. С. Лихачев так ответил на этот вопрос: «Поэзия Пушкина мудра. Каждое слово в его стихах требует раздумий. Наше сознание не сразу может свыкнуться с мыслью о том, что земля мертва без любви к отеческим гробам, без любви к родному пепелищу. Два символа смерти и вдруг – "животворящая святыня"! Слишком часто мы остаемся равнодушными и даже почти враждебными к исчезающим кладбищам и пепелищам: двум источникам наших не слишком мудрых мрачных дум и поверхностно тяжелых настроений»⁴.

Таким образом, у Пушкина речь идет не о мрачных переживаниях, связанных с трагедией смерти, а о животворящей силе человеческой памяти. Смерть утрачивает свой абсолютный характер, когда люди, покидая земной мир, уходят не в небытие и забвение, а в мир воспоминаний. «Память, — писал Д. С. Лихачев, — это преодоление времени, преодоление смерти. В этом величайшее нравственное значение памяти»⁵. При таком взгляде генеалогическое знание воспринимается как «пища» для сердца и ума, способствующая воспитанию полноценной, гармонической личности.

Великий русский философ Н. А. Ильин отмечал, что Пушкин, как никто другой, с дивной силой почувствовал и выразил таинственную связь человека со священными силами, или «прообразами», которые открываются ему в недрах семьи и рода. Поэт стремится показать, как из воспоминаний о прошлом семьи и рода, «из духовного и религиозно осмысленного приятия своих родителей и предков рождается и утверждается в человеке чувство собственного духовного достоинства, эта первая основа внутренней свободы, духовного характера и здоровой гражданственности»⁶.

Понятие собственного достоинства занимает центральное место в представлениях Пушкина о формировании и личностном самоопределении человека – подлинного патриота и гражданина. Люди, близко знавшие поэта, подчеркивали его гордое самоуважение, твердую решимость в любой жизненной ситуации бесстрашно защищать свою честь и внутреннюю свободу. Даже язвительный, мало кого уважавший мемуарист Ф. Ф. Вигель отмечал такое свойство характера Пушкина, как «чувство чести, которым весь он был полон» 7. Это чувство в сознании поэта было неразрывно связано с понятием фамильной, родовой чести. Подчеркивая в полемике с идейными противниками свое шестисотлетнее дворянство, Пушкин видел в нем опору своего личного, человеческого достоинства.

В наши дни понятие фамильной чести может вызвать у многих людей, к сожалению, лишь недоумение или ироническую улыбку. Но в свое время это моральное требование выполняло роль своеобразного «категорического императива» в системе дворянского сословной этики, предписывая человеку определенный образ жизни и поведения. Честь понимали как некое нематериальное, но вполне реальное и существенное достояние, которое дворянин в силу своего рождения получает от предков. Наследственное достояние можно было сохранить и приумножить или же растерять, утратить - ведь многое зависело от самого человека, от его воспитания и подготовки к жизни. Поэтому каждый дворянин обязан был не только знать свою родословную, не забывать о заслугах дедов и прадедов, но и твердо усвоить главную заповедь: как зеницу ока беречь фамильную честь. Далеко не всегда это требование воплощалось в жизнь. Среди дворян, конечно, были разные люди. Тем не менее, можно с полной уверенностью утверждать, что генеалогический принцип был «краеугольным камнем» воспитания лучшей части русского дворянства - знаменитых полководцев, государственных деятелей, писателей, ученых и тысяч безвестных тружеников и защитников Отечества.

Сам Пушкин остро ощущал и переживал живую связь со своими далекими пращурами «Бояр старинных я потомок», - писал он и признавался, что испытывает чувство гордости, встречая упоминания о представителях своего рода даже «в двух-трех строках Карамзина». Пушкин полагал, что достоинство благородного, образованного, культурного человека должно быть основано на бескорыстном уважении к мертвым прадедам, «коих минувшая знаменитость не может доставить нам ни чинов, ни покровительства». Поэтому он весьма резко осуждает историческое «беспамятство» своих современников-дворян, особенно потомков знаменитых в прошлом родов: «Дикость, подлость и невежество не уважает прошедшего, пресмыкаясь пред одним настоящим. И у нас иной потомок Рюрика более дорожит звездою двоюродного дядюшки, чем историей своего дома, т. е. историей отечества»⁸. Пушкин напоминал своим соотечественникам мысль Карамзина о том, что «государственное правило ставит уважение к предкам в достоинство гражданину образованному» и выражал твердое убеждение в том, что «семейственные воспоминания дворянства должны быть историческими воспоминаниями народа»⁹.

Но, к сожалению, пушкинские мысли о воспитательном значении генеалогии не нашли в полной мере понимания и отклика русской общественности в последующие десятилетия. На арену русской истории выступает новое общественное движение, которое открыто провозглашало не только необходимость, но и неизбежность отречения от исторических традиций.

Образ нигилиста Базарова, нарисованный Тургеневым в романе «Отцы и дети», символизировал трудный и крутой уход «новых людей» из «страны отцов», их презрительный и категорический отказ от «животворящих святынь», столь дорогих сердцу Пушкина. Они не находили духовных опор в истории императорской России, которая под пером Салтыкова-Щедрина превратилась в историю города Глупова.

Разночинцы-народники и последовавшие за ними новые поколения революционеров стремились начать историю общества «с чистого листа».

Размышляя над феноменом русского радикализма, Аполлон Григорьев в свое время отмечал «странную черту» в развитии русского общества — «это то, что мы все маленькие Петры Великие на половину и обломовцы на другую. В известную эпоху мы готовы с озлоблением уничтожить следы всякого прошедшего, увлеченные чем-нибудь первым встречным, что нам понравилось, и потом чуть что не плакать о том, чем мы пренебрегли и что мы разрушали» 10. Эти слова русского философа и поэта можно с полным правом отнести к тому, что произошло с генеалогической традицией в нашей стране в XIX—XX вв.

Конфликт поколений был знаковым явлением пореформенной эпохи, но не только он явился причиной угасания генеалогической традиции. В это время в России неуклонно набирал силу процесс, который публицисты называли «оскудением дворянства». Приходили в упадок старинные усадьбы с их библиотеками и архивами, переходившими от отца к сыну, с портретами предков на стенах, с их вишневыми садами и липовыми аллеями. Росло количество беспоместных дворян, утративших не только семейные архивы, но и «семейные воспоминания», о воспитательном значении которых так проникновенно писал Пушкин. Не случайно выдающийся русский историк Л. М. Савелов в своих «Лекциях по русской генеалогии» (1909 г.) с горечью констатировал, что в русском обществе не сформировались «добрые исторические чувства», которые, казалось бы, должны быть присущи народу, имеющему тысячелетнюю историю. «Занятия генеалогией, - утверждал он со знанием дела, - у нас более чем не популярны, - кроме общего отрицания родной старины, многие считают разработку родословных материалов проявлением пустого тщеславия и удовлетворением мелких, личных интересов¹¹.

Ученый сетовал на небрежное отношение своих современников к памятникам старины, указывая на случаи варварского истребления архивных сокровищ, бросаемых на съедение мышам в сырых подвалах, продаваемых на бумажные фабрики или просто сжигаемых как ненужный хлам.

«Я убежден, – говорил он, – что наши более отдаленные и, несомненно, более культурные

потомки не поблагодарят нас за наше преступное пренебрежение к старине своего народа»¹².

Однако эти вопиющие факты ни в какое сравнение не идут с теми огромными по своему масштабу процессами уничтожения исторического наследия, свидетелем которых ему довелось стать после 1917 г. Находясь в эмиграции вдали от России, Л. М. Савелов мог лишь горестно наблюдать, как на его Родине генеалогия, развитию которой он посвятил всю жизнь, фактически была «упразднена» вычеркнута из числа научных дисциплин.

Революционная буря буквально перепахала социальную почву, уничтожив многие полезные исторические традиции. Во всех слоях общества был нарушен нормальный процесс социализации, передачи социального опыта от поколения к поколению. Духовный, воспитательный смысл генеалогической традиции (как и традиции вообще), о котором говорилось выше, был почти полностью утрачен. Зачастую это происходило в результате крупномасштабных социально-экономических преобразований: перемещение огромных масс сельского населения в города и на «великие стройки социализма» неизбежно приводило к отчуждению мигрантов от их родовых корней. А их дети и внуки уже почти ничего не знали и, как правило, и не желали знать о своих предках

Следует подчеркнуть, что истреблению родовой и семейной памяти в значительной степени способствовали политические и идеологические факторы. В сталинскую эпоху сокрытие родственных связей и некоторых фрагментов фамильной истории для многих людей было важным условием личной и семейной безопасности. Генеалогическая фильтрация рассматривалась карательными органами как эффективное средство выявления затаившихся «врагов народа». Нетрудно понять, почему люди той эпохи нередко уничтожали семейные архивы, подделывали документы, меняли фамилии, корректировали свои биографии в анкетах, стараясь стереть всякие следы дворянского, казачьего, «кулацкого» прошлого, всякие упоминания о подозрительных родовых корнях или родственниках за границей.

Своеобразное табуирование темы социального происхождения, превращение некоторых «неудобных» деталей генеалогии в семейные тайны было массовым явлением даже на более поздних этапах истории советского общества, когда беззаконные репрессии уже остались в прошлом. Разрыв преемственности поколений принес свои негативные результаты: к концу XX в. значительная часть населения России превратилась в «Иванов, родства не помнящих», которые и не задумывались о сохранении документов или иных фамильных реликвий. Неизбежным следствием этого стала безвозвратная утрата целых пластов семейной, а следовательно, народной истории, уникальных бесценных воспоминаний, хранившихся в памяти людей, в письмах, дневниках и других документов. Люди уходили из жизни, документы терялись, уничтожались, и вернуть утраченное практически невозможно.

Тем не менее, в настоящее время в нашем обществе наблюдается вполне определенная тенденция – возрастание интереса людей разных поколений, особенно молодежи, к родной истории, к прошлому своей семьи. Они стремятся восстановить те фрагменты фамильной, родовой истории которые еще можно «реставрировать». В настоящее время тысячи людей ищут в библиотеках, в архивах, в Интернете сведения о своих предках, пытаются выяснить, чем они занимались, какую роль играли в истории Отечества. Генеалогические исследования в наши дни – не только удел профессионалов, они стали массовым занятием. Для некоторых наших соотечественников увлечение собственной родословной сродни страстному хобби, коллекционированию. Но многие, с энтузиазмом занимаясь этим делом, преследуют более серьезные цели.

В настоящее время древность рода не имеет для людей утилитарного значения, не дает каких-то реальных преимуществ в карьере, в бизнесе и т. п. Тем не менее, все больше россиян пытаются отыскать свои исторические корни, по крайней мере, узнать, кем были и чем занимались их деды и прадеды, именно потому, что не хотят ощущать себя людьми без роду и племени, случайными гостями в этом мире. Такие генеалогические изыскания, по словам Д. С. Лихачева, отражают «естественное стремление человека к устойчивости, стабильности своего существования на земле» 13. Освоение семейной истории способно изменить мышление человека, который начинает осознавать себя очередным звеном в цепочке исторической преемственности поколений. Сам процесс генеалогического поиска и его результаты могут стать эффективным стимулом самовоспитания, формирования чувства собственного достоинства и ответственности человека за свои действия не только перед современником, но и перед потомками.

Активное освоение семейного прошлого влечет за собой активное отношение к настоящему и будущему (своему и своих потомков), что предполагает и формирование понятия семейной чести, разработку определенных правил достойного поведения и соответствующих жизненных стратегий. Правильно, на наш взгляд, отмечено, что важным результатом генеалогических изысканий и восстановления фамильной истории является «сакрализация и нравственная консолидация семьи, независимо от степени благородства происхождения... Генеалогия позволяет гордиться принадлежностью к семье, а не к профессии, корпорации или государству. В этом состоит моральный результат генеалогических исследований»¹⁴.

Таким образом, можно сделать вполне обоснованный вывод о том, что возрождение гене-

алогической традиции в России - объективно обусловленный и благотворный по своим последствиям процесс. Он не сводится к сбору, систематизации и использованию информации о родословии отдельных лиц и семей (это важный, но внешний, формальный аспект). Глубинный аспект этого процесса предполагает органическую взаимосвязь генеалогии (в широком смысле слова) со сложными тонкими механизмами культурно-исторической преемственности поколений. Это вовсе не означает «реставрацию» архаичных, феодальных порядков, когда происхождение («благородное» или «низкое») всецело определяло социальный статус человека. В современном обществе родословный принцип не может быть основанием для незаслуженных привилегий или сословного чванства. Речь идет о всеобщем осознании того факта, что генеалогическая традиция – не пережиток прошлого или музейный экспонат (нечто красивое, но бесполезное), а жизненно важный регулятор социальной жизни. Это означает преодоление позорной социальной болезни - «исторического беспамятства», когда люди попросту забывают, что своей жизнью и благосостоянием они обязаны длинному ряду предков. Чтобы наше общество, устремляясь по дороге прогресса, не заблудилось на этом пути и не погрязло в трясине варварства, нужно сохранять и укреплять живую, бессмертную связь поколений. Об этом стоит позаботиться и политикам, и ученым, и педагогам, всем нашим современникам, которые чувствуют ответственность за будущее страны.

Примечания

- История и генеалогия: С. Б. Веселовский и проблемы генеалогических исследований: сб. ст. / АН СССР, Ин-т истории СССР; редкол.: Н. И. Павленко (отв. ред.) и др. М., 1977. С. 46, 57.
- ² Пушкин А. С. Собр. соч. : в 10 т. М., 1981. Т. 6. С. 39–40.
- ³ Благой Д. Д. О традициях и традиционности // Традиция в истории культуры: сб. ст. / отв. ред. В. А. Карпушин. М., 1978. С. 28.
- ⁴ Лихачев Д. С. Земля родная: Книга для учащихся. М., 1983. С. 47.
- 5 Там же. С. 44.
- 6 Ильин И. А. Собр. соч. : в 10 т. Т. 1. М., 1993. С. 167–168.
- ⁷ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников : в 2 т. М., 1974. Т. 1. С. 219.
- ⁸ Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 6. С. 135.
- ⁹ Там же. Т. 5. С. 46.
- 10 Григорьев А. П. Воспоминания. Л., 1980. С. 13.
- 11 Савелов Л. М. Лекции по русской генеалогии. М., 1994. С. 12.
- ¹² Там же. С. 11.
- ¹³ *Лихачев Д. С.* Раздумья. М., 1991. С. 273.
- ¹⁴ Здравомыслова Е., Ткач О. Генеалогический поиск в современной России: реабилитация «истории» через семейную «память» // Аb. Imperio. 2004. № 3. С. 406.

УДК 316.344.3

ЯЗЫКОВОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Б. Р. Могилевич

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского E-mail: Mogilevich@sgu.ru

Глобализационная амбивалентность служит причиной множества социокультурных конфликтов, отражающих размывание и утерю локальных этнокультурных идентичностей, в частности, их языкового компонента. Социокультурный дискурс глобализации актуализирует феномен коммуникативного прагматизма в виде использования родного, регионального языка и языка мирового общения в зависимости от коммуникативной цели и сферы жизнедеятельности коммуникантов. Многоязычие представляет собой гарантию сохранения этнокультурной локальной идентичности. Государство должно гарантировать свободное использование родного языка. Язык мирового общения представляет собой основной механизм языкового конструирования глобальной социальной реальности.

Ключевые слова: глобальная социальная реальность, этнокультурная идентичность, коммуникативный прагматизм, язык мирового общения, многоязычие.

Language Construction of Global Social Reality

B. R. Mogilevich

Global ambivalence causes a lot of sociocultural conflicts, reflecting washing out and loss of ethno-cultural identities, particularly in the language. Socio-cultural global discourse actualizes the phenomenon of communication pragmatism as the usage of mother, regional and global languages, depending on communication goal and human activities spheres. Multilinguism guaranties the preservation of ethno-cultural local identities. The State must ensure the free use of the mother language. The global language is the main mechanism of social communication in the global context, while constructing global social reality. **Key words:** global social reality, ethno-cultural identities, communication pragmatism, global language, multilinguism.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-3-286-289

Границы моего языка означают границы моего мира.

Л. Витенитейн

Стремительные и глубокие трансформации, характерные для процесса глобализации, оказывают влияние на все процессы и проявления человеческой жизнедеятельности. Тот факт, что глобализация как явление общемирового значения имеет множество определений, обусловлено противоречивыми и постоянно изменяющимися тенденциями, а также борьбой интересов. По мнению Г. Г. Пирогова, «возникает новое "вавилонское смешение языков", грозящее обрушить "Вавилонскую башню" глобализации еще до того, как она будет достроена. За каждым истолкованием понятия глобализации стоят мощные интересы. Сам процесс глобализации пронизан острыми противоречиями»¹.

Согласно У. Беку, «глобализация означает познаваемое на опыте уничтожение границ повседневной деятельности в различных формах хозяйствования, информации, экологии, техники, транскультурных контактов и гражданского общества»². К. Кшиштофек придерживается мнения, что «глобализация является, в сущности, не чем иным, как построением связующих звеньев между культурами для постижения кодов без их разрушения»³.

Интенсификация процессов глобализации все более усиливает ее амбивалентность в сферах информационных технологий, научного, образовательного, экономического и туристического обменов, возрастающей миграции, что провоцирует множество конфликтов. Одной из основных проблем становятся, с одной стороны, сохранение локальной этнокультурной специфики, а с другой — наличие способности отвечать на вызовы и риски современности.

На повестке дня появилось много вопросов, на которые трудно найти ответы. Впервые возникла ситуация, когда и индивидам, и обществу следует заново определять свою этнокультурную идентичность из-за рисков ее размывания и потери. Это в полной мере касается языковой идентичности. Глобализация, вызвав к жизни новые социокультурные реальности, способствует появлению новых языковых механизмов социализации и инкультурации.

Возникает опасность уменьшения количества языков, которых сейчас насчитывается около 6 тысяч. Утеря языков неразрывно связана с утерей культур, что, несомненно, является глобальной катастрофой. Вместо взаимообогащения культур имеет место культурная нивелировка.

Глобализационные процессы в сфере коммуникации детерминируют серьезные изменения в функционировании языков, а лингвистические процессы межкультурной коммуникации становятся все более взаимосвязанными с социо-

культурными трансформациями в глобальном измерении.

Развитие языкового многообразия представляет собой условие демократического развития и противодействия экстремизму и расизму. Оно достигается увеличением количества языков изучения и формированием в обществе мотивации к их изучению, следовательно, представляет собой языковое многообразие как механизм установления и поддержания межкультурного взаимодействия и взаимообогащения. Вместе с тем актуализируется проблема многоязычия как механизма социализации, инкультурации и сохранения социокультурных локальных идентичностей.

Многоязычие представляет собой функционирование трех и более языков на ограниченной многонациональной территории, а также знание и попеременное употребление в соответствии с потребностями общения нескольких языков. Несомненно, что важные глобализационные процессы взаимодействия и взаимопроникновения культур становятся возможным при наличии многоязычия.

Успешная социализация в глобальном мире невозможна без имплементации многоязычия и антропоцентричности в социальную ткань человеческой жизнедеятельности. В рамках поддержания языкового многообразия и многоязычия был принят Проект «Общеевропейские компетенции владения иностранным языком»⁴.

Гуманная и гуманитарная сущность многоязычия отвечает целям сохранения этнокультурной специфики в процессе становления современной жизненной парадигмы в глобальном контексте. Как всякое сложное явление, многоязычие полиаспектно и, следовательно, присутствует во многих сферах социокультурного бытия. В лингвистическом контексте – это способность индивида осуществлять языковую коммуникацию на нескольких языках, включая родной. В глобальном социокультурной аспекте – это механизм обеспечения полноценной межкультурной коммуникации. Современное постиндустриальное общество характеризуется все возрастающим использованием информационных технологий и детерминирующей ролью современного знания. Естественно, что многоязычие как неотъемлемый компонент глобальной социальной реальности приобретает все большую значимость в повседневной жизненной практике, в частности, в интернационализации многих сфер человеческой жизнедеятельности политике, образовании, экономике. Использование более одного языка в повседневном взаимодействии все чаще воспринимается как норма. Вместе с тем глобализация всегда сопровождается своей альтернативой – локализацией. Как следствие, в языковом контексте имеет место дихотомия «одноязычие – многоязычие».

Налицо диалектическая проблема – одновременное функционирование родного (одного)

языка и других (другого) языков. Родной язык представляет собой механизм социализации и инкультурации в «своей» социокультурной реальности, а другой – обеспечивает вторичную социализацию и инкультурацию в глобальном мире. В целях выживания индивиды вынуждены принимать неоднозначные сложные решения, а использование нескольких языков является одним из них. В то же время многоязычие не должно иметь целью ограничение прав языковой личности на использование родного языка как основы этнокультурной идентичности. И это право должно быть гарантировано государством⁵. Следует выделить такой фактор, обусловливающий многоязычие, как коммуникативный прагматизм. Это означает, что актуализация многоязычия в глобальном контексте включает:

- изучение и использование родного языка;
- изучение и использование регионального языка (языков) в соответствии с личностным выбором;
- использование английского (или другого)
 языка как механизма глобальной коммуникации.

Таким образом, каждый этап развития человечества обладает своим набором социокультурных дискурсов, в которых особенно значимым является языковой компонент. Действительно, многообразие современной глобальной социальной реальности выделяет феномен многоязычия как залога сохранения всех этнокультурных локальных идентичностей. С другой стороны, встает вопрос о насущной необходимости единого языка мирового общения. Мнения специалистов далеки от единого. В самом деле, коммуникативная функция языка, в данном случае - единого языка мирового общения, полностью реализуется, обеспечивая полноценную коммуникацию в глобальном масштабе. Более того, единый язык выполняет и важную конструктивную функцию – конструирование глобальной социальной реальности.

Появился феномен глобальной культуры. П. Бергер выделил ее социальных агентов:

- Давосская культура, представленная мировой экономической и технологической элитой;
- глобальная интеллектуальная культура или клубная культура интеллектуалов, представленная фондами, неправительственными организациями, международными грантами;
- массовая культура как самый сильный социальный агент аккультурации в глобальной культуре, распространяющий новую форму социальных взаимоотношений – поощрение массового потребления различных товаров⁶.

Именно в период глобализации возник феномен глобального языка, который может использовать каждый индивид для осуществления коммуникации в современном информационном обществе, характеризующемся невиданными прежде международными контактами (деловыми, торговыми, научными, профессиональными, личными)⁷.

В настоящее время функцию единого языка международного общения выполняет английский язык. В основе обретения английским языком статуса глобального можно выделить следующие компоненты:

- социально-политические процессы после Второй мировой войны;
 - развитие электронных средств связи;
 - экономическая глобализация;
 - европейская интеграция.

Английский язык получил свое распространение во всех социальных сферах и используется людьми разных социальных статусов и уровней образования. Более того, он стал механизмом социокультурной идентификации (например, в сферах науки, информационных и инновационных технологий, рекламы, связи с клиентами и общественностью, управления, деловой коммуникации, названиях профессий (менеджер, мерчендайзер, бизнесмен, клерк и т. д.), бытовом общении).

В эпоху Интернета глобальность использования английского языка неизмеримо выросла. Существует мнение, что электронная революция сопоставима по своим масштабам с возникновением письменности⁸. Интернет создал свою отдельную культуру, объединяющую пользователей в глобальном масштабе. Интернет-терминология стала использоваться в повседневном общении в виде переводческой транскрипции (Internet – Интернет, byte – байт), переводческого калькирования (database – база данных, to upgrade – апгрейдить (улучшить)).

Английский язык является доминирующим и в области науки. Например, в доперестроечное время в СССР английский язык выполнял, скорее, представительскую функцию продвижения научных исследований за рубеж. Для этого существовали издательства «Прогресс» и «Мир» – переводящие научную литературу. С конца 1970-х гг. переводы осуществлялись, главным образом, с английского на русский. В настоящее время все научные издания и международные конференции используют родной и английский языки, а иногда только английский язык. Все научные публикации должны содержать названия, ключевые слова и аннотации на английском языке. Успешно внедряются международные системы учета цитирований: Scopus, Web of Science, European Reference Index of Humanities. Ecreственно, встает вопрос о засилии английского языка, вестернизации культуры, языковом манипулировании.

Все это, конечно, имеет место. Более того, возникают вполне обоснованные опасения о деформации этнокультурных идентичностей людей, использующих английский язык в повседневной жизнедеятельности. Однозначного решения пока не найдено. Следует все же отметить, что английский язык успешно выполняет свою коммуникативную функцию в глобальном

пространстве. Но одновременно он репрезентирует и конструирует англоязычную социальную реальность. Будущее покажет, но язык всемирного общения существует, объединяя человечество в сложное время и способствуя сохранению цивилизации.

Примечания

- ¹ *Пирогов Г. Г.* Глобализация и цивилизационное многообразие. М., 2000. С. 5.
- ² Бек У. Что такое глобализация. М., 2001. С. 42–43.
- ³ Кшиштофек К. Глобальная культура, мультикультурализм и глобальное правление // Вестн. Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций». 2005. № 1. С. 81.
- ⁴ См.: Проект «Общеевропейские компетенции владения

- иностранным языком: изучение, обучение, оценка» / Департамент по языковой политике, Страсбург. Русская версия. М., 2003.
- ⁵ См.: Яковлева Е. В. Многоязычие как мировой тренд социокультурного развития и стратегии модернизации системы высшего образования // Перспективы науки и образования. 2014. № 6 (12). С. 131–135.
- 6 См.: Бергер П. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона; пер. с англ. В. В. Сапова под ред. М. М. Лебедевой. М., 2004. С. 8–24.
- ⁷ См.: Могилевич Б. Р. Коммуникационное взаимодействие глобальной и локальной культур // Социология (журнал Российской социологической ассоциации). 2010. № 2. С. 160.
- 8 См.: Киселева Т. Г. Глобализация общества и культура мира. М., 2002. С. 9.

УДК 316.74:2

РЕЛИГИОЗНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ И ТИПОЛОГИЗАЦИИ

Е. И. Уфимцева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского E-mail: ufim75@mail.ru

Статья посвящена теоретическому анализу понятия «религиозное образование». Описывается степень изученности и научной проработанности вопроса религиозного образования в отечественном научном дискурсе. Указываются правовые основания реализации религиозного образования и его форм в современном российском обществе. Представлены краткий обзор и обобщенный анализ некоторых подходов к определению понятия «религиозное образование», разрабатываемых отечественными исследователями И. В. Понкиным, И. В. Метликом, О. В. Бобровой, А. В. Колодиным, Н. Н. Реутовым.

Ключевые слова: религиозное образование, религиоведение, религиозно-культурологическое образование.

Religious Education: Basic Approaches to Definition and Typology

E. I. Ufimceva

The article is devoted to the theoretical analysis of the concept of «religious education». It describes the level of knowledge and scientific elaboration issue of religious education in the domestic scientific discourse. Specifies the implementation of the legal basis of religious education and its forms in contemporary Russian society. A brief review and pooled analysis of some approaches to the definition of «religious education», developed by Russian researchers: I. V. Ponkin, I. V. Metlik, O. V. Bobrova, A. V. Kolodin, N. N. Reutov.

Key words: religious education, religious studies, religious-cultural education.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-3-289-296

Одной из основных функций института образования в обществе является сохранение, воспроизводство и развитие национальной культуры и национально-культурной идентичности. Как показывают результаты различных социологических опросов, для современных россиян свойственно смешение национально-культурной и религиозной идентичностей. Это обусловлено особенностями исторического развития государственности и общественного сознания в России. На протяжении веков религиозное образование было обязательным элементом российской национальной системы воспитания и образования. Только в XX в. религиозное образование попало под политический запрет в нашей стране. Советское законодательство определяло возможность преподавания религиозных вероучений исключительно в духовных учебных заведениях и запрещало религиозным центрам, объединениям и служителям культа организовывать кружки, группы и собрания по обучению религии. Согласно тексту Постановления Президиума Верховного Совета РСФСР от 18 марта 1966 г. «О применении статьи 142 Уголовного кодекса РСФСР», уголовно наказуемым деянием считалась организация и «систематическое проведение занятий по обучению несовершеннолетних религии с нарушением установленных законодательством правил»¹. К нарушению таких правил относилось проведение занятий по обучению (передаче определенной системы знаний о вероучении и культе того или иного вероисповедания) несовершеннолетних религии в любой форме,

кроме индивидуального обучения родителями своих детей. С изменением политического режима в России в 90-е гг. XX в. стало возможным возрождение во многом утраченного традиционного института национально-культурной социализации – института религиозного образования. Постепенный рост численности верующих в российском обществе, наблюдаемый последние двадцать пять лет, рост национального самосознания и доверия к деятельности религиозных объединений, и прежде всего Русской православной церкви, способствуют институциализациии религиозного образования и расширению сферы его реализации как в государственной, так и в общественной сферах, что определяет актуальность и значимость изучения данного социального феномена.

Количество исследований религиозного образования, осуществляемых отечественными учеными, можно сказать, растет пропорционально динамике институциализации религиозного образования в российском обществе. Преимущественно это работы в области педагогики, культурологи и философии. Социологических исследований, посвященных анализу институциональных характеристик религиозного образования, не много. Среди них необходимо выделить диссертационную работу О. В. Бобровой, посвященную социологическим проблемам исследования религиозного образования в современной России, а также диссертационное исследование Н. Н. Реутова по проблемам интеграции светского и религиозного образования. Процесс реализации религиозного и религиоведческого образования в государственных образовательных учреждениях освещается в работах Л. А. Андреева, А. В. Колодина, С. Д. Лебедева. Концептуализации религиозного образования посвящены труды И. В. Метлика, И. В. Понкина, В. А. Ручина, Ф. Н. Козырева. К изучению отдельных аспектов религиозного и религиоведческого образования обращались А. В. Агеева и Е. А. Никитская (церковно-приходское образование для детей), Т. А. Легасова (профессиональное религиозное образование), Т. А. Липаева (образование и воспитание молодежи в деятельности РПЦ), Г. С. Тарасенко (развитие православной общеобразовательной школы). Одним из методологически значимых и дискуссионных вопросов, поднимаемых в данных исследованиях, является вопрос определения сигнификационных границ понятия «религиозное образование».

Сегодня в российском обществе право на обучение религии и получение религиозного воспитания и образования, в том числе профессионального, гарантируется нормами международного и национального (российского) права, а именно:

1) Декларацией о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений, принятой резолюцией 36/55 Ге-

неральной Ассамблеи ООН от 25 ноября 1981 г. Согласно тексту декларации, «каждый ребенок имеет право на доступ к образованию в области религии или убеждений в соответствии с желаниями его родителей или, в соответствующих случаях, законных опекунов и не принуждается к обучению в области религии или убеждений вопреки желаниям его родителей или законных опекунов, причем руководящим принципом являются интересы ребенка» (ст. 5), а «право на свободу мысли, совести, религии или убеждений включает возможность вести преподавание по вопросам религии или убеждений в местах, подходящих для этой цели» (ст. 6);

- 2) Протоколом № 1 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Париж, 20.03.1952), в тексте которого утверждается, что «государство при осуществлении любых функций, которые оно принимает на себя в области образования и обучения, уважает право родителей обеспечивать такое образование и такое обучение, которые соответствуют их религиозным и философским убеждениям» (ст. 2);
- 3) итоговым документом Венской встречи государств-участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 15.01.1989, устанавливающим правовую норму «уважать право каждого давать и получать религиозное образование на языке по своему выбору или индивидуально, или совместно с другими» (Принцип 16.6);
- 4) статьей 28 Конституции РФ, закрепляющей гарантии каждого гражданина на свободу совести, свободу вероисповедования, «включая право исповедовать индивидуально или с другими любую религию или никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствие с ними»;
- 5) Федеральным законом «О свободе совести и религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ, устанавливающим право каждого гражданина РФ на получение религиозного образования по своему выбору индивидуально или совместно с другими, а также право государственных и муниципальных образовательных учреждений, администрации указанных учреждений по согласованию с соответствующим органом местного самоуправления предоставлять религиозной организации возможность обучать детей религии вне рамок образовательной программы (ст. 5);
- 6) Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ. В статье 87 «Особенности изучения духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации. Особенности получения теологического и религиозного образования» определяется возможность включения учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей), направленных на получение обучающимися зна-

ний об основах духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации, о нравственных принципах, об исторических и культурных традициях мировой религии (мировых религий), или альтернативных им учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей), к преподаванию которых привлекаются соответствующие централизованные религиозные организации. Частные образовательные организации, учредителями которых являются религиозные организации, за исключением духовных образовательных организаций, на основании представления соответствующей религиозной организации или централизованной религиозной организации могут включать в часть основных образовательных программ, формируемую участниками образовательного процесса, учебные предметы, курсы, дисциплины (модули), обеспечивающие религиозное образование (религиозный компонент);

7) Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 января 2012 г. № 84-р, в соответствии с которым начиная с 1 сентября 2012 г. установлено обязательное изучение комплексного учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики» в общеобразовательных учебных заведениях.

Понятие «религиозное образование» введено законами «О свободе совести и религиозных объединениях» и «Об образовании в Российской Федерации». Вместе с тем российское законодательство не дает определение данному понятию. Только системный анализ положений рассматриваемых законов, как указывает О. М. Шахов, позволяет установить, что религиозное образование включает:

- обучение религии и религиозное воспитание детей родителями или лицами, заменяющими их (п. 2 ст. 5 ФЗ «О свободе совести…»);
- обучение религии и религиозное воспитание последователей религиозного объединения (взрослых или детей; членов, участников религиозного объединения или собирающихся вступить в него);
- обучение религии и религиозное воспитание в учрежденных религиозными организациями образовательных учреждениях;
- профессиональное религиозное образование будущих священнослужителей и религиозного персонала в духовных образовательных учреждениях².
- Ф. Н. Козырев отмечает, что понятие «религиозное образование» (religious education) чаще всего используется для обозначения предметной области, связанной с изучением и преподаванием в школе религиозных предметов и тем религиозного содержания³. Если религиозный предмет имеет конфессиональную направленность, то могут употребляться такие понятия, как «католическое религиозное образование» или «исламское образование». Альтернативными терминами могут быть «преподавание (получение)

знаний о религии (религиях)» (teaching (learning) about religion(s)). Автор указывает на то, что в рамках описания феномена религиозного образования существует практика замены слова «религия» словом «духовность» (spirituality). Так в США, в Великобритании предмет «духовность» рассматривается как светская альтернатива «религии». В случае выделения какого-либо аспекта религиозного образования в международной практике используются понятия «религиозное воспитание» (religious upbringing), «религиозный инструктаж» (religious instruction), «религиозная социализация» (religious socialization). Понятие «christian nurture» употребляется для обозначения религиозного воспитания маленьких детей. Понятие «religious studies» применяется при указании на изучение религии в вузе. В зарубежной практике имеет место употребление понятия «катехизация» (catechism, catechization), которым, по мнение исследователя, обозначается образовательная деятельность церкви. Выбор того или иного понятия, как считает Ф. Н. Козырев, неслучаен, а отражает приверженность различным установкам в понимании принципов включения религии в образование.

И. В. Понкин определяет религиозное образование как «целенаправленный процесс обучения и воспитания, осуществляемый на основе определенного религиозного вероучения в интересах религиозного объединения и личности, сопровождающийся привлечением обучаемого в религиозное объединение, приобретением обучаемым знаний о религиозном вероучении, религиозной практике, культуре и жизни религии и представляющего ее религиозного объединения, формированием качеств личности и образа жизни человека на основе соответствующего религиозного вероучения и связанных с ним нравственных традиций»⁴. Главная особенность религиозного образования, по убеждению И. В. Понкина, заключается в непосредственном или опосредованном участии религиозной организации в образовательном процессе, так как только она, являясь носителем и хранителем конкретной религиозной идентичности, может транслировать эту идентичность в аутентичной форме. Участие религиозной организации в образовательной деятельности может заключаться в контроле религиозной организации за содержанием религиозного образования в учебных заведениях, учрежденных ею, или в форме конфессиональной экспертизы образовательных материалов религиозного образования (учебных программ, учебников, пособий и др.), используемых в светских учебных заведениях.

По мнению исследователя, религиозное образование может осуществляться в двух формах:

- обучение религии;
- религиозно-культурологическое образование как одна из форм преподавания знаний о религии.

При этом обучение религии не относится к светскому образованию, так как не является общегражданской, значимой для всего общества образовательной практикой. Эта форма религиозного образования предназначена для воспроизводства религиозной общности: ее массового (рядовые верующие) и профессионального (духовенство) компонентов. Светская форма религиозного образования – образовательная деятельность, реализуемая в государственных, муниципальных или негосударственных образовательных учреждениях в соответствии с государственными образовательными стандартами, не преследующая цели воспроизводства религиозной общности и не управляемая исключительно религиозными объединениями.

В качестве основных признаков первой формы религиозного образования И. В. Понкин вылеляет:

- принцип добровольности;
- осуществление образовательной деятельности под управлением или контролем определенной религиозной организации;
- нацеленность на профессиональную подготовку служителей культа или катехизацию обучающихся, направленную на их привлечение в религиозное объединение;
- обучение религиозной практике и реализацию религиозной практики в рамках образовательной деятельности: совершение богослужений, религиозных обрядов, ритуалов;
- реализацию образовательного процесса в образовательных учреждениях и организациях, учрежденных религиозной организацией, или в семье. На основании ч. 4 ст. 5 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ обучение религии может осуществляться и в государственных, и в муниципальных образовательных учреждениях. То есть в тех образовательных учреждениях и организациях, которые учреждены не религиозной организацией или входящими в ее состав другими религиозными организациями, а некоммерческими или коммерческими объединениями, но прошли процедуру «признания» религиозной организацией. Религиозное образование в государственных или муниципальных образовательных учреждениях, не препятствующее получению собственно общегражданского (нерелигиозного) общего или профессионального образования, основанное на принципе добровольности, не направленное на воспроизводство служителей культа для религиозных объединений, обращает внимание И. В. Понкин, не нарушает принципа светскости образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях.

Вторую форму религиозного образования – религиозно-культурологическое образование – исследователь определяет как «целенаправленный процесс обучения и воспитания, осущест-

вляемый на основе определенного религиозного мировоззрения в интересах личности и общества, сопровождающийся приобретением обучаемым знаний о религиозном вероучении, культуре и жизни той религии и представляющего ее религиозного объединения, которую учащийся выбрал для изучения, формированием качеств личности и образа жизни человека на основе соответствующего религиозного вероучения и связанных с ним нравственных традиций»⁵. Основу религиозно-культурологического образования ставляет преподавание знаний о религии путем научно-культурологического ее рассмотрения. Являясь по содержанию религиозным, а по форме реализации светским, оно не включает культовой практики и не направлено на привлечение обучаемого в религиозное объединение. Религиозно-культурологическое образование может реализовываться на базе государственных и муниципальных образовательных учреждений, на базе образовательных организаций, учрежденных или признанных религиозными организациями, в семье, на базе других социальных институтов (например, учреждения исполнения наказаний). Оно может осуществляться как в рамках специального учебного курса, так и в содержании других учебных курсов. Так же как конфессиональное религиозное образование, осуществляется на добро-

От религиозного образования И. В. Понкин предлагает отличать религиоведческое образование. Основу религиоведческого образования, так же как и религиозно-культурологического, составляет преподавание знаний о религии. Религиоведческое образование, являясь светским образованием, не подразумевающим вовлечение обучаемых в религиозное объединение, рассматривается И. В. Понкиным как преподавание знаний о религии – специфической форме культуры и явлении социальной жизни. Образовательная база религиоведческого образования - государственные и муниципальные образовательные учреждения. Вместе с тем религиоведческое образование может быть реализовано как в соответствии с государственным стандартом, так и вне стандарта, но под управлением религиозного объединения (например, религиоведческий курс в семинарии). Отличительной особенностью религиоведческого образования является его обязательность.

И. В. Понкин указывает на существование также смешанной формы одновременно религиоведческого и религиозно-культурологического образования — это этноконфессиональное образование в составе этнокультурного образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, не преследующее цели вовлечения обучаемых в религиозное объединение.

Методологически близкой к подходу И. В. Понкина в определении понятия «религиозное образование» является позиция И. В. Мет-

лика. Он выделяет такие критериальные отличия религиозного образования, как: а) организационно-правовая принадлежность образовательной деятельности той или иной религиозной организации (конфессии); б) направленность содержания образования на повышение уровня, объема и качества знаний человека о той или иной религии, религиозной культуре; в) основанность образовательной деятельности, учебного или воспитательного процесса на религиозном мировоззрении⁶. Ведущим критерием принадлежности образовательной деятельности к области религиозного образования, по мнению И. В. Метлика, является взаимодействие с соответствующей религиозной организацией. Если такое взаимодействие установлено и зафиксировано в нормативно-правовых документах, то изучение религии в любом образовательном учреждении, в том числе в государственном и муниципальном, можно считать формой религиозного образования. При этом религиозное образование может реализовываться как в организациях и учреждениях системы образования религиозных конфессий, так и в семье, в средствах массовой информации, учреждениях культуры, в образовательной деятельности других социальных институтов, учреждений и частных лиц, в том числе и в государственных и муниципальных образовательных учреждениях в соответствии с их образовательными программами, учебными планами, программами учебных курсов и дисциплин. Исследователь подчеркивает, что любое религиозное образование, в том числе и профессиональное, не является частью религиозного культа, так как не предусматривает обязательного проведения религиозных ритуалов, обрядов в образовательных учреждениях или в процессе обучения. Обучение участию в культовой деятельности, церковной жизни остается именно обучением, а не собственно религиозной жизнью личности.

При этом И. В. Метлик предлагает различать две основные области религиозного образования: обучение религии, не имеющее общесоциальной значимости и поэтому не требующее государственной стандартизации, и обучение религии, имеющее общесоциальную значимость и потому требующее государственной стандартизации, регламентации и контроля. Первая область образования включает: а) профессиональное религиозное образование; б) религиозное образование для лиц, имеющих потребность стать членами религиозной организации, и для членов религиозной организации, имеющих потребность расширить свои знания в области религиозной веры. Вторая область образования включает: а) изучение религии в образовательных учреждениях разных типов и организационно-правовых форм, в том числе в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, в соответствии с государственными образовательными стандартами, образовательными программами, учебными планами, программами учебных курсов и дисциплин; б) реализация в образовательных учреждениях разных типов и организационно правовых форм образовательных программ разного типа, уровня и направленности в соответствии с государственными образовательными стандартами на религиозно-мировоззренческой основе по свободному выбору учащихся и (или) их родителей с учетом законных прав и интересов всех участников образовательного процесса; в) реализация в образовательных учреждениях разных типов и организационно правовых форм образовательных программ разного типа, уровня и направленности в соответствии с государственными образовательными стандартами при участии религиозной организации в любой форме: учредительство образовательного учреждения, совместное учредительство, контроль над содержанием и методикой преподавания, участие в подготовке и аттестации педагогических кадров, конфессиональная экспертиза содержания образования и др. Обучение религии, имеющее общесоциальную значимость, исследователь предлагает рассматривать как религиозное и светское образование одновременно, так как, с одной стороны, оно обладает признаками религиозного образования, а с другой стороны, полностью или совместно с религиозными организациями регламентируется государственными и муниципальными органами управления образованием.

И. В. Метлик считает, что очень часто понятие «светскость» неверно толкуется как в исследовательском дискурсе, так и в массовом информационном поле, оно приравнивается по смыслу понятиям «антирелигиозность», «безрелигиозность», «внерелигиозность», что в корне неверно. Исследователь отмечает, что большинство государств в современном мире – светские, тем не менее, их государственная система образования предусматривает возможность изучения той или иной религии по выбору. Светским, по мнению И. В. Метлика, будет любое образование, направленное на решение различных общесоциальных задач, организуемое и поддерживаемое обществом через органы государственной власти и местного самоуправления. Та область религиозного образования, которая имеет общесоциальную значимость и регламентируется (полностью или совместно с религиозными организациями) государственными и муниципальными органами управления образованием, обеспечивается (полностью или частично) из государственных источников, бюджетов разного уровня – федерального, регионального, местного, одновременно является частью светского образования. К этой же области религиозного образования исследователь относит и большую часть содержания образования в духовных школах (учреждениях профессионального религиозного образования), за исключением образовательной подготовки

учащихся части знаний, необходимых собственно для отправления религиозного культа. Все остальное – изучение истории, этики, материальной культуры, как считает И. В. Метлик, представляет ценность для всего общества и может регулироваться государственными стандартами общего или профессионального образования.

По мнению И. В. Метлика, религиозное образование отличается от религиоведческого. Религиоведение — это изучение религии в целом и в конкретных национальных традициях, осуществляемое в рамках конкретной мировоззренческой установки, аксиологического взгляда на религию. Такое определение позволяет различать три религиоведческие модели:

- 1) научное религиоведение изучение религии, ее компонентов, особенностей развития с позиций разных направлений и школ в философии, социологии, исторической науке (часть образования в области соответствующих научных дисциплин);
- 2) философское религиоведение объяснение происхождения, развития и особенностей религии с позиций философских мировоззрений, концепций, теорий (часть философского образования);
- 3) религиозное религиоведение изучение религии, религиозной культуры с целью повышения уровня знаний о религиозном мировоззрении и культуре данного типа или приобщения к данной религиозной традиции в той или иной форме, включая апологетические объяснения всех других религий с позиций мировоззрения и культуры данной религиозной конфессии, проводимое с участием организаций религиозных конфессий.

На необходимость отличать религиозное образование от религиоведческого указывает О. В. Боброва. Она считает, что религиозное образование - это «деятельность по трансляции специфического вида знания (религиозных доктрин), ценностей, образа жизни и мироощущения, осуществляемая профессионально подготовленными лицами (священнослужителями, религиозными педагогами) в отношении учащихся (мирян и будущих священнослужителей)»⁷. При этом исследователь предлагает рассматривать религиозное образование в соотношении с религиозным просвещением, религиоведческим образованием и религиоведческим просвещением. О. В. Боброва отмечает, что религиозное образование и просвещение, а также религиоведческое образование и просвещение обладают как общими чертами (по способу распространения, воздействия на объект, наличию обратной связи с ним), так и отличительными характеристиками. Общим для них является то, что они призваны осуществлять своеобразную «ликвидацию религиозной безграмотности населения», сообщать о возможной опасности, исходящей от тоталитарных сект, транслировать социокультурный опыт, накопленный в традиционных конфессиях. Вместе с тем, наряду с общими задачами, религиозное и религиоведческое образование обладают по ряду параметров отличительными характеристиками. Прежде всего, религиозное образование и просвещение отличаются от религиоведческих целью. Опираясь на высказывания современных православных богословов, О. В. Боброва отмечает, что основные цели и задачи религиозного образования заключаются в формировании религиозной личности, ее духовности, приобщении к соответствующей системе ценностей, которая должна стать основой всей жизни человека не только в этом, но и в «потустороннем» мире. Таким образом, делает вывод исследователь, целью религиозного образования и просвещения становится религиозная социализация личности, а в контексте православного образования и просвещения - ее воцерковление.

Ключевой задачей религиоведческого образования и просвещения, по мнению О. В. Бобровой, выступает воспитание мировоззренческой, религиозной, национальной толерантности. Помимо этого, сравниваемые типы образования и просвещения характеризует различное содержание образования. Религиоведческое образование и просвещение призваны к формированию знаний: о религии как социальном явлении и явлении культуры (о ее природе, происхождении, историческом развитии); о роли религии и культуре конкретных стран и народов; знакомство с Библией, Кораном и священными книгами других религий как культурно-историческими памятниками; об особенностях вероучения и культа, системах нравственных норм и ценностей различных религий; о свободомыслии и атеизме. Посредством религиозного образования и просвещения осуществляется знакомство с вероучением, вероучительными догматами; священными текстами конкретной религии (конфессии); нормами и правилами религиозного культа; с богослужением; с системой нравственных и культурных предписаний, норм и ценностей; историей конфессии. К тому же, как считает О. В. Боброва, религиозное образование и просвещение отличаются от религиоведческих субъектами ответственности и субъектами исполнения. Субъектами ответственности в религиозном образовании и просвещении выступают религиозные организации (руководящие органы конфессий, соответствующие отделы, управления, общины, религиозные фонды и т. д.), а субъектами исполнения – духовные учебные заведения (академии, семинарии, теологические институты, епархиальные училища и т. д.) для подготовки клириков, священно- и церковнослужителей; конфессиональные общеобразовательные учебные заведения (гимназии, лицеи, школы) для получения общего образования в сочетании с религиозным воспитанием; богословские институты и университеты для подготовки

теологов и преподавателей религиозных дисциплин; воскресные школы и катехизаторские курсы при общинах (приходах). К субъектам ответственности религиоведческого образования и просвещения, по мнению исследователя, относятся государство в лице Министерства образования, других министерств и ведомств, имеющих образовательные учреждения; органы образования субъектов Федерации, муниципальные органы власти и их отделы образования, а к субъектам исполнения — государственные вузы всех типов, государственные и муниципальные средние и средние специальные учебные заведения.

При этом, как считает О. В. Боброва, понятие «образование» шире, чем понятие «просвещение», и включает в себя второе. Поэтому религиозное или религиоведческое просвещение являются составляющими религиозного или религиоведческое образования. Отличаются религиозное и религиоведческое просвещение от образования тем, что оказывают менее систематизированное воздействие на людей, воспринимающих информацию; не ограничено во временном континууме; аудитория просвещения анонимна, и невозможно с точностью определить ее параметры; обратная связь с аудиторией ситуативная и может отсутствовать. В религиозном и религиоведческом образовании наоборот: воздействие на учащихся систематизировано, ограничено временными границами в пределах учебного расписания, закреплено за конкретными образовательными учреждениями; обучающаяся аудитория обладает конкретными социально-демографическими характеристиками, и наличие обратной связи с ней обязательно. Поэтому для просветительской деятельности не обязательно наличие специальных учреждений, а для образования наличие таковых является одним из необходимых условий осуществления образовательного процесса.

П. Ф. Сироткин также предлагает различать религиозное и религиоведческое образование, понимая под первым разновидность философского образования, призванную к изучению социокультурных процессов в обществе, происходящих под воздействием того или иного религиозного вероучения В религиозном образовании, по мнению исследователя, знания играют вспомогательную роль, так как в основе его лежит религиозное воспитание, осуществляемое «при помощи культовых действий и посредством формирования определенного образа жизни» 9.

Разграничению понятий «религиозное образование» и «религиоведческое образование» уделяется внимание в диссертационной работе А. В. Колодина. Исследователь относит к религиозному образованию деятельность по «трансляции религиозных доктрин, опыта, чувств, способов культовой практики, осуществляемую конфессионально подготовленными лицами (священниками, религиозными педагогами и т д.), а

также систему подготовки педагогических кадров для самих учреждений конфессионального образования» 10. Под религиоведческим образованием предлагается понимать преподавание знаний о религии в ее научно-культурологическом рассмотрении. А. В. Колодин подчеркивает, что религиозное и религиоведческое образование различаются по ряду параметров - по целям, по содержанию, по субъектам ответственности, по субъектам исполнения. Если религиозное образование направленно на зарождение религиозной веры у обучающихся, на их конфессиональное самоопределение и обучение догматам и обрядам, то целью религиоведческого образования является получение учащимися научных знаний о религии, приобщение к религиозной культуре как части национального и мирового культурного наследия.

Н. Н. Реутов вводит понятие «конфессионально-ориентированное образование», которое, по его мнению, отличается от религиозного образования 11. Специфика религиозного образования, замечает исследователь, заключается в том, что процесс обучения и воспитания осуществляется на основе определенного религиозного мировоззрения, приобретения обучаемым знаний о религиозном вероучении, культуре и жизни религии и представляющего ее религиозного объединения, которую учащийся выбрал в качестве мировоззрения. Под конфессионально-ориентированным образованием понимается специальное углубленное изучение религиозной культуры конкретной конфессии в контексте ценностей этой культуры. Так как конфессионально-ориентированное образование реализуется на стыке светской и религиозной образовательных систем, то в соответствии со светской системой образования оно выстраивается на базе религиоведческой компоненты социогуманитарного блока образовательного знания, а в соответствии с конфессиональной системой образования акцент делается на воспитательный, ценностно-рациональный эффект транслируемого знания.

Итак, на современном этапе социального развития религиозное образование является правовой нормой международного и национального (российского) права. Понятие «религиозное образование» закреплено в законодательстве РФ, но не определено. Определение понятия «религиозное образование» осуществляется в рамках отечественного научного дискурса. Рассмотренные нами подходы к определению понятия «религиозное образование», можно подразделить на две группы: 1) признающие в качестве главного критерия участие религиозной организации в образовательном процессе (И. В. Понкин, И. В. Метлик, О. В. Боброва, А. В. Колодин); 2) признающие в качестве главного критерия религиозное содержание образовательной деятельности (Ф. Н. Козырев, П. Ф. Сироткин, Н. Н. Реутов). В качестве основной цели религиозного образования определяются:

- воспроизводство религиозной общности;
- зарождение религиозной веры у обучающихся;
- привлечение обучаемого в религиозное объединение, конфессиональное самоопределение:
- повышение уровня, объема и качества знаний о той или иной религии, религиозной культуре в рамках конкретного религиозного мировоззрения;
- религиозная социализация (воцерковление);
- формирование религиозной личности, религиозное воспитание.

В зависимости от задач религиозного образования предлагается различать такие его формы, как обучение вере (конфессиональное образование, катехизация, профессиональная подготовка служителей культа), религиозно-культурологическое образование (конфессионально-ориентированное), этноконфессиональное образование, религиозное религиоведение.

В зависимости от организации, осуществляющей религиозно-образовательную деятельность, выделяют следующие формы религиозного образования:

- религиозное образование в семье;
- религиозное образование на базе религиозного объединения (приходское образование);
- религиозное образование в учрежденных религиозными организациями образовательных учреждениях;
- религиозное образование в государственных и муниципальных образовательных учреждениях.

В зависимости от уровни подготовки религиозное образование подразделяют на:

- религиозное образование для лиц, имеющих потребность стать членами религиозной организации;
- религиозное образование для членов религиозной организации, имеющих потребность расширить свои знания в области религиозной веры;
- профессиональное религиозное образование будущих священнослужителей и религиозного персонала в духовных образовательных учреждениях.

В зависимости от уровня общесоциальной значимости в религиозном образовании выделяются:

- обучение религии, не имеющее общесоциальной значимости и поэтому не требующее государственной стандартизации;
- обучение религии, имеющее общесоциальную значимость и потому требующее государственной стандартизации.

От религиозного образования предлагается отличать религиоведческое образование.

Примечания

- ¹ О применении статьи 142 Уголовного кодекса РСФСР: постановления Президиума ВС РСФСР от 18 марта 1966 г. URL: http://www.r-komitet.ru/vera/25.htm (дата обращения: 02.02.2016).
- ² См.: Шахов М. О. Религиозное образование // Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. 2-е изд., доп. М., 2013. С. 407–419.
- ³ См.: Козырев Ф. Н. Религия в современном образовании: основные понятия и типологии // Вестн. Русской христианской гуманитарной акад. 2013. Т. 14, вып. 1. С. 222–237.
- ⁴ *Понкин И. В.* Правовые основы светскости государства и образования. М., 2003. С. 322.
- ⁵ Там же. С. 324–325.
- 6 См.: Метлик И. В. Изучение религии в системе образования // Педагогика. 2003. № 7. С. 71–78.
- ⁷ Боброва О. В. Социологические проблемы исследования религиозного образования в современной России: На материале православного образования: дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2003. С. 40.
- 8 См.: Сироткин П. Ф. Религиозное образование в современном поликонфессиональном пространстве (социокультурный аспект) // Вестн. Перм. ун-та. Сер. Философия. Психология. Социология. 2014. Вып. 4 (20). С. 105–110.
- ⁹ Там же. С. 106.
- 10 Колодин А. В. Религиоведческое и религиозное образование: сущность, специфика, проблемы реализации в государственных и муниципальных образовательных учреждениях Российской Федерации: автореф.... канд. филос. наук. М., 2007. С. 23.
- 11 См.: *Реутов Н. Н.* Социокультурные практики интеграции светского и религиозного образования: автореф. . . . канд. социол. наук. Саратов, 2008.

СЛОВО МОЛОДЫМ СОЦИОЛОГАМ

УДК 316.28, 316,624

САМОУБИЙСТВО В РАМКАХ СОВРЕМЕННЫХ ТЕОРИЙ И КОНЦЕПЦИЙ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Р. И. Жидков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского E-mail: romancroft@mail.ru

В статье представлен анализ теорий и концепций как зарубежных, так и отечественных авторов, изучающих социальные аспекты средств массовой информации. Отмечается значение различных нарчных направлений, в которых существуют свои собственные трактовки и представления. Все представленные теории так или иначе раскрывают социальную природу данного средства коммуникации. Целью данной статьи является раскрытие теоретических основ изучения СМИ как социального явления, а также понятия самоубийства в рамках теоретико-методологических основ изучения средств массовой информации.

Ключевые слова: самоубийство, суицид, средства массовой информации (СМИ), теории, концепции, социальный институт, конструктивизм, информация, коммуникация.

The Phenomenon of Suicide in the Study of Contemporary Theories and Concepts of Media

R. I. Zhydkov

The article presents the analysis of theories and hypotheses of foreign as well as Russian authors who studied social aspects of the media. The value of various scientific schools which developed their own interpretations and ideas is noted, however all the analyzed theories reveal the social character of this means of communication. The aim of the research is to explain the theoretical foundation to study the media as a social phenomenon as well as examining the notion of a suicide in the perspective of the media theory.

Key words: felo-de-se, suicide, mass media, theories, hypotheses, social institute, constructivism, information, communication.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-3-297-304

Ежедневно в мире происходит огромное количество событий и явлений, за которыми человек просто не успевает следить. И тут ему на помощь приходит один из институтов современного общества — средства массовой информации. Но в чем же состоит особенность данного института? И какова его роль в современном обществе?

Для начала нужно дать определение термину «информация», так как оно напрямую связано с данным понятием. Информация (по ГОСТ 7.099) — это сведения, воспринимаемые человеком и (или) специальными устройствами, как

отражение фактов материального или духовного мира в процессе коммуникации¹.

Таким образом, СМИ относятся именно к техническим средствам получения информации. Но что связывает их с ней? Данную связь поддерживает коммуникация. Коммуникация – это специфический вид деятельности, содержанием которого является обмен социальной информацией между людьми². Особо стоит отметить, что коммуникация подразумевает именно социальный аспект, так как «носит в себе» процесс взаимодействия различных социальных групп и слоев и получения ими социально значимой информации. Впервые понятие «коммуникация» в современном его значении употребил Ч. Кули в 1909 г. Он использовал его как средство организации общения через газеты, почту, железные дороги и образование³. При этом стоит подчеркнуть, что уже в данном определении можно проследить черты «массовости» и «социальности», а именно того, что на сегодняшний день влияет на человека.

Перейдем к определению термина «СМИ». Средства массовой информации — это каналы, способы передачи, материальные носители для фиксирования, хранения и распространения информации для массовой аудитории⁴. Является синонимом слова масс-медиа.

По мнению английского социолога Т. Беннета, медиа-пресса, радио, ТВ и Интернет объединяются под названием масс-медиа. Однако, с научной точки зрения, использование этого термина происходит в силу привычки⁵. Поэтому в нашем исследовании эти два термина будут означать одно и то же, употребляться в разной зависимости.

Медиа — это понятие, которое впервые начало использоваться в XVI в., где стало применяться к исторически первому СМИ — газете. Но уже с середины XVIII в. начинает использоваться в современном значении, как распространение сообщений с помощью особых технических средств связи 6 . Но стоит отметить, что СМИ являются не только частью массовой коммуникации, но и отличаются от прочих институционализацией, т. е. наличием постоянного специального аппарата для сбора, отбора и подготовки к распространению информации. Во всех данных определени-

ях и понятиях присутствует аспект социальной принадлежности масс-медиа к обществу как одного из его институтов.

Поэтому уже в 1947—1948 гг., имея большой теоретический и эмпирический материал по воздействию средств массовой информации, американский обществовед Г. Лассуэл предложил структурную модель СМИ. Первый блок — это сами средства массовой информации — пресса, радио, ТВ, Интернет; второй — это передаваемая СМИ информация; третий блок — технические средства масс-медиа; четвертый — аудитория и последний, пятый — эффект от получения информации⁷.

Таким образом, согласно данной модели, масс-медиа — это организационно технические комплексы, позволяющие осуществлять быструю передачу, массовое тиражирование больших объемов словесной и образной информации.

Но кто же является субъектом и объектом воздействия масс-медиа? Объектом средств массовой информации выступают социальные группы, индивиды и все общество в целом, которые занимаются трансляцией духовных ценностей и норм, а также процессом социализации⁸. Субъектом масс-медиа выступают сами средства передачи информации – ТВ, Интернет, пресса, радио, которые реализуют самостоятельно выработанные программы и ценностные установки.

Стоит отметить, что структура современных масс-медиа представлена следующим образом: пресса — массовые периодические печатные издания. К ним относятся газеты, журналы, ежедневники, альманахи, книги. Они выполняют функцию социальной идентификации, помогая гражданам осознавать свою принадлежность к определенной социальной группе или же к обществу в целом⁹.

За ним следует второй блок – это аудиовизуальные СМИ. К данному виду относятся радио, ТВ, Интернет. Уникальность радио состоит в его общедоступности, и оно служит одним из средств социального контроля. Телевидение, в отличие от радио, обеспечивает более широкие коммуникационные возможности, создавая эффект присутствия.

И последний блок современных масс-медиа – это информационные службы: агентства, рекламные бюро¹⁰. Именно в данных учреждениях создается вся информация в СМИ.

Хочется также отметить, что в данном исследовании анализ будет проводиться по первым двум видам масс-медиа.

Но для начала нужно разобраться в том, что представляют собой СМИ и какие функции они выполняют в обществе. Для этого рассмотрим масс-медиа в качестве социального института. Чтобы объяснить, почему был выбран именно такой критерий, опишем тот факт, что средства массовой информации в настоящее время выступают информационным аналогом общества.

И если учесть, что в XVIII—XIX вв., в период первых СМИ, мир был относительно «невелик» (имеется в виду не территориальный признак, а уровень глобализации) и события в одной точке земного шара не оказывали значительного влияния на другие, то уже в начале XX в. ситуация кардинально меняется 11. Имеется в виду, что любое событие может быть важным и при этом может нести в себе различные трактовки одного и того же события. Поэтому СМИ представляют собой относительно «молодой» социальный институт, основная функция которого заключается в производстве и распространении информации.

Для начала дадим определение термину «институт» (с социологической точки зрения). Институт — это сложная, исторически устойчивая модель поведения, регулируемая определенной нормативной системой и обеспечивающая воспроизводство социальных связей и отношений 12. И сразу же перейдем к определению следующего термина. Социальный институт — это относительно стабильная форма организации социальной жизни, обеспечивающая устойчивость связей и отношений в рамках одного общества 13. Но из данного определения еще не следует, что СМИ являются социальным институтом, хотя носят в себе его определенные черты.

Во-первых, средства массовой информации представляют собой институционально-организационное единство, совмещающее характеристики института и его организационное оформление. «На службе» у масс-медиа находятся различные агентства, газеты, журналы, каналы – и в каждом из данных подразделений присутствует значительный штат обслуживающего персонала.

Во-вторых, СМИ выполняют особую функцию — создание информационного аналога общества путем конструирования определенной картины мира, а также освещение деятельности других социальных институтов.

И в-третьих, масс-медиа выступают «рупором» общественного мнения, а именно воздействуют на большие социальные группы¹⁴.

От вопроса социального института перейдем к рассмотрению основных функций СМИ в обществе. Сразу хотелось бы отметить, что в изученной литературе было представлено огромное количество функций и их разновидностей, мы выбрали несколько видов функций у разных авторов, которые представили их в более развернутом виде.

Отечественный исследователь масс-медиа А. Черных раскрывает основную типологию функций в СМИ. Первая функция, которая она выделила, – информационная: информирование граждан о событиях и процессах, происходящих в обществе. Вторая функция – корреляционная, суть которой заключается в объяснении, интерпретации и комментировании смысла событий, а также осуществление социального контроля.

Следующая функция – преемственности. Через нее происходит выражение ценностей доминирующей культуры. И последняя функция – развлекательная. Она осуществляется через развлечение, отвлечение и снятие социальной напряженности¹⁵.

Однако сразу же хотелось бы отметить, что именно развлекательная функция СМИ стала одной из важнейших в условиях современного общества. При этом можно указать на тот факт, что еще американские социологи и исследователи Р. Мертон и П. Лазерфельд утверждали, что способность масс-медиа отвлекать людей от активного социального действия, канализируя их энергию и действия в сферу развлечения, позволили им сделать вывод о том, что СМИ, таким образом, могут быть причислены к «социальным наркотикам» 16.

Из всего вышеописанного можно сделать вывод, что данные функции являются главными для определения масс-медиа, и другие функции будут добавлять и конкретизировать их смысл и значение

Российский исследователь И. Д. Фомичёва выделяет похожие функции, но при этом указывает на их социальную составляющую. Она выделяет коммуникативную функцию масс-медиа, содержание которой заключается в охвате рассредоточенных людей и общностей для общения, обмена и получения информации с целью организованного социального общения ¹⁷. Стоит сразу отметить, что одно из важнейших условий выполнения данной функции — это доступ к коммуникации. Сюда относится как получение, так и распространение информации.

Следующая функция — информационная. Ее основное содержание заключается в производстве и распространении информации на массовую аудиторию, с учетом социальных характеристик, для обеспечения совместного взаимодействия людей.

Функция социализации выполняет интегрирующее значение. Она «соединяет» индивида с предыдущими поколениями¹⁸. Но при этом стоит указать, что другой российский исследователь коммуникации, В. В. Касьянов, говорит, что СМИ на сегодняшний день являются наиболее значимыми агентами социализации¹⁹.

При этом масс-медиа могут служить и механизмом опережающей социализации, формируя заранее у индивидов различные представления о ценностях и нормах. Чтобы подтвердить данный факт, приведем пример. В изучении роли СМИ, проведенном американским исследователем Н. Постманом, говорится о смещении временных границ под воздействием средств массовой информации — дети, опережая свой возраст, становятся взрослыми, а при этом со взрослыми происходит другая трансформация — они становятся похожими на детей. На это указывает тот факт, что при исследовании рейтингов телепере-

дач было выявлено, что агрессия и насилие наиболее привлекательны для большей части аудитории, в том числе и детей²⁰.

Таким образом, процесс социализации через СМИ носит двоякий характер: с одной стороны, он помогает индивидам «войти» в окружающую их социальную действительность; с другой стороны, может происходить в не совсем благоприятных социальных условиях.

И последней является функция форума или канала социального участия, суть которой заключается не только в возможности информировать людей, но и связывать их между собой, создавая новые сообщества и представляя собой «площадки» для обмена информацией²¹.

Таким образом, подводя итог, можно сказать, что средства массовой информации на современном этапе своего развития превратились в один из многих социальных институтов, который выполняет назначенные ему обществом функции и обязанности, при этом контролируя и освещая деятельность других социальных институтов.

От анализа функций и структуры СМИ как социального института перейдем к основным теориям масс-медиа. Сразу хочется отметить, что представить в самом общем виде наиболее значительные теории масс-медиа сложно из-за того, что размах и значение функций СМИ очень большой. И многие из нижеприведенных теорий еще не завершены.

Согласно классификации профессора школы коммуникационных технологий Маккуэйла, можно выделить четыре типа теорий, имеющих отношение к масс-медиа.

Первый тип – это нормативные теории. Они описывают то, как медиа должны вести себя в обществе, какие должны соблюдать нормы и ценности. Стоит отметить, что данные теории очень важны, так как именно через них аудитория оказывает влияние на СМИ. Второй вид это общественно-научные теории. Они объясняют природу, функционирование масс-медиа на основании наблюдения. Следующий вид теорий – функциональные. Они описывают смысл деятельности масс-медиа, а также показывают, как последние добиваются конкретных целей и задач. И последний тип - это теории «здравого смысла». Описывают то, что знания и идеи, которые есть у каждого индивида, характеризуют его как члена определенного сегмента аудитории²².

Таким образом, данные теории описывают структуру взаимодействия СМИ с обществом и с конкретным индивидом. Однако стоит отметить, что не одна медиа-система не руководствуется только одной теорий СМИ; в большинстве систем взаимодействуют разные элементы из разных теорий. Поэтому в данной работе мы будем анализировать только те теории, которые имеют непосредственное или косвенное отношение к главной проблеме исследования — проблеме самоубийства в средствах массовой информации.

При анализе различных теорий выделялась одна, с помощью которой в большей степени можно объяснить отсутствие у основной части населения интереса к проблеме самоубийства. Эта теория носит название «усталость сострадать». Данную теорию выдвинули американские социологи К. Киник, Д. Крегмон и Г. Камерон. По их мнению, она выступает неотъемлемым спутником современных масс-медиа, являясь побочным результатом новостной информации. Сегодня эта теория подходит для описания такого социального явления, как охлаждение интереса общественности к социальным проблемам. Одна из причин - это безжалостное освещение средствами массовой информации человеческих трагедий²³. Но чтобы понять всю сущность данной теории, обратимся к истории ее возникновения.

Еще в середине прошлого века американские социологи и исследователи П. Лазарьфельд и Р. Мертон выделили «наркотизирующую» дисфункцию СМИ, понимая под ней потерю чувствительности к неблагоприятным социальным проблемам общества²⁴. Поэтому, по их мнению, проблема «усталости сострадать» является неотъемлемой частью СМИ.

Но впервые данное определение было использовано в исследовании опустошенности, испытываемой на работе людьми, которые профессионально оказывают помощь другим (к данной категории относятся такие профессии, как врачи, полицейские, пожарные, социальные работники и др.).

Сегодня термин «усталость сострадать» используется для обозначения более широкого социального явления, а именно снижения общественного интереса к социальным проблемам. Данную тенденцию можно объяснить тем, что возрастает «усталость» общества от безжалостного освещения масс-медиа людских трагедий. Именно этой теорией можно объяснить, почему общество так слабо реагирует на события, связанные с самоубийством, и то, почему не хотят обращать внимание на данные проблемы. Объяснить эту ситуацию можно тем, что соприкосновение, посредством СМИ, с человеческими страданиями, описание или показ самоубийства больше не вызывает ответных чувств, поскольку сообщения данного характера, а в большей степени и сообщения о фактах насилия, о преступлениях притупляют у населения чувства и приводят к возникновению вокруг себя «стены социального равнодушия».

Американские социологи, которые впервые выдвинули данную теорию, обнаружили, что существует некий психологический барьер, переступая за который, дополнительные сообщения не приносят желаемого результата и не находят отклика у людей²⁵. Таким образом, можно сделать вывод, что у людей, узнающих каждый день о событиях, связанных с самоубийством, в определенный момент срабатывает «психологи-

ческий барьер», после которого они уже не воспринимают данную проблему и относятся к ней равнодушно. Однако стоит заметить, что во многих средствах масс-медиа (радио, ТВ, Интернет, газеты) можно найти достаточно малую часть заметок, репортажей, связанных с самоубийством. Логично сделать вывод о том, что данная проблема должна вызывать общественный интерес в силу того, что в средствах массовой информации она употребляется не так часто, как другие, и носит резонансный характер. Однако это не так. Это можно объяснить тем, что в нашей стране самоубийство и все, что с ним связано, относится скорее не к социальной проблеме, а к чему-то более личному. И суицид в нашей стране связан с насилием. Многие, не выясняя полностью истинных мотивов подобного поступка, причисляют его сразу к чему-то «плохому», к тому, от чего нужно избавиться. Но это только одно объяснение причин равнодушия населения к проблеме самоубийства. Вторую причину можно объяснить тем, что в большинстве источников масс-медиа не содержится специальных рубрик, посвящённых именно данной проблеме. Поэтому синдром плохих новостей, в том числе и о самоубийстве, показываемых средствами массовой информации, представляют проблемы, но не их решения, вызывая при этом у людей чувства бес-

Таким образом, анализируя данную теорию, можно сделать вывод о том, что присутствие в СМИ информации о насилии (зачастую вымышленной) у населения притупляет чувства к реальному насилию. Именно поэтому индивиды становятся безучастными и безразличными к бесконечной череде людских трагедий. Такие сообщения будут отчуждать общественность, при этом заставляя ее отворачиваться от социальных проблем.

Теперь перейдем к теориям, в большей степени затрагивающим социальные проблемы общества, к которым также относится и самоубийство. Данные теории позволяют проанализировать степень разработанности и влияния той или иной социальной проблемы на общество. Одна из таких теорий - это «Теория публичных арен». Ее авторы – исследователи в области масс-медиа С. Хилгартен и Ч. Боска²⁶. Стоит отметить, что эта теория одна из наиболее влиятельных теорий конструкционизма. Основная ее идея заключается в конкуренции между социальными проблемами за право обладания ресурсами СМИ. Ученые в ходе своих исследований задавались вопросом - почему одни проблемы требуют вмешательства и признаются опасными, а другие, наоборот, менее опасные или вообще не являются таковыми? Поэтому С. Хилгартен и Ч. Боска выдвинули положения, касающиеся данной теории: во-первых, социальная проблема - это предполагаемая ситуация, на которую наклеивается ярлык, и с этого момента она начина-

ет считаться вредной, опасной или угрожающей. Во-вторых, степень внимания к проблеме является результатом коллективного и общественного определения. И в-третьих, особое значение имеет пропускная способность средств массовой информации. Сюда входят ограничители, а именно эфирное время, объем печатных полос²⁷. При этом авторы также указывают и на причины отбора, используемые СМИ, — драматичность, новизна проблемы, политические особенности и культурные предпочтения своей аудитории.

Хотелось бы также отметить, что впервые термин «социальная проблема» ввел английский исследователь Д. Миль. Однако он применял данный термин в отношении неравного распределения богатства. Но постепенно в социологии закрепилось представление, что социальные проблемы представляют собой «некие» социальные параметры и условия — опасные, угрожающие и нежелательные.

Стоит также сказать, что американский социолог Г. Блумер считал, что социальные проблемы являются результатом коллективного определения, т. е. пока общество не признаёт данную социальную проблему, она не существует. Логично сделать вывод о том, что сегодня средства массовой информации стали играть важную роль в определении понятия «социальная проблема». Объяснить это можно тем, что в силу своих социальных установок индивиды фиксируют и констатируют не реальность как таковую, а свое восприятие и понимание социальной реальности.

Средства массовой информации обеспечивают существование реальных и потенциальных проблем. Когда проблема возникает, именно СМИ играют главную роль в придании проблеме статуса значимой. И когда проблема «входит» в общественное сознание, она становится предметом новостей каждый день²⁸. Но стоит отметить, что по прошествии определенного времени (примерно семь дней) внимание публики угасает, и после этого данная проблема уже не новость, а факт.

Сообщения, передаваемые через различные источник СМИ (новости, реклама, теле- и радиопередачи), содержат информацию о социальных проблемах, поскольку именно они являются способами и источниками информации и информирования общественности. Поэтому важно отметить, что именно общественное восприятие играет важную роль в формировании установок по отношению к социальной проблеме. Ученые выдвинули предположение, что существует предел, когда сообщения о той или иной социальной проблеме доходят до определенного момента и уже после него не вызывают интереса к ней.

Обратимся к другой точке зрения на данную проблему – конструктивизму. Для начала рассмотрим момент признания социальной проблемы. Когда проблема признается соци-

ально значимой, она нуждается в долгосрочной социальной поддержке. Только пройдя стадии признания и социальной легитимизации, проблема становится объектом общественного обсуждения. Поэтому можно сделать вывод о том, что уже после признания социальной проблемы приходят ее реализация и развитие в средствах массовой информации.

Но вернемся к конструктивизму. Идеи данного направления при изучении СМИ были заложены американскими исследователями М. Спектром и Дж. Ксьзом в 70-е гг. ХХ в. Они определяли социальную проблему как деятельность индивидов по выражению ими общего недовольства. Таким образом, можно отметить, что именно для конструктивизма обеспокоенность общественности и выдвигаемые ею требования являются социальной проблемой²⁹.

В современной социокультурной среде, именно посредством масс-медиа формируются нравственные проблемы. Важно также подчеркнуть, что именно через средства массовой информации транслируются и формируются представления о должном поведении в обществе – правильном или нет. При этом масс-медиа задают образ поведения, с которым индивид сопоставляет свое поведение.

Таким образом, проанализировав данную теорию, можно сделать вывод, что социальные проблемы конструируются не общественностью, а самими средствами массовой информации и людьми, которые осуществляют их функционирование в обществе. Именно из информации, которую выдают масс-медиа, индивиды выбирают именно то, что в той или иной сфере удовлетворяет их базовые социальные потребности, а именно потребность в безопасности, развлечении, осведомленности и ориентации в событиях, происходящих на данный момент времени в мире.

От теории социальных проблем перейдем к теории культивации. Данная теория была разработана Анненбергской школой коммуникации университета Пенсильвании во главе с Дж. Гебнером³⁰. Основное содержание данной теории заключается в том, что многократное и интенсивное воздействие средств массовой информации на протяжении длительного периода постепенно меняет представления индивида о мире и социальной реальности. Ключевое положение данной теории – это унификация, т. е. направление разнообразных представлений и предпочтений индивидов в единое русло. Стоит отметить, что данный процесс происходит в ходе непосредственного конструирования фактов социальной реальности.

Но каким образом данная теория может быть связана с самоубийством? Дело в том, что именно СМИ создают образ того или иного явления или процесса. Так же обстоит и с самоубийством. При изучении материалов масс-медиа было вы-

явлено, что в них (в основном это ТВ и Интернет, а также небольшая часть газет) присутствует и постоянно культивируется негативный образ самоубийства и самоубийц. Да, действительно, с одной стороны, это очень негативные явление, которое имеет самые необратимые последствия – смерть. Но, с другой стороны, редко когда обращается внимание именно на социальные причины данного поступка. Показывая только одну сторону явления, аудитория воспринимает ее как правильную, при этом оставляя без внимание другую, не менее важную сторону.

При этом другой американский исследователь и психолог Д. Ховланд доказал, что люди с низким уровнем образования и самооценкой легче поддаются влиянию СМИ³¹. Отсюда следует, что средства массовой информации, конструируя неправильное представление о самоубийстве в массовое (и далеко не всегда отлично образованное) сознание, создают его неправильный образ. Можно сделать вывод, что теория культивации пытается выявить и объяснить несоответствия происходящих событий, явлений, процессов в масс-медиа. При этом не стоит забывать о том, что СМИ сами могут создавать и культивировать неправильную или неточную реальность, в которую многие члены общества верят.

Следующая теория, которая заслуживает внимания, - теория социологизации. Ее авторами являются исследователи Дж. Мейрович и И. Постман. Суть данной теории заключается в том, что в век Интернета и телевидения у детей процесс социализации происходит раньше. Данные источники СМИ – это своеобразные «окна», через которые дети узнают много нового о мире и жизни взрослых. Эту тенденцию можно объяснить тем, что в данном процессе проявляется влияние «социальной гомогенизации»³² (принятие сходных социальных привычек и образов поведения) традиционных стадий поведения индивидов. Поэтому дети становятся похожими на взрослых, а взрослые, в свою очередь, приобретают детские черты. Именно поэтому содержание материалов средств массовой информации дети и подростки воспринимают как реалистичные события общественной жизни. Это происходит вследствие их существенно малого социального опыта.

Но при этом СМИ всецело стараются заполнить подростковый досуг различными информационными материалами. При составлении развлекательных программ масс-медиа стремятся к высоким рейтингам, что, в свою очередь, оборачивается тенденцией к драматизированию событий³³. Программа новостей, телепередачи, сериалы, мультфильмы перенасыщены сценами агрессии и насилия (не все, но большинство), в первую очередь, оказывают негативное влияние на детскую психику и ранний процесс социализации детей и подростков. Поэтому Правительство Российской Федерации приняло Федеральный закон № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»³⁴. Именно в нем прописываются основные виды информации, причиняющие вред здоровью детей, в частности, информация, касающаяся насилия, агрессии, девиантного поведения, в том числе и самоубийства (п. 2.1 ст. 5). Из этого следует, что в погоне за зрителем и рейтингами средства массовой информации отбирают наиболее зрелищные и драматичные кадры, желая заполучить большую часть аудитории, при этом забывая об основном содержании информации, так как именно в процессе взаимодействия СМИ и детей у последних происходит свое конструирование восприятии реальности. Причем данное конструирование может включать два компонента – фактичность, т. е. то, что дети и подростки воспринимают из СМИ, и социальный реализм - то, что по-настоящему происходит в окружающей их социальной среде. Следует отметить, что данное воздействие масс-медиа на социализацию осуществляется в сфере информирования. СМИ закрепляют в индивиде уже имеющиеся у него социальные установки.

Таким образом, средства массовой информации могут создавать аналог действительности, которую большинство членов общества воспринимает в качестве реального поведения, и вместе с данными установками происходит процесс социализации.

От теории социологизации перейдем к другой теории, близкой ей по значению. Это «Теория стереотипов» американского журналиста, политического деятеля и исследователя У. Липпмана. Он впервые использовал термин «стереотип». В своей теории Липпман применил данное понятие для описания привычки людей думать о ком-то или о чем-то сходным образом. По мнению автора, процесс осознания и формирования у индивидов картины окружающей социальной среды тесно связан со стереотипами, которые возникают под воздействием средств массовой информации³⁵.

Стоит отметить, что формирование любых стереотипов происходит с раннего этапа социализации, когда дети усваивают поведение старшего поколения. Но также они бессознательно «впитывают» явные и скрытые нормы поведения, усваивают процесс взаимодействия с другими индивидами, которые демонстрируют средства СМИ. Характерными примерами таких стереотипов могут быть гендерные особенности общества, проблема меньшинств (как этнических, так и сексуальных), проблемы людей с физическими недостатками. К данному виду также можно отнести насилие, в том числе и самоубийство. Средства массовой информации изображают самоубийц как психически нездоровых и неадекватных людей. Из этого вытекает и общественное отношение к подобным инцидентам: у людей создается стереотип, что самоубийцы -

психически нездоровые люди. Однако это не так. Еще в начале XX в. «отец» французской школы Э. Дюркгейм доказал, что самоубийство — это социальное явление³⁶. Поэтому можно сказать, что характеристика самоубийц только как людей с психическими расстройствами ошибочна и является стереотипом.

Таким образом, индивиды, ежедневно наблюдающие в СМИ различные стереотипы, в конечном счете могут поверить, что именно данные стереотипы и образы поведения являются правильными и именно они отображают господствующий в обществе взгляд на окружающую социальную действительность.

Следующая теория — это теория селективных процессов. Ее автор американский социальный психолог Л. Фестингер³⁷. Изучая процесс становления социальных установок и их изменения, он выдвинул данную теорию. Им было выявлено, что люди выбирают и отбирают только те сообщения, которые удовлетворяют их потребностям и ценностям. Это можно объяснить тем, что индивиды в окружающей их социальной действительности стремятся сохранить свое мнение, при этом избегая сообщений, которые могут его изменить.

Данной теорией можно объяснить, почему некоторые люди избегают сообщений в СМИ, касающихся самоубийства. Каждый индивид, в силу своих социальных установок, не воспринимает и не обращает внимания на данные сообщения в средствах массовой информации, так как они могут вызывать у них эмоциональный и психический дискомфорт, который ведет к чувству социальной уязвимости и незащищенности. Именно поэтому люди стараются игнорировать данные сообщения.

Таким образом, индивиды, у которых уже сформировались ценностные установки, убеждения, а также собственные нормы и ценности, стараются не менять своих знаний о себе, своих убеждениях и об окружающей их социальной действительности.

И последняя теория, которую стоит упомянуть, - теория «катарсиса». В свое время ее разрабатывали такие ученые, как С. Фешбах, Р. Зингер, Б. Гантер и др. 38. Основной смысл данной теории заключается в том, что, наблюдая насилие на экране, индивид избавляется от агрессии или в крайнем случае удовлетворяет свои агрессивные позывы, благодаря чему и уменьшается его агрессивное поведение. Но данная теория не объясняет отсутствия публикаций о самоубийстве в средствах массовой информации. Однако ее можно интерпретировать с другой стороны. При просмотре насилия на телеэкране индивид может направить данную агрессию не только на себя, но и применить её к окружающим. Это может быть насилие в виде убийства или агрессия, направленная на доведение до самоубийства - унижение личности, избиение и другие способы. Таким образом, данная теория показывает, что насилие, демонстрируемое в СМИ, избавляет человека от проявления им агрессии в реальной жизни. Но, как было установлено, это не всегда так.

Подводя итог нашему исследованию, можно сделать вывод о том, что существует огромное количество теорий, посвященных изучению самоубийства в средствах массовой информации, однако каждая из них освещает только одну сторону данного явления, и, рассматривая их все, можно прийти к общему выводу. Одни теории показывают, почему явление самоубийства редко упоминается в СМИ, другие – что представляют сами по себе средства массовой информации, третьи — раскрывают их сущность как социального института и показывают, какие при этом они выполняют функции и какую роль играют в жизни общества.

Примечания

- Определение термина «информация» см.: URL: http://www.dic.academic.ru (дата обращения: 20.08.2015).
- Определение термина «коммуникация» см.: URL: http:// www.dic.ru (дата обращения: 20.08.2015).
- ³ См.: *Черных А.* Мир современных медиа. М.: ИД «Территория будущего», 2007. С. 12.
- ⁴ См.: *Фомичёва И. Д.* Социология СМИ: учеб. пособие. СПб.: АСПЕКТ-ПРЕСС, 2012. С. 22.
- ⁵ См.: *Черных А*. Мир современных медиа. С. 14–15.
- Там же. С. 12.
- ⁷ См.: *Фомичёва И. Д.* Указ. соч. С. 25.
- ⁸ См.: *Науменко Т. В.* Социология массовых коммуникаций: учеб. пособие. СПб.: Питер, 2005. С. 62.
- ⁹ См.: *Василек М. А.* Основы теории коммуникации. М.: Гардарики, 2003. С. 453.
- ¹⁰ Там же. С. 454.
- 11 См.: *Черных А*. Мир современных медиа. С. 77.
- 12 Определение термина «институт» см.: URL: http://www. dic.ru (дата обращения: 28.08.2015).
- 13 Определение термина «социальный институт» см.: URL: http://www.dic.ru (дата обращения: 28.08.2015).
- 14 См.: Черных А. Мир современных медиа. С. 20.
- 15 См.: Черных А. Социология массовых коммуникаций. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2008. С. 228.
- ¹⁶ Там же. С. 223.
- ¹⁷ См.: *Фомичёва И. Д.* Указ. соч. С. 46.
- 18 Там же. С. 71.
- 19 См.: *Касьянов В. В.* Социология массовых коммуникаций : учеб. пособие. Ростов н/Д : Феникс, 2009. С. 119.
- ²⁰ См.: Отечественные записки. 2003. № 4. URL: http:// www.strana-oz.ru (дата обращения: 28.08.2015).
- ²¹ См.: *Фомичёва И. Д.* Указ. соч. С. 94.
- ²² См.: Бакулев Г. П. Массовая коммуникация: Западные теории и концепции. М.: АСПЕКТ-ПРЕСС, 2005. С. 9–10.
- ²³ См.: *Черных А.* Социология массовых коммуникаций. С. 352.

- ²⁴ См.: *Черных А.* Мир современных медиа. С. 180–181.
- ²⁵ См.: *Черных А.* Социология массовых коммуникаций. С. 353.
- ²⁶ Там же. С. 349.
- ²⁷ См.: *Черных А.* Мир современных медиа. С. 74.
- ²⁸ Там же. С. 183.
- ²⁹ См.: Черных А. Социология массовых коммуникаций. С. 347
- 30 См.: Черных А. Мир современных медиа. С. 103.
- ³¹ Там же. С. 104.
- ³² Понятие «социальная гомогенизация» см.: URL: http://www.lifesocio.com (дата обращения: 08.08.2015).

- 33 См.: Беспалов А. Г., Корнилов Е. А., Короченский А. П. История мировой журналистики. М.; Ростов н/Д: Март, 2004. С. 254.
- ³⁴ См.: О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию : федер. закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ (ред. от 14.10.2014). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- ³⁵ См.: *Науменко Т. В.* Указ. соч. С. 18.
- ³⁶ См.: *Дюркгейм* Э. Самоубийство : социологический этюд. М. : Мысль, 1994. С. 55.
- ³⁷ См.: *Бакулев Г. П.* Указ. соч. С. 176.
- ³⁸ Там же. С. 73.

УДК 316.334.4 (470+571)

КОРРУПЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

М А Поплавский

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского E-mail: Poplavskymax@rambler.ru

Статья посвящена коррупции в современном обществе. Рассматривается как социальное явление, которое обладает системными качествами, поэтому и бороться против нее возможно, только опираясь на политическую волю власти и поддержку народа.

Ключевые слова: коррупция, население, чиновники.

Corruption as a Social Problem

M. A. Poplavsky

The article is devoted to corruption in modern society. Seen as a social phenomenon, which has systemic qualities, and therefore to fight against it is only possible based on the political will of the government and the support of the people.

Key words: corruption, general public, officials.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-3-304-306

Коррупция, прежде всего, является социальной проблемой. А. В. Варбузов указывает, что «основные признаки коррупции как вида социальной деятельности: длительность существования, регулярность функционирования, выполнение определенных социальных функций (обеспечения заинтересованных групп населения товарами и услугами, предоставления рабочих мест, перераспределения средств и др.), наличие комплекса норм (правил поведения), "профессионального" языка, вполне определенных ролей» 1.

Основным источником коррупции как социального явления является экономическая обстановка в стране. Низовая коррупция обусловлена неэффективным управлением государственным аппаратом, при котором заработная плата не удовлетворяет потребности государственных и муниципальных служащих, что приводит к кор-

рупционной составляющей в виде взяток или «блата».

В области коррупции сотрудники специальных служб находятся в особой зоне риска. С одной стороны, заработная плата среднестатистического работника правоохранительных органов недостаточна для достойного уровня его жизни (особенно если сотрудник получает выговор от руководства и автоматически остается без премий, да и с доходами в бизнесе несопоставима). С другой стороны, способствуют коррупции ряд правил и норм в современной России, в том числе и в сфере правил дорожного движения, которые позволяют наживаться работникам ГИБДД. Данные обстоятельства поддерживают и оказывают влияние на коррупцию.

Подобные правила и нормы способствуют коррупции и в других сферах. Так, «согласно новым правилам, при защите кандидатских и докторских диссертаций часть работ соискателя должна быть опубликована в изданиях, специально указанных для этих целей. <...> Практически во всех этих изданиях публикации стали платными, а цены резко пошли в гору. <...> Рано или поздно Генеральная прокуратура установит, кому фактически принадлежат эти издания и кто, следовательно, снимает самую жирную пенку»².

Источником коррупции являются и нравственные мотивы граждан. В современной России существует сильная деформация гражданского и правового сознания населения. Как указывает А. Осипова, «по сути, гражданин сам решает: вступать или не вступать в коррупционные отношения. Население, привыкшее к систематическим неправомерным поборам со стороны чиновников, не может поступать ина-

че и воспринимает взятку как норму»³. Для того чтобы повысить и качественно улучшить правовое сознание, необходимо длительное время. Нельзя исключать такие факторы, как история, традиции, менталитет. Без четкого понимания и осознания необходимости соблюдения закона и правопорядка чиновникам, лицам, замещающим государственные должности, и гражданам невозможно снизить уровень коррупции, при котором степень ее влияния максимально уменьшится. Для этого необходимо изменить отношение общества к коррупции и сделать ее не только неприемлемым в обществе, но и наделить самих граждан ответственностью за ее проявление. Гражданам стоит более ответственно подходить к выборам в органы законодательной власти, губернаторов, необходимо четко понимать, что от людей, которых мы наделяем властью путем голосования за их кандидатуры, зависят благоустроенность, экономическое развитие села, района, города, области, края, республики и страны в целом.

Рост коррупции является источником социальной напряженности. Он влечет за собой политическую нестабильность. А неуверенность граждан страны в завтрашнем дне, в свою очередь, провоцирует процветание коррупции. Избыточное администрирование государственной машиной влечет некорректную работу общественных механизмов, что влияет на имидж Российской Федерации на международной арене, вызывает подрыв инвестиционной привлекательности со стороны как зарубежных инвесторов, так и отечественных, как следствие, порождает в людях недоверие к институтам власти, препятствует проведению реформ, повышающих экономические, социальные показатели, влияющие на национальную экономику в целом. По нашему мнению, необходимо рассматривать коррупцию как одну из главных угроз безопасности страны. Она сводит на нет реформы в политической и экономической сферах жизни Российской Федерации, подрывает авторитет нашей страны в международных отношениях.

Однако необходимо обратиться к новейшей истории Российской Федерации, когда в 1990-е гг., после распада СССР и становления новой политической власти и бюрократии, существовала тенденция, при которой крупные предприниматели и даже мелкий бизнес в условиях экономической нестабильности в стране коррумпировали государственные структуры, отдельным оплотом такой деятельности была приватизация. В данный период коррупция исходила не только от государственной власти.

В нынешних условиях чиновники научились манипулировать ситуациями, при которых создается возможность получения прибыли как в материальном обогащении, так и денежном в виде «откатов» за продвижение той или иной организации. Крупный, средний и мелкий бизнес

значительно заинтересован в прозрачности системы.

Как указывает Ю. В. Голик, «источником социальных противоречий является конфликт коренных интересов капитализации внутренних и транснациональных корпораций и обслуживающих их социальных групп, как легальных, так и криминальных; полем конфликта внешнего и внутреннего, нормального и девиантного выступает политическая власть государства, центральным звеном - ее государственные служащие; детерминирующим всю гамму негативных процессов в интерактивном социальном пространстве механизмом и выступает коррупция. Источником коррупции внутри социума выступает капитализация властного административного ресурса, т. е. превращение власти в товар. Субъект коррупционных притязаний – финансовые корпорации и криминальные организованные сообщества; объект - уже не отдельные служащие, а государство как социальный институт. Цель – конвертация финансовых ресурсов в политические в обмен на продажу неделегируемых исключительных прав государственной власти в частные или корпоративные структуры»⁴.

В данный период времени коррупция является социальным явлением, обладающим системными качествами, поэтому и бороться против нее возможно только системно по всем отмеченным направлениям, опираясь на политическую волю власти, поддержку народа. Коррупцию для наглядности можно сравнить с сорняками на плантации, если землю не пропалывать, она зарастет травой, на место одного коррупционера придут другие, более искушенные, дерзкие, поэтому необходимо искоренять системные стимулы, поощряющие коррупцию. «Место отдельных "паршивых овец" займут тучные стада их прямых и побочных "детей", достучаться до которых общественными призывами будет невозможно в принципе. Отсрочка данного политического решения приведет только к увеличению цены, которую общество будет вынужденно заплатить за возвращение к нормальной жизни»⁵.

В коррупции, с точки зрения психологии, проявляется поступок, при котором гражданин нарушает свой долг из корысти, за те или иные блага, тем самым можно определить явление, порожденное общественными отношениями, как продажность, что, в свою очередь, определяет коррупцию, как архисложный социальный феномен. «Социальный феномен продажности (от коррупции должностных лиц до брачных аферистов и проституции в сфере политики, науки, искусства, журналистики или же сексуальных отношений) возможен в обществе развитых товарно-денежных отношений, когда способность всех продуктов, деятельностей, отношений к обмену на нечто третье, вещное, на нечто такое, что в свою очередь может быть обменено на все без разбора, на развитие меновых стоимостей

(и денежных отношений) — тождественна всеобщей продажности, коррупции. Тот или иной вид продажности, осознаваемый как проблема, представляет собой социальную конструкцию: общество определяет, что именно, где, когда, при каких условиях и с какими последствиями рассматривается как коррупция, проституция и др. Процесс социального конструирования коррупции включает:

- наличие множества фактов продажности (взяточничества) различных государственных служащих и должностных лиц;
- сознание этих факторов как социальной проблемы;
- криминализация некоторых форм коррупционной деятельности;
- реакция политиков, правоохранительных органов, юристов, средств массовой информации, населения на коррупцию и т. п.»

Таким образом, коррупция является, прежде всего, социальным явлением, которое порождается условиями жизни человека в обществе. Она негативно сказывается как на внешнем имидже и инвестиционном рейтинге нашей страны, так

УДК 316.454.54

ДРУЖБА И ПРЕДАТЕЛЬСТВО В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

М. А. Шедловская

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского E-mail: shedlovskaya.margo@yandex.ru

В статье по материалам социологического исследования анализируются представления студентов о дружбе через призму социальных качеств друга (честность, верность, отзывчивость, понимание, умение слушать) и самооценку себя как друга (чувство юмора, искренность, доброта). Выявленные противоречия провоцируют появление предательства и разрушение дружеских отношений, особенно в максималистской форме, которая с возрастом утрачивает свое значение.

Ключевые слова: студенчество, дружба, предательство, социальные качества.

Friendship and Betrayal in Student Wednesday

M. A. Shedlovskaya

Article on materials of sociological research analyzes the presentation of students of friendship through the prism of social qualities (honesty, loyalty, compassion, understanding, listening) and self-assessment yourself as a friend (a sense of humor, sincerity, kindness). Identified contradictions provoke betrayal and destruction of friendly relations, especially in the maximalist form that loses its value with age.

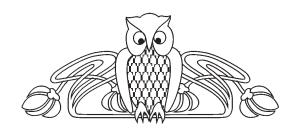
Key words: students, friendship, betrayal, social quality.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-3-306-308

и на внутренней политике и жизни общества. Список отрицательных последствий коррупции огромен, что делает жизненно необходимым для страны борьбу с данным явлением. Структуры коррупции отчасти компенсируют изъяны существующей нормативно-правовой базы, поэтому их изучение позволит определить направления совершенствования этой системы.

Примечания

- Варбузов А. В. Коррупция в российском обществе и ее социальные последствия // Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России: сб. материалов Всерос. науч. конф. (Москва, 6 июня 2007 г.). М., 2007. С. 212.
- ² Голик Ю. В. Можно ли побороть коррупцию // Там же. С. 93
- ³ Осипова А. Основные направления борьбы с коррупцией в России // Власть. 2011. № 2. С. 18.
- ⁴ Голик Ю. В. Указ. соч. С. 92.
- ⁵ Там же. С. 92–93.
- ⁶ Варбузов А. В. Указ. соч. С. 215–216.

Дружба — один из видов личностных отношений, основанный на глубокой и интимной симпатии, привязанности, предполагающий не только верность и взаимопомощь, но и внутреннюю близость, откровенность, доверие, любовь. Недаром часто друга называют своим «alter ego» («другим Я»)¹. Дружба важна всегда, но особенно — в молодые годы, когда она играет важнейшую роль в самоидентификации человека, в его самодиагностике «глазами других», когда высока потребность в эмоциональной поддержке близкого окружения сверстников, единомышленников. В полной мере это относится к студенчеству как одной из составных частей молодежи.

Студенческому статусу свойственны: противоречия между расцветом интеллектуальных и физических сил студента и жестоким лимитом времени, экономическими возможностями для удовлетворения потребностей и желаний; между стремлением к самостоятельности в отборе знаний и довольно жесткими формами и методами подготовки специалиста определенного профиля; огромное количество информационных потоков, расширяющих знания студентов, при отсут-

ствии достаточного времени, а иногда и желания на их переработку.

В полной мере противоречивыми можно назвать и дружеские отношения, что проявляются в качествах, которыми, по мнению студентов, должен обладать их друг, особенно в сравнении с качествами, которыми обладают сами студенты и которые привлекают к ним друзей. Так, по результатам авторского опроса, проведенного в 2015 г. (N = 480 студентов), рейтинг друга возглавляет такое качество, как честность (18% положительных ответов). Однако среди своих самых значимых качеств эта характеристика занимает лишь третье по популярности место (14%), а первое место в самохарактеристике студентов отводится чувству юмора (таблица). Практически по всем пунктам рейтинги не совпадают. Так, в характеристиках друга второе место занимают верность и чувство юмора (по 14% положительных ответов), третье место – отзывчивость и понимание (по 12%), четвертое – искренность (11%), пятое доброта (10%), шестое – умение слушать (9%). Именно этих качеств студенты ждут от своих друзей.

Качества личности, необходимые, по мнению студентов, для дружбы, % к положительным ответам

Качества	Свои	Друга
Честность	14,0	18,0
Верность	8,0	14,0
Доброта	13,0	10,0
Отзывчивость	15,0	12,0
Умение слушать	13,0	9,0
Понимание	11,0	12,0
Чувство юмора	17,0	14,0
Искренность	9,0	11,0
Итого	100,0	100,0

Однако применительно к себе они эти качества оценивают иначе. Второе место в рейтинге самохарактеристик занимает отзывчивость (15%), третье – доброта и умение слушать (по 13%), четвертое – понимание (11%), пятое – искренность (9%), шестое – верность (8%). Таким образом, налицо двойные стандарты в дружеских отношениях, которые обусловливают неравнозначность и неадекватность подобных взаимодействий, которые нередко могут провоцировать взаимные обиды, обвинения в предательстве и проч.

Теперь рассмотрим феномен антитезы дружбы — предательства. Простейший случай предательства есть нарушение наиболее значимых правил неписанного кодекса дружеских отношений между двумя людьми². Бывает предательство осознанное и неосознанное, преднамеренное и непреднамеренное, однако оно всегда переживается крайне эмоционально³.

С предательством со стороны друга сталкивались 34,5% всех опрошенных студентов, а не сталкивались – 63,0%. Затруднились ответить 2,5% респондентов. При этом повод для предательства опрошенные определили как ложь, обман и нарушение этических принципов (по 4,5% соответственно). Такой повод, как измена, выявился у 13,6% студентов. Еще по 13,6% соответственно называют поводом для предательства недоверие и эгоизм (безразличие, использование в личных целях). Непонимание, глупость являются поводом для предательства для 22,7% опрошенных, а для 27,3% таким поводом стала провокация (предательство). Все респонденты, которые испытали на себе предательство, смогли точно определить и назвать повод такого поступка со стороны их друга, что свидетельствует о значимости подобных событий в их жизни, сильном эмоциональном переживании.

Что касается совершения предательства респондентом по отношению к другу, то 79,5% студентов совершали предательство, причем 79,0% из них скорее не совершали каких-либо действий, а им приходилось говорить то, чего не следовало. Такая формулировка предательства указывает на жесткость кодекса дружбы, где слова и фразы, сказанные неверно или не к месту, уже являются предательством. Ложь и обман стали поводом для совершения предательства респондентом у 83,5% студентов, эгоизм и безразличие – у 2,5%, для 1% опрошенных поводом стала измена, у 0,5% – непонимание и глупость. Еще по 0,5% респондентов называют поводом для совершения своего предательства провокацию (подставу), нарушение этических принципов и недоверие.

Совершение предательства как некое действие респондента по отношению к другу проявлены следующим образом: увод второй половинки — у 83,5% студентов, сдача (выдача реальных событий) — у 4,5%, обман — у 1,5% респондентов. Отказ помочь в трудную минуту стало проявлением предательства для 1,0% опрошенных. Измена и «кидание на деньги», а также оскорбительные слова в сторону друга — такие действия были совершены респондентами в 0,5% случаях соответственно. Затруднились с ответом 5,0% студентов — скорее всего, они не пожелали раскрывать, как именно совершали предательство, это слишком личное.

Друзья, по отношению к которым респонденты совершили предательства, прекращали общение с 83,5% студентами, продолжали общение – с 7,0% опрошенных; 2,0% студентов после предательства находятся в ссоре, 1,5% — прощены, но больше не дружат, 0,5% — пока ничего не решили. Таким образом, с предательством студенты чаще всего сталкиваются в сфере гендерных и межличностных отношений, и в большинстве случаев дружеские отношения прекра-

щаются, а сам факт предательства переживается очень эмоционально.

Таким образом, среди большинства студентов требования к другу не совпадают со своими самохарактеристиками, что способствует не оправдавшимся ожиданиям от дружеских отношений, провоцирует недопонимание, нарушение взаимных неписанных обязательств, предательство. На это указывает выявленный факт, что честность и верность занимают первые места в рейтинге важнейших качеств, ожидаемых от друга. Однако, говоря о себе, студенты ставят эти качества в конец рейтинга значимости, что,

по нашему мнению, и является одной из важнейших предпосылок разрушения, непрочности студенческой дружбы.

Примечания

- ¹ См.: *Гозман Л. Я., Петровский А. В.* Дружба. URL: http://slovari.yandex.ru/ (дата обращения: 14.12.2015).
- ² См.: *Сухомлинский В. А.* Рождение гражданина. М., 1971. С. 219.
- ³ См[.] Зиновьев А. И. Фактор предательства // Вопр. философии. 2002. № 3. С. 56.

политология

УДК 324+342.8

ПРЕДВЫБОРНАЯ КАМПАНИЯ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А. А. Вилков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского E-mail: vil57@yandex.ru

В статье рассмотрена проблема соотнесения понятий «политическая конкуренция» и «политические конфликты» в условиях предвыборной кампании в современной России, дана оценка их функциональности как параметров демократичности политической системы, представлена характеристика основных видов институализированных и межличностных конфликтных отношений в предвыборный период.

Ключевые слова: предвыборная кампания, политический конфликт, политическая конкуренция, виды конфликтов в предвыборный период, функциональность политических конфликтов.

Electoral Campaign as a Factor of Political Conflicts in Modern Russia

A. A. Vilkov

The author considers the problem of correlation between the notions of political competition and political conflicts in the context of an electoral campaign in contemporary Russia, evaluates their functionality as parameters of the political system's degree of democracy, and characterizes the main types of institutional and interpersonal conflict relations within the electoral period.

Key words: electoral campaign, political conflict, political competition, types of conflicts within the electoral period, political conflicts' functionality.

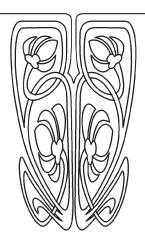
DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-3-309-314

Принципы состязательности и альтернативности, закрепленные избирательным законодательством в современной России, объективно обусловливают наличие политической конкуренции в ходе предвыборной кампании. В этой связи возникает проблема соотнесения понятий «политическая конкуренция» и «политические конфликты». Несмотря на наличие множества научных определений, существует ряд содержательных наложений обозначенных понятий друг на друга, которые нуждаются в уточнении и объяснении. Суть проблемы состоит не только в более четком обозначении категорий политической науки, но и в выявлении сущности тех процессов, которые составляют основу предвыборных кампаний и определяют функциональный смысл и характеристику выборов в целом.

Не случайно, что наличие политической конкуренции рассматривается западноевропейскими исследователями как важнейшая основа демократии¹. Более того, данная проблема, по мнению известного немецкого ученого Ю. Хабермаса, четко вписана в контекст толерантности и не может оцениваться без взаимосвязи с плюрализмом и мультикультурализмом современного общества: «Не только мировоззренческий плюрализм выносит на передний план вопросы толерантности. Это также всегда относится и к плюрализму языковых и культурных укладов, в которых выражена устойчивая культурная идентичность, если они по причинам сложности их состава (строения) побуждают давать оценки не только исходя из экзистенциальной

НАУЧНЫЙ ОТДЕЛ

релевантности, но и в аспекте Истинности и Правильности»². Такой подход неизбежно переводит проблему политической конкуренции на уровень политической корректности во имя торжества толерантности. Однако конфликты последних лет во многих западноевропейских странах (особенно террористические акты во Франции и Бельгии) показали, что максимы толерантности в отношениях различных социальных групп друг к другу и отношение общества и государства к этим группам имеют свои пределы.

Понятие конкуренции наиболее последовательно и всесторонне представлено в экономических исследованиях³. Начиная с А. Смита, конкуренция рассматривается экономистами как неотъемлемая часть рыночной системы, обеспечивающая ее эффективное функционирование. По сути, она представляет собой деятельность в определенной сфере, предполагающую получение более высокой прибыли, по сравнению с другими участниками идентичной деятельности⁴. Нормативное определение дано в Федеральном законе «О защите конкуренции» (п. 4 ст. 4) – это «соперничество хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке»⁵. Такое определение неизбежно предполагает нанесение победителем некоего экономического ущерба другим участникам конкуренции. Возникает вопрос: насколько применимо такое понимание конкуренции для политической жизни?

Ответ на него вовсе не очевиден, в связи со сравнением тех характеристик, которые номинально отличают субъектов политики от экономических субъектов. Если последние открыто нацелены на получение прибыли, то политические акторы (по крайней мере, формально) целью своей деятельности провозглашают представительство интересов различных слоев населения в сфере политики. Сразу возникает вопрос — борьба за лучшее представительство интересов населения предполагает ли нанесение ущерба другим участникам политической жизни? Если да, то в чем этот ущерб будет выражаться?

В рамках концепции рыночной демократии субъекты политики идентичны экономическим субъектам и представляют собой «изготовителей» и «продавцов» политического «товара», который в ходе предвыборных кампаний предлагают избирателям, выступающим в роли «покупателей». То есть чем лучше тот или иной политический актор знает насущные проблемы избирателей («содержание товара»), чем более грамотно и профессионально он сформулирует их решение («упаковка товара»), чем ярче и интереснее он проведет предвыборную кампанию

(«реклама товара»), тем выше шанс, что «покупатель» приобретет именно этот «товар». «Стоимость» такого «товара» оценивается голосами избирателей, соответственно, ущерб конкурентов будет состоять в потере данных голосов.

Однако современные теоретики демократии руководствуются гораздо более сложной совокупностью критериев конкуренции при оценке ее эффективности: «Индекс включает в себя такие переменные, как характер электоральной конкуренции, характер парламентской конкуренции, конкуренции при формировании исполнительной ветви власти, включенность граждан в избирательный процесс, учет права меньшинства при формировании властных органов»⁶. Как представляется, ключевое значение имеет именно электоральная конкуренция, так как именно она в значительной степени определяет содержание и характер деятельности парламента и других выборных институтов. В этой связи многие исследователи стремятся формализовать данные критерии на основе количественных критериев и вывести формулу разделения выборов на демократические и недемократические. Абсолютизация такого подхода была подвергнута критике Я. Г. Ашихминой, по мнению которой количественный подход возможен лишь при условии использования более дробного набора классификационных разрядов, «например, если выделять выборы "полуконкурентные", "слабоконкурентные" и т. д.» Л. Оптимальным при оценке выборов она считает использование двух критериев - «конкурентность и предсказуемость, что может способствовать не только более точной оценке, но и выявить различные модификации демократических региональных практик 8 .

Однако критерий предсказуемости победы того или иного кандидата также характеризуется существенной неопределенностью и большим разбросом ее возможных причин. Это могут быть различные виды предсказуемости, обусловленные, например, серьезным перевесом накопленного политического капитала и авторитета кандидата-тяжеловеса; существенным превосходством личностных характеристик участника предвыборной кампании; перевесом организационных ресурсов; наличием собственных информационных ресурсов; оригинальной стратегией избирательной кампании; наличием административного ресурса и т. д. Чаще всего эта предсказуемость обусловливается той, или иной комбинацией обозначенных факторов, которая не может быть математически точно определена и верифицирована. Как измерить личностный и имиджевый ресурс? Как измерить ресурс воли кандидата или степень его харизматичности, его умение импровизировать и отвечать на выпады конкурентов? Не случайно, что Я. Г. Ашихмина сама признает возможность предсказуемых выборов в услови-

ях зрелых демократий, делая акцент на том, что «соотношение числа предсказуемых и непредсказуемых, конкурентных и неконкурентных выборов, безусловно, может рассматриваться как один из "индексов" демократичности политического режима»⁹.

На наш взгляд, важной дополнительной характеристикой предвыборных кампаний (не связанной с числовыми индикаторами) является уровень их конфликтности и особенности противостояния их участников.

Конкуренция как борьба за голоса избирателей изначально определяет правовые рамки конфликтного поля предвыборной кампании. Если исходить из наиболее распространенных трактовок понятия «конфликт», то он означает дословно «столкновение» (партий, лидеров, программ, позиций, интересов, мнений, стратегий и т. д.). В этой связи можно выделить несколько видов легитимных конфликтов, которые объективно проявляются в процессе предвыборной кампании, выполняя при этом преимущественно положительные функции.

Основной конфликт в период выборов обусловлен специфической ограниченностью объекта предвыборных отношений, когда количество выборных мест в тех или иных органах нормативно меньше количества претендующих на них кандидатов. Обязательная состязательность предвыборных процедур и наличие альтернативности участников и соответствующих программ законодательно закреплены в современной России. Это делает их выборами в прямом смысле данного слова (в отличие от советской избирательной системы, когда граждане голосовали за единственного кандидата в округе).

Наличие нескольких претендентов на выборную должность приводит к тому, что каждый из них формулирует свое понимание важнейших общественных проблем и способов их решения, одновременно критикуя программы своих конкурентов. Возникающее в информационном пространстве публичное конфликтное поле позволяет гражданам увидеть сильные и слабые стороны программ основных участников предвыборных отношений и определиться с мотивацией своего голосования. Вольно или невольно данная взаимная критика позволяет корректировать как программы отдельных участников электоральных процессов, так и стратегии и тактики общественно-политического и социально-экономического развития страны в целом.

Данное конфликтное поле накладывается на действующую в стране партийную систему и предопределяет соответствующие разновидности конфликтных столкновений: конфликт идеологий, конфликт мировоззрений, конфликт в отношении понимания исторического прошлого, конфликт в понимании настоящего состояния страны, конфликт в отношении

перспектив развития. Особенно острым было противостояние по данным вопросам ведущих политических сил в постсоветской России в 1990-е гг., однако и сегодня конфликты по стратегическим вопросам возможны не только между сторонниками полярных идеологий, но и внутри представителей одного и того же идеологического сегмента. Эти противоречия могут быть мотивированы лидерскими амбициями, но могут быть обусловлены функциональными задачами партий-спойлеров, изначально предназначенных для ослабления позиций основных идеологических конкурентов (например, многочисленные претензии Коммунистической партии «Коммунисты России» к Г. Зюганову и его сторонникам по поводу «предательства» последними коммунистических идеалов и засилья на выборах в списках от КПРФ представителей олигархов).

Многообразие проявлений конфликтогенности, с одной стороны, отражает плюралистичность состояния общества как одного из важнейших показателей его демократичности. В то же время в нем скрыта потенциальная опасность, которая при определенных условиях может нести в себе угрозу дестабилизации политического развития и разрушения существующего общественно-политического устройства. Главной предпосылкой реализации негативного сценария является наличие серьезных нерешенных проблем в обществе и антагонистический характер отношений основных субъектов политики, участвующих в политической жизни и предвыборной кампании.

Кроме того, важнейшую роль чаще всего играет внешний фактор в лице международных организаций и разнообразной поддержки радикальной оппозиции со стороны лидеров западноевропейских государств. Об этом свидетельствует опыт использования технологий многочисленных «цветных революций» на постсоветском пространстве («революция роз» в Грузии 2003 г.; «оранжевая революция» на Украине 2004 г.; «тюльпановая революция» в Киргизии 2005 г.; попытки «цветной революции» в Узбекистане 2005 г.; попытки «васильковой революции» в Белоруссии 2006 г.; попытки «цветной революции» в Армении 2008 г.; «дынная революция» в Киргизии 2010 г.; попытки «белой революции» в России в 2011-2012 гг.; «Евромайдан» на Украине 2013–2014 г.), а также во многих других регионах мира («арабская весна», «революция зонтиков» в Гонконге (Китае) 2014 г. и многие другие). Главный акцент делается на априорном непризнании возможностей победы представителей правящего режима и подготовка оппозиции к массовым протестам против невыгодных для нее результатов выборов. Мировое общественное мнение изначально настраивается на восприятие легитимности данных протестов и необходимости ее полити-

Политология 311

ческой, информационной, моральной и материальной поддержки¹¹.

С учетом того, что на выборах депутатов Государственной думы возвращена смешанная избирательная система (мажоритарная и пропорциональная составляющие), то объективно актуализируются не только институализированные конфликты, но и многочисленные межличностные конфликты в одномандатных округах.

Институализированные предвыборные конфликты представляют собой более сложные (в связи с тем, что основными акторами в них выступают политические партии), которые предопределяют столкновение стратегий общественного развития в масштабах страны в целом. Личностный фактор в институализированных конфликтах также играет определенную роль, так как ключевое значение в деятельности партий имеет позиция лидеров и их персонализированные особенности, во многом определяющие лицо политических партий. Тем не менее, характеристики данных лидеров и их конфликтогенность значимы не сами по себе, а как неотъемлемая часть партийного ресурса и имиджа. Поэтому персонализированные конфликты партийных лидеров в период избирательных кампаний всегда встроены в межпартийные отношения и нацелены на снижение рейтинга конкурентных партий.

Существенные коррективы в конфигурацию потенциальных институализированных конфликтных зон в период подготовки к выборам вносит процедура праймериз. Она, с одной стороны, обусловливает и стимулирует внутрипартийную конкуренцию, а с другой, хотя бы в минимальной степени институализирует и делает публичными те латентные противоречия, которые имели место и раньше (особенно в регионах) в период формирования партийных списков. Чаще всего данная конфликтная зона отражает конфигурацию борьбы различных бизнес-элит в регионах за представительство своих интересов в сфере политики.

Но в некоторых случаях институт праймериз проявляет конфликт внутрипартийных противоречий между лидерами данной партии (или объединения). Так включение председателя ПАРНАСа М. Касьянова в качестве лидера объединенного списка «Демократической коалиции» (без прохождения им праймериз) привело к тому, что зампредседателя партии И. Яшин в ультимативной форме потребовал участия М. Касьянова в процедуре первичных выборов на общих основаниях. После отказа последнего И. Яшин заявил о выходе из Демкоалициии и снятии своей кандидатуры с праймериз. На аналогичный шаг пошел и руководитель юридического отдела Фонда борьбы с коррупцией (созданного А. Навальным) И. Жданов. Оба политика объяснили свое решение тем, что их не устраивает первое место экс-премьера РФ и председателя ПАРНАСа М. Касьянова в предвыборном списке¹². Ключевым мотивом стал показ на НТВ скандального фильма «Касьянов день», в котором содержался компрометирующий материал на председателя ПАРНАСа (а также его нелестные высказывания в адрес соратников по Демкоалиции). По мнению оппозиционеров, М. Касьянов должен был добровольно отказаться от квоты на первое место в списке с формулировкой «хочу подтвердить право на лидерство и вывести коалицию из-под удара» ¹³. Фактически процедура праймериз еще раз подтвердила, что межличностные отношения лидеров праволиберального фланга продолжают желать лучшего. Данная тенденция проявляется на протяжении всего постсоветского периода (наиболее наглядно ее демонстрировал постоянный срыв попыток объединения праволиберальных партий с партией «Яблоко») и является одной из причин снижения рейтинга либералов и их поражения на выборах различного уровня.

Межличностные отношения кандидатов в отдельных мажоритарных округах также могут быть встроены в систему межпартийных отношений и включать в себя конфликты идеологий, мировоззрений, партийных программ и месседжей (при этом часть кандидатов может быть беспартийной). В любом случае на уровне округов личностный фактор в предвыборной борьбе конкурентов играет гораздо большую роль, независимо от их партийной принадлежности или беспартийности. В рамках данных конфликтных предвыборных отношений каждый кандидат стремится продемонстрировать, прежде всего, свои лидерские качества, доказать избирателям обоснованность личных претензий на политическое представительство интересов жителей данного округа. Соответственно, и критика конкурентов сосредоточена не только на недостатках в содержании предвыборных платформ, но, прежде всего, на личностных слабостях и недостатках кандидатов.

Тем самым в 225 мажоритарных округах на выборах депутатов Государственной думы объективно формируется большое количество конфликтогенных ситуаций, в которых кандидаты готовы к столкновениям на межличностной основе. При этом важно учитывать, что кроме «политических тяжеловесов» в данных округах нередко выдвигаются кандидаты, для которых скандалы и личностные выпады являются главным инструментом, с помощью которого они могут обратить на себя внимание. Кроме того, в ряде случаев «политические тяжеловесы» используют также «подставных» кандидатов, главной задачей которых является «грязная» работа по дискредитации основных конкурентов.

Фактически и в экономике, и в политике есть понятие «недобросовестная конкуренция». Борьба с ее проявлениями ведется на уровне законодательства, но проблема продолжает

оставаться не решенной. Поэтому от выборов к выборам продолжает всплывать информация о разнообразных нарушениях в ходе предвыборных кампаний и о судебных разбирательствах в отношении отдельных кандидатов. Данные нарушения определяют сложную конфигурацию конфликтного поля, которая охватывает всю территорию РФ и включает в себя огромное количество конфликтных противоречий в отдельных избирательных округах.

Важнейшим фактором конфликтогенности выступает, прежде всего, использование так называемого административного ресурса. Многообразие его проявлений обусловливает сложную конфигурацию возникающих в этой связи нелегитимных конфликтов (фальсификация результатов, подкуп избирателей, снятие конкурентов с предвыборной гонки, вброс ложной информации и т. д.).

Намного сложнее определить нарушение избирательного законодательства в сфере так называемых серых технологий, основанных, прежде всего, на приемах воздействия на общественное мнение за счет превосходства провластных политических сил в информационных ресурсах. В этом случае конфликт, основанный на недовольстве проигравшей стороны, формально не имеет правовых оснований, но приводит к тому, что радикальная оппозиция начинает изначально подвергать сомнению легитимность выборов, утверждать, что они носят недемократический, манипулятивный характер и не позволяют выявить реальные политические настроения людей.

В целом, оценивая предвыборные кампании как фактор политических конфликтов в современной России, можно констатировать, что именно в этот период происходит наиболее полное отражение тех разнообразных противоречий и проблем, которые накопились в различных сферах общественных отношений. Тем самым механизм выборов реализует важнейшую функцию, создавая институализированное и правовое поле для легитимного проявления многомерного политического конфликта, отражающего интересы основных социальных групп и субъектов политики в обществе.

Данная многомерность предопределяет различные системы координат для конфликтных проявлений, которые вполне правомерно рассматривать как отдельные (хотя и взаимосвязанные) политические конфликты (от конфликта мировоззрений и стратегий общественно-политического и социально-экономического развития до межпартийных и межличностных конфликтов).

Большая часть данных конфликтов выполняет вполне конструктивные функции и является неизбежным следствием политической конкуренции. В идеале главным инструментом разрешения данных конфликтов является голо-

сование избирателей, выступающих своеобразными арбитрами в разрешении представленных конкурирующих позиций по важнейшим общественным проблемам.

Однако на практике реализация данных позитивных функций осложняется тем, что волеизъявление граждан происходит не только на основе рационального осмысления представленных на выборах программ, но и в результате целенаправленной актуализации электоральными участниками иррациональных мотивов голосования избирателей.

В результате позитивные функции конкуренции трансформируются в свою противоположность, постепенно накапливаются предпосылки для превращения предвыборных политических конфликтов в инструменты социальной деструкции и разрушения существующей системы. Радикальные оппозиционеры видят в этом единственный шанс для устранения действующего политического режима в России и своего прихода к власти. Однако такой либерально-революционный подход уже был использован два с половиной десятилетия назад для разрушения СССР и социалистического строя. Он привел к радикальным преобразованиям, которые сопровождались катастрофическими последствиями во всех сферах общественной жизни, в значительной степени не преодоленными и по сегодняшний день. Еще один либеральный эксперимент современная Россия пережить не в состоянии. Выход видится в совершенствовании существующей избирательной и партийной системы, в подключении отечественных институтов гражданского общества к контролю над выборами, в совершенствовании правовых механизмов разрешения предвыборных конфликтов.

Примечания

- 1 См., например: Парк Р. Конкуренция. Конфликт. Аккомодация. Ассимиляция // Теоретическая социология: антология: в 2 ч.; пер. с англ., фр., нем., ит. / сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. М.: Книжный дом «Университет», 2002. Ч. 1. С. 390–422.
- ² Хабермас Ю. Когда мы должны быть толерантными? О конкуренции видений мира, ценностей и теорий // Социс. 2006. № 1. С. 53.
- ³ См.: Александров Н. Н., Козлов В. Д., Крючков Д. В. Конкуренция и конкурентоспособность: содержание понятий и история их становления. Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской акад. гос. службы, 2004.
- ⁴ См.: *Гутман Г., Лапыгин Ю.* Антимонопольный путь к конкуренции. Владимир : ВГПУ, 1996. С. 42–45.
- О защите конкуренции: федер. закон от 08.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 05.10. 2015). URL: http://base. consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=1 83145;fld=134;from=61763-6;rnd=189271.83163020654 69545;;ts=01892711777770615072743 (дата обращения: 14.04.2016).

Политология 313

- 6 Мельвиль А. Ю., Ильин М. В., Мелешкина Е. Ю., Миронюк М. Г., Полунин Ю. А., Тимофеев И. Н. Опыт классификации стран // Полис. 2006. № 5. С. 23.
- ⁷ Ашихмина Я. Г. Конкуренция элит на выборах как критерий современной демократии // Политэкс. 2007. № 2. С. 245–253. URL: http://www.politex.info/content/view/341/30/ (дата обращения: 26.02.2013).
- 8 Там же.
- ⁹ Там же.
- 10 См.: Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология :

УДК 338

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ НА ПОЧВЕ «ЕДИНОГО ИНТЕРЕСА»: СТРУКТУРА И ЛОГИКА РАЗВИТИЯ

Н. И. Шестов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского E-mail: nikshestov@mail.ru

В статье представлен генезис в условиях современной либеральной демократии политических конфликтов по поводу базовых социально-политических ценностей, исследованы их динамические и сущностные свойства.

Ключевые слова: политический конфликт, социально-политические ценности, политический интерес.

Political Conflict Based on «Common Interest»: the Structure and Logic of Development

N. I. Shestov

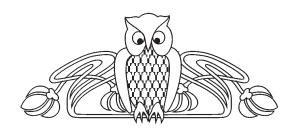
The article presents the genesis in a modern liberal democracy of political conflicts over basic socialpolitical values; their dynamic and essential properties are researched.

Key words: political conflict, social political values, political interest.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-3-314-318

Современная политическая наука, отечественная и зарубежная, относительно неплохо представляет себе природу конфликтов внутри больших социально-политических систем, когда их предметом являются различные интересы разных субъектов политики. Когда, например, одна сторона конфликта стремится властвовать, а другая этого властвования не желает, когда одна сторона выступает с неким идеологическим проектом настоящего и будущего, а другая считает такой проект абсурдным и опасным и взамен предлагает собственный проект. Для характеристики таких конфликтных ситуаций, когда предметом конфликта выступают разные для разных элитарных и общественных групп стратегии и тактики политического развития, разные подходы к использованию для этих це-

- учебник для вузов. М.: ЮНИТИ, 2000. С. 80.
- Наглядным примером могут служить выборы в Сирии, проведенные в апреле 2016 г. на подконтрольной правительству Б. Асада территории, которые заранее были объявлены западноевропейскими странами нелегитимными.
- 12 См.: Главный юрист ФБК вслед за Яшиным отказался от участия в праймериз Демкоалиции из-за Касьянова. URL: http://www.newsru.com/russia/13apr2016/jdanov. html (дата обращения: 14.04.2016).
- ¹³ Там же.

лей общественных и государственных ресурсов, политическая наука обычно использует категории «идеологический интерес», «классовый/ сословный интерес», «этнический/религиозный интерес», «государственный/национальный интерес». Использование данных категорий подразумевает, что тот или иной участник конфликта обладает политической субъектностью. Что он выступает полноценной стороной конфликта именно в силу способности осознать и публично сформулировать свою собственную, вполне рациональную (и уже в силу этого вполне отличную от интересов других субъектов политики) заявку такого «интереса». Что он способен наделить политическую реальность собственным смыслом и отстаивать именно этот смысл.

В современном мире вместе с тем активизировались и конфликтные ситуации другого рода. Те, в которых предметом конфликта являются не разные, а вполне сходные представления конфликтующих субъектов политики о целях и смысле последней, об оптимальных средствах, которыми эти цели могут быть достигнуты. В современной политике, например, широко представлены конфликты, в основе которых лежит стремление всех конфликтующих сторон реализовать демократические принципы социального общежития и взаимодействия общества с государством, внедрить в политическую жизнь демократические и либеральные институции, отстоять «общечеловеческие» ценности, такие как «справедливость», «свобода», «человеческое достоинство», «порядок». Это имеет место в государствах Северной Африки, на Балканах, в некоторых частях постсоветского пространства и даже, как показали массовые протесты по поводу миграционной политики руководства Евросоюза и попыток проведения реформы трудовых отношений во Франции весной 2016 г., в

развитых европейских странах. Сегодня в мире у такой программы придания политике «современного цивилизованного» облика трудно найти открытых противников. Конфликты разворачиваются между «сторонниками» и «сторонниками» либерально-демократической политики. Их предметом становятся одни и те же, в сущности, ее ценности и институции, одни и те же смыслы политической жизни, которые в них воплощены. Конфликтующие стороны борются не за выбор между, например, «свободой» и «угнетением», «тиранией» и «человеческим достоинством», «демократией» и «авторитаризмом», «гражданскими правами» и «сословными привилегиями». Они фактически борются за лидерство в продвижении в жизнь одной и той же программы оптимизации политики. Причем такой сдвиг в логике политических конфликтов происходит как внутри отдельных государств, так и в международном масштабе.

Природа этого сдвига объяснима: у современной «цивилизованной» политики действительно не осталось других позитивных смыслов и целей, кроме тех, которые некогда, лет двести-триста тому назад, были сформулированы в рамках либерально-демократической доктрины. Все, что могло составить реальную позитивную конкуренцию либеральной парадигме современного политического процесса, в первую очередь советская демократия и «некапиталистический» путь развития некоторых стран «третьего мира», средствами «холодной войны» в течение XX в. было дискредитировано и вытеснено на периферию мировой политики. Иные политические смыслы и цели, в качестве заявки на которые сегодня можно рассматривать, например, идею «всемирного халифата», имеют выраженный негативный смысл. Негативный в смысле радикально-традиционалистских ценностных основ существования человечества, которые предлагают такие проекты, и в смысле представления о политическом, правовом и культурном будущем современных стран и народов, как «кальке» с их более-менее отдаленного прошлого.

Можно возражать либо соглашаться с аргументами, к которым в своих размышлениях о том, «закончилась» ли для мира либеральной демократии «история» или нет, присутствует ли в нынешнем мировом «политическом порядке» тенденция к упадку или нет, прибегает американский политолог Ф. Фукуяма. Оценки, высказанные американским профессором, в целом являются отражением некоей эйфории, на рубеже веков постигшей массовое сознание обществ и элит в странах развитой либеральной демократии: «Кто теперь против нас? Да никто!». Эйфория от ощущения, что весь спектр традиционных угроз справа и слева существованию либерально-демократических систем сократился до некритичного уровня. А те угрозы, которые еще остались, могут быть нейтрализованы в обозримой перспективе более последовательным и настойчивым приведением реальной политики (как в мировом масштабе, в формате совместной борьбы либеральных демократий с «тираническими» политическими режимами, так и в масштабе внутренней политики) в соответствии с требованиями либеральной доктрины. «Во многих частях мира сегодня - со всем либеральным оптимизмом настаивает американский профессор, - (например, в России и в Китае), а также в истории Запада главной проблемой политического развития можно считать укрепление механизма ограничения сильного государства»¹. Это наглядный симптом того, что эйфория от «реальности» надежды обустроить весь мировой «монастырь» по своему «уставу» имеет устойчивый характер.

Миграционный кризис, охвативший Старый Свет, заметное «поправение» европейского электората, скорее всего, будут работать на понижение таких эйфорических настроений, будут усиливать общий критический настрой в обществе по отношению к либеральным институтам и их практикам. Но сам по себе такой критический настрой не решает проблемы появления иных, не либеральных и в то же время не традиционалистско-экстремистских проектов будущей организации жизни современных обществ и государств. Можно даже предположить, что ответом на такую критику со стороны либерально-демократических систем будет не принципиальный пересмотр основ либерально-демократической политики, а лишь еще большая активизация стратегии и тактики, посредством которых на протяжении всего XX столетия, и вплоть до настоящего времени, либеральная демократия доказывала и доказывает всему цивилизованному миру свою исключительную, в сравнении с другими правыми и левыми политическими проектами, жизнеспособность и перспективность. Это стратегия и тактика количественного роста институтов и практик либеральной демократии в современном мире, умножения числа социально-политических систем, которые переходят (добровольно, в режиме «цветных революций», либо принудительно, в режиме «защиты прав и свобод граждан от тирании» войсками НАТО) к существованию в режиме пресловутого «демократического транзита». Симптомы того, что выбор сегодня совершается именно в пользу активизации этих стратегии и тактики оправдания преимуществ либеральной демократии за счет количественного прироста сфер ее влияния, сегодня многочисленны и продолжают множиться по всему миру.

А активизация таких стратегии и тактики объективно создает и более широкое пространство возможностей для конфликтов (внутри общественно-политических систем и межгосударственных) на почве стремления обществ и их политических элит продемонстрировать свою

Политология 315

приверженность принципам, ценностям и институтам либерально-демократической политики. Приверженность более высокую в сравнении с другими участниками политического процесса в отдельно взятой стране или в мире. Иначе говоря, складывающаяся ситуация создает условия если не для доминирования в обозримой перспективе, то для существенного роста значимости в политическом процессе конфликтов на почве «общего интереса».

Не только эти внешние условия (общее состояние и направленность политического процесса в мире) благоприятствуют распространению в пространстве современной политики конфликтов такого рода. Они расширяют сферу своего влияния в сравнении с конфликтами на почве «разных интересов» во многом потому, что они труднее поддаются урегулированию. Политика, особенно демократическая, постоянно порождает конфликты самого разного свойства. Уровень конфликтности политики определяется, в сущности, не общим числом конфликтных ситуаций, возникших на определенном отрезке политических пространства и времени, а способностью политических субъектов выдерживать некий безопасный для существования социально-политической системы баланс между вновь возникающими конфликтами и конфликтами разрешенными. Конфликт на почве «единого интереса», скорее, не регулируется, а консервируется. Он изначально, о чем можно судить по опыту многочисленных «цветных революций» и «весен», обретает состояние, оптимальное для применения в нем его участниками разного рода манипулятивных технологий, для поиска его участниками не столько компромиссных решений, сколько поводов к осуществлению взаимных провокаций и диверсий. Такой конфликт обладает своего рода качеством невыводимости из политического процесса без участия «третьей силы», которая и решает такой конфликт извне пространства его развития, и решает его, насколько можно судить опять же по опыту упомянутых революций и протестных движений, с применением «мягкой» либо «жесткой» силы.

Невыводимость данных конфликтов из политического процесса без помощи «третьей силы» обусловлена спецификой самого предмета конфликта. Предметом, как правило, являются те ценности государственного и гражданского общежития, которые, по логике вещей, имеют своим назначением сплачивать и организовывать социально-политическую систему, направлять политический процесс в русло общественноэлитарного консенсуса. Речь идет, в сущности, о формулах и смыслах, которые составляют ядро социально-политической мифологии любого современного цивилизованного политического сообщества. Не обязательно только либеральнодемократического. Это, например, устойчивые и наследуемые социальными структурами из поколения в поколение представления о «справедливости/несправедливости», «свободе/тирании», «достоинстве/униженности человека», «счастливом/бедственном будущем», о «верности/предательстве традиций», об «угрозе интересам / защите интересов народа/государства». Это ядро политической культуры, тот центр всей системы политических отношений и связей, без которого (если представить, сугубо гипотетически, возможность, что сами стороны конфликта, без вмешательства «третьей силы», договорились урегулировать конфликт взаимным отказом от политической эксплуатации этих ценностей) социально-политическая система просто перестает быть системой и распадается. Социально-политическая система, внутри которой в силу внутренних причин либо вследствие внешних воздействий возник конфликт субъектов политики на почве «единого интереса», оказывается перед выбором. Либо гасить конфликт ценой отказа от базовых основ своего существования, выбирать не органичную прежнему опыту своего существования линию развития, имея в виду вероятный риск распада, фактически, приносить себя в жертву конфликту. Либо ждать вмешательства в конфликт «третьей силы», которая использует свой вес и влияние на конфликтующие стороны для того, чтобы установить для развития конфликта свои правила, чтобы, образно выражаясь, все стороны конфликта были «равны». Но была бы при этом волей «третьей силы» назначена одна сторона, которая других «равнее» в понимании и использовании в политике базовых ценностей существования данной социально-политической системы.

Такая технология, если речь идет о конфликте в пространстве отдельного государства, ставит под вопрос суверенный характер и саму позитивную перспективу политического процесса в таком государстве. Эта логика развития конфликта имеет отношение и к ситуациям конфликта между разными социально-политическими системами в современной мировой политике, в которой роль «третьей силы», назначающей тех, кто «равнее» других, играют «великие» державы. И это становится почвой для распространения конфликта на почве «единого интереса» уже на сферу геополитики. Конфликты такого рода заключают в себе вызов системности политического процесса, его традиционному суверенному формату, а потому характеризуются особой остротой течения (вплоть до революций и гражданских войн) и тяжестью последствий для социально-политической системы (вплоть до ее распада и даже гибели).

Нередко они пересекаются в политическом процессе с конфликтами на почве различных классовых, сословных и корыстных интересов социальных и элитарных групп и оказываются как бы второй, оборотной стороной политического конфликта на почве «разных интересов»,

в частности, по поводу политической власти и ее ресурсов. В истории массовых политических конфликтов (примером в данном случае является история революции и Гражданской войны в России в начале прошлого столетия, а также история социально-политических конфликтов на постсоветском пространстве) можно наблюдать устойчивую тенденцию. Конфликты эти, начинавшиеся со стороны элиты, обычно за передел власти и собственности, а со стороны социума - за «справедливость» и «свободу», часто приобретали непредсказуемый, неуправляемый и даже гибельный для их организаторов характер в определенный момент, а именно тогда, когда происходило смыкание двух конфликтных дискурсов. Когда дискурс конфликта на почве «единого интереса» явочным порядком замещал собой дискурс конфликта на почве «разных интересов». Это замещение имеет место тогда, когда в сознании общества и элиты проявляется сходная готовность оперировать в конфликте вместо понятий «власть», «собственность», «право», понятиями, например, «свобода», «справедливость», «порядок», «безопасность». Когда общим для всех сторон конфликта становится представление о сути конфликта: каковы бы ни были его первоначальные причины (пусть даже они были совершенно далекими от интересов социального большинства), теперь его смысл для всех его участников в равной мере определяется необходимостью «восстановить справедливость», «спасти свободу», «покарать врагов народа/государства».

В этом случае синтеза двух вариантов конфликта происходит не только максимальная мобилизация общественных и государственных ресурсов для нужд конфликта, и он захватывает социально-политическую систему на всю глубину отношений субъектов политики. Происходит определенное смещение акцентов в самой мифологической мотивации конфликта, если говорить о его механике. С базового смысла ценностей, заложенного в социальной мифологии данного общества, акцент переносится на те тонкие нюансы этого смысла, на основании которых теперь уже в общем ряду приверженцев этих смыслов можно выделять «потенциально своих» и «потенциально чужих» и тем самым не снижать, а даже повышать динамику конфликта. В духе слов известной советской песни: «Есть у революции начало, нет у революции конца!». Появляется возможность при помощи поиска или создания новых смысловых нюансов расширять либо сужать сферу распространения конфликта, регулировать его напряженность, тем самым усиливая инструментальные свойства конфликта.

Есть и стратегический смысл в таком переводе конфликта с почвы «разных интересов» на почву «общего интереса», почему, собственно, такой перевод и можно довольно часто наблюдать. Можно наделять свойством «врага» не толь-

ко тех, кто принципиально против «свободы» и «справедливости», но и тех, кто принципиально не против, но интерпретирует эти ценности иначе. При таком переформатировании конфликта у разных групп его участников появляется возможность конструировать «враждебность» и наделять этим качеством союзников по конфликту, которые впоследствии могут стать конкурентами при распределении плодов победы в конфликте. Либо, напротив, в случае неудачи могут отказаться от союзнических обязательств. Появляется возможность посредством манипуляций с нюансами мифологических смыслов социально-политических ценностей уже на подходе к ожидаемой в конфликте победе и неизбежному последующему дроблению ее практических плодов на доли между «своими» (в виде вознаграждения властью и собственностью за участие в конфликте) минимизировать число таких долей. Тем самым сделать результат конфликта более аккумулированным в качестве ресурса для решения последующих политических задач.

К линиям, которые прежде разделяли принципиальных противников, теперь добавляются линии, разделяющие бывших единомышленников. В мотивации конфликта факты, свидетельствующие о враждебности политической позиции, замещаются подозрениями, что позиция бывшего соратника по конфликту может быть враждебной ровно в той мере, в какой для его творческого сознания отсутствуют препятствия к созданию собственных тонкостей интерпретации базовых социально-политических ценностей. Новую линию конфликта в этом случае образует борьба за «единственно правильное» понимания смысла социально-мифологической ценности, а также по поводу «единственно верного» способа этот смысл отстоять в конфликте и реализовать в последующей политической практике. Очень показательны в плане таких опасений и возникающей из них взаимной враждебности отношения руководителей Великой Французской революции. Показателен и опыт внутрипартийной борьбы в первые десятилетия существования Советской России.

Участниками конфликта движет искреннее и генетически укорененное в свойствах мифологического стиля мышления нормальных людей представление, что «истинный» смысл у ценности может быть только один, а именно тот, который в данный момент политического процесса доступен их пониманию и соответствует их видению политического момента, ожиданиям политической победы и фобиям. Потому тот, кто создал любую другую, отличную от данной, интерпретацию ценности, а уж тем более ее популяризует в пространстве конфликта, покушается не больше и не меньше, как на «истину». Он враг уже потому, что рождает в рядах союзников по конфликту сомнение, что «истина» одна, и тем провоцирует в их рядах идейную демобилиза-

Политология 317

цию. Ответная реакция мифологического сознания выражается в стремлении участников конфликта предотвратить разобщение своих рядов, а, значит, предотвратить как таковую любую попытку поиска новых нюансов смысла социально-политических ценностей вообще, поскольку каждый новый смысловой нюанс чреват и новыми рисками для мобилизационных практик и конечных задач конфликта. Парадокс, но переход конфликта в режим борьбы за «единый интерес» влечет за собой прекращение мифотворческой работы массового сознания, работы над усовершенствованием смысла социально-политических ценностей. Это создает условия для идеологического закрепления какого-то одного смысла. Именно конфликт на почве «единого интереса» приводит к изменению статуса социально-политической ценности: из элемента мифосознания она превращается в элемент идеологического сознания. По этой причине поиски «свободы», «справедливости», «безопасности», например, в режиме совмещения конфликтов на почве «разных интересов» с конфликтом на почве «единого интереса» часто имеют следствием еще большую «несвободу» в сфере интеллектуальных поисков, еще большую «несправедливость» в практике социальных и социально-элитарных отношений и меньшую (труднее обеспечиваемую в условиях взаимных подозрений в намерении покуситься на «истину») «безопасность» для политических субъектов, чем тогда, когда все они были союзниками по одному лагерю в конфликте на почве «разных» политических интересов.

Примечания

¹ Фукуяма Ф. Политический порядок и политический упадок. 8 сентября 2014 // Россия в глобальной политике. URL: http://globalaffairs.ru/global-processes/Politicheskii-poryadok-i-politicheskii-upadok-16952 (дата обращения: 24.05.2016).

УДК 323.1; 327.39

АНТИКОНФЛИКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ЭТНОРЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА И ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

М. Е. Попов

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь E-mail: maximus.popov@gmail.com

Статья посвящена исследованию основных теоретических подходов и концептуальных моделей социокультурной интеграции как способа конструктивного разрешения конфликтов идентичностей. Автор акцентирует внимание на исследовании антиконфликтного потенциала социокультурной интеграции к деэскалации этнической напряженности на Северном Кавказе. Рассматриваются системные факторы этнорегиональных конфликтов и подчеркивается дестабилизирующая роль политизации этничности. В качестве структурных условий роста этнической напряженности и ее перерастания в деструктивные конфликты идентичностей выступают социальные неравенства, экономическая поляризация, противоречия между системной модернизацией и социальной дезинтеграцией.

Ключевые слова: социокультурная интеграция, региональные конфликты, этнические конфликты, конфликты идентичностей, этническая напряженность, политизация этничности, разрешение конфликтов, Северный Кавказ.

Anti-conflict Potential of Sociocultural Integration: Ethno-Regional Specifics and Main Theoretical Approaches

M. E. Popov

The paper is devoted to research of theoretical approaches to analysis of sociocultural integration as a tool for resolving regional

conflicts. Author focuses on the ability of sociocultural integration to transformation of destructive identity-based conflicts. The author considers the systemic factors of the identity-based conflicts and emphasizes destabilizing role of the politicization of ethnicity. Among the structural conditions of the escalation of regional conflicts, the author calls: social inequalities, economic polarization, contradiction between the system modernization and social disintegration.

Key words: sociocultural integration, regional conflicts, ethnic conflicts, identity-based conflicts, ethnic tensions, politicization of ethnicity, conflict resolution, North Caucasus.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-3-318-322

Проблема исследования социокультурной интеграции как инструмента урегулирования региональных конфликтов связана с решением следующих задач: 1) системный анализ взаимосвязи и взаимозависимости интеграции, идентичности, конфликта; 2) выявление структурных факторов эскалации этнической напряженности в Северокавказском регионе; 3) концептуализация социокультурной интеграции в качестве инструмента конструктивного разрешения этнических противоречий на Северном Кавказе.

В современной России социокультурная интеграция характеризуется тенденцией к увеличению этнических контактов, размывающих культурные границы. Системная стабильность и безопасность полиэтнических регионов зави-

сят от масштабов и уровня макросоциальной солидарности и гражданской интеграции. В этой связи первоочередное значение приобретает комплексный анализ социокультурной интеграции как процесса ценностной консолидации, благодаря которому этносоциальные субъекты достигают высокого уровня гражданского самосознания и надэтнической идентификации. По словам А. К. Мамедова и О. И. Якушиной, «проблемы конструирования идентичности, сплоченности социальных групп на глобальном уровне связаны с широкомасштабными преобразованиями, которые обусловлены транснациональным капитализмом, модернизацией и глобализацией. Исследования в области теорий индивидуализма отмечают такие ключевые процессы социальных изменений, как наличие определенного давления, целенаправленной политики идентичности и индивидуализации, обособление личной культуры»¹.

Исследования антиконфликтного потенциала социокультурной интеграции и анализ механизмов адаптации региональных сообществ к изменяющимся условиям глобализации являются одними из актуальных в теоретическом и практическом аспектах. Это обусловлено фундаментальным положением проблемы интеграции в социальных и политических науках, а также поиском новых консолидационных ресурсов в процессе деэскалации террористических угроз и преодоления конфликтов.

Специфика этнорегиональных конфликтов как угроз и вызовов интеграции северокавказского социума заключается в том, что они протекают на фоне столкновения конкурирующих ценностей и идентичностей. Понятие ценностного столкновения уточняет концепт этнорегионального конфликта как трудноразрешимого конфликта идентичностей, подчеркивая системно-генетический характер данной объяснительной модели. В структурном отношении конфликты идентичностей выступают следствием этносоциальных неравенств, эскалации этноконфессиональной напряженности и мобилизации этничности, угрожающих безопасности и интеграционным процессам в полиэтническом региональном сообществе. Как отмечает А. А. Вилков, «проблема гармонизации этноконфессиональных отношений является одной из самых сложных и актуальных не только для России, но и для всего мира. Повсеместные конфликты на данной почве в самых различных странах дают наглядное основание для такого утверждения и свидетельствуют о том, что эта проблема нуждается в многомерной системе координат для системного анализа и решения. Важнейшее значение имеют, прежде всего, политико-правовые нормы и принципы, определяющие направленность и характер функционирования различных механизмов гармонизации этноконфессиональных отношений, под которой мы понимаем конструктивные и бесконфликтные взаимодействия различных этнических групп в рамках единого государства»².

Социальная дезинтеграция усиливает изоляционистские тенденции и регионализацию Северного Кавказа, порождает аномию, апатию, пассивность, а носителей радикальных идеологий подталкивает к этнополитическому и религиозному экстремизму. Актуализация антиконфликтогенных механизмов социокультурной интеграции связана с необходимостью выработки секулярной и надэтнической модели макросоциальной консолидации, поддерживающей межэтническое сотрудничество и межкультурный диалог. Интеграция как процесс конструирования и продвижения гражданских ценностей, идентичностей, институтов, позволяющий этносоциальным субъектам бесконфликтно взаимодействовать на основе принципов безопасности, справедливости, равноправия, становится основным методом разрешения региональных этнических конфликтов.

Теоретическая традиция исследования антиконфликтного потенциала социокультурной интеграции связана с концептуальным противоборством теорий этнического конфликта, мультикультурализма и неофункционализма: противоречие заключается в трактовке сущности интеграции как способа деэскалации этнического конфликта и статуса этнических меньшинств в плюралистических обществах, при этом конфликтологи опираются на анализ конфликтогенной природы этничности, мультикультуралисты исходят из нормативности аскриптивной этнической идентификации, представители функционалистской парадигмы интерпретируют статус и права этнических групп с позиций равенства возможностей и императивности интеграции. Как отмечают Дж. Фирон и Д. Лейтин, полноценная теория этнического конфликта должна объяснить, почему, несмотря на серьезные напряженности, этнические отношения, основанные на мире и интеграции, являются более типичным явлением, чем крупномасштабное насилие³.

Необходимость стимулирования социокультурной интеграции в полиэтническом сообществе обусловлена ценностными и инструментальными причинами: с этической точки зрения, создание интегрированного «общества для всех» является самоочевидной социетальной целью; структурные факторы интеграции связаны с необходимостью уменьшения культурных и социальных различий, ведущих к социальной фрагментации и оказывающих негативное воздействие на модернизационные процессы и предотвращение региональных этнических конфликтов; социокультурная интеграция подразумевает формирование надэтнической гражданской идентичности.

Социокультурная интеграция как инклюзивная политика направлена на создание условий для адаптации различных категорий мигрантов на основе этнокультурной толерантности и ме-

Политология 319

таэтнической солидарности. По словам С. В. Рязанцева, «в России интеграция стала частью миграционной политики с 2012 года, когда была принята Концепция государственной миграционной политики России до 2025 года. В ней прописано: "важными элементами государственной миграционной политики... является создание условий для адаптации и интеграции мигрантов", хотя еще несколько лет назад понятие "интеграция" отсутствовало в "лексиконе" российской миграционной политики... В настоящее время в России, как обеспеченной ресурсами стране, созрели все предпосылки для того, чтобы в области миграционной политики ставить более амбиционные задачи, не фокусируясь только на трудовой миграции, депортации недокументированных мигрантов и пресечении незаконной иммиграции. Пора заниматься формированием миграционных потоков и интеграцией необходимых стране категорий мигрантов»⁴.

В этнонациональной сфере социокультурная интеграция формирует рационально-коммуникативные механизмы гражданской консолидации на основе принципов социальной справедливости. Социальная справедливость, создание «общества для всех», является всеобъемлющей целью интеграции. Справедливость относится к социетальным принципам и ценностям, которые позволяют социальным субъектам получать справедливую долю выгоды за справедливую долю ответственности в рамках совместной жизни в обществе. Концепции социальной справедливости определяют гражданское общество как наиболее желательное и достижимое при условии, если права и обязанности распределяются в соответствии с согласованными принципами равенства; это интегрированное общество, в котором социальные субъекты могут принимать участие в социальной, экономической и политической жизни на основе равенства прав и возможностей, справедливости и достоинства.

Политика социокультурной интеграции имеет ценностно-нормативной целью социальную инклюзию, подразумевая равные возможности и права для всех социальных субъектов: в результате реализации этой задачи социальная система становится более интегрированной, что предполагает равенство и улучшение жизненных стратегий. Критики интеграции обращают внимание на ее потенциальные негативные последствия, вызывающие в воображении репрессивный образ ассимиляционной политики и «навязанного» культурного единообразия.

В современной политической теории проблемы социокультурной интеграции могут быть обобщены следующим образом:

1) социокультурная интеграция имеет морально-ценностный императив и системную задачу, заключающиеся в социальном прогрессе в направлении к более справедливому и равноправному обществу;

- 2) в процессе социокультурной интеграции конфликтогенные факторы социальных неравенств и экономической поляризации могут быть смягчены за счет включения личностей и групп, ранее исключенных из определенных видов деятельности;
- 3) в стремлении к социальной инклюзии, универсализму, единообразию политика интеграции может нивелировать ценности мультикультурализма.

Социокультурная интеграция снижает этносоциальную напряженность, что связано с высоким уровнем индивидуализма, надэтнической солидарности, отказом от конфликтогенной стереотипизации «других» в качестве «этнических врагов». Анализируя статус этничности в эскалации региональных конфликтов, необходимо указать на связь этнических идентичностей с примордиальными ценностями традиционных сообществ, в которых гражданское самосознание и индивидуализм не играют значимой мировоззренческой роли. По мнению Дж. Ротмана и М. Альберстейна, когда в процессе медиации конфликтологи имеют дело с этногрупповым столкновением, обращение к индивидуальным интересам не в состоянии загладить трещину, возникшую в результате конфликта; попытки манипулировать группами могут привести к интенсификации конфликта идентичностей⁵.

Региональные конфликты идентичностей - следствие реактуализации и радикализации политизированных этничностей. В качестве системных факторов, определяющих остроту этнической напряженности и, как следствие, эскалацию конфликтов идентичностей на Северном Кавказе, выступают социальные неравенства, фрагментации и поляризации. Анализ взаимосвязи конфликтности и идентичности приводит к мысли о деструктивном воздействии на безопасность Северокавказского региона факторов этнической интолерантности и социальной дезинтеграции. По словам В. А. Ачкасова, «этнополитический конфликт – это не только вооруженное или политико-правовое противостояние, это конфликт различных историософий, исторических и культурных ценностей и символов. Это порождает феномен "конкурирующих культурных и исторических традиций", чаще всего это противоборство национальных или этнических традиций в рамках многонационального социума, борьба за "историческое наследие" (конструктивисты не без оснований пишут о том, что не существует объективных исторических фактов, они изменчивы и, по сути, являются продуктом интерпретации тех, кто имеет большие или меньшие права на их легитимную номинацию) или конфликты между традициями представителей различных социальных групп. Возможны острое соперничество и религиозных, и этнических традиций в мультиконфессиональном или мультиэтническом обществе, противостояние

региональных традиций, борьба за определение смысла конфликта и установление его причин и т. д. Зачастую подобная "война интерпретаций", борьба с помощью той или иной выборки исторических фактов, становится прологом к острым межгосударственным политическим конфликтами»⁶.

Впервые термин «конфликты идентичностей» появляется в работах Дж. Бертона и Дж. Ротмана в 1990-е гг. Дж. Бертон рассматривает коллективную идентичность как одну из базовых потребностей человека, при этом угроза идентичности воспринимается группой как одна из основных угроз безопасности. Более того, Дж. Бертон в качестве ключевых выделяет две потребности: потребность в идентичности и потребность в безопасности; по мнению Дж. Ротмана, важнейшими атрибутами конфликтов идентичностей являются их деструктивность, иррациональность, неуправляемость 7 . Мотивы участия этнических групп в конфликтах идентичностей будут во многом влиять на перспективы их исхода; ради удовлетворения своих материальных интересов люди вряд ли станут сознательно рисковать жизнью. В конфликтах идентичностей участие сторон имеет выраженный характер жертвенности, а не неизбежного риска: готовность нести жертвы ради идентификационных и ценностных идеалов эмоционально переживается, осознается и вербализируется участниками конфликтов. Эскалация этнической напряженности происходит в случае, когда этнокультурная группа склонна воспринимать себя как «жертву» ценностных притязаний со стороны «других» групп.

конфликт идентичностей Региональный имеет собственные уникальные характеристики, и в разных контекстах некоторые из этих элементов будут более заметны, чем другие, но все они являются общими знаменателями генезиса такого конфликта. Примордиалистский подход помогает объяснить конфликтогенную природу этничности; концепция этнополитических антрепренеров объясняет, как взаимодействуют институциональные факторы и этнические стереотипы. Этничность воплощает в себе элемент мощной эмоциональной напряженности, которая может быть реактивирована, если группами осознается угроза идентичности, ценностям и интересам, что приводит к этнификации, этнической интолерантности и в конечном итоге - насильственному этническому конфликту.

Конфликты идентичностей опасны тем, что в их генезисе и динамике социальная неудовлетворенность будет с высокой степенью вероятности политизирована; воздействие установок на экстремизм и насилие состоит в том, чтобы сконцентрировать агрессивный потенциал в точке этнической интолерантности и конфессиональной непримиримости. Величина насилия в конфликтах идентичностей детерминирована

интенсивностью этнической напряженности и социальной неудовлетворенности, а также масштабами институциональной поддержки и мобилизации, являющимися условиями открытого противостояния.

Конфликтогенность мобилизованной этничности обусловлена негативной стереотипизацией «других» в процессе конструирования этнических границ. Культурные различия не приводят к неизбежным конфликтам идентичностей, формируя предпосылки к социокультурной интеграции и межэтническому диалогу; однако когда этноконфессиональные различия политизируются и интерпретируются как угрозы групповой безопасности – возникают трудноразрешимые конфликты идентичностей. По словам В. А. Ачкасова, «если государственные институты не предпринимают усилий, направленных на обеспечение коммуникации между этническими группами и обуздание их притязаний, или не имеют возможностей и ресурсов для этого; если слабы или отсутствуют посреднические институты гражданского общества, то возрастает риск, что перед конфликтующими этническими группами остро встанет дилемма безопасности. Каждая из них будет (обоснованно или нет) ожидать, что другая группа воспользуется слабостью государства и протолкнет свою политическую повестку дня. В целях самозащиты группа предпримет упреждающие меры предосторожности, которые могут быть интерпретированы противоположной стороной как акт агрессии»⁸.

В качестве ценностных и структурных факторов, определяющих остроту этнической напряженности и, как следствие, эскалацию региональных конфликтов, выступают этническая мобилизация, социальные неравенства, экономическая поляризация, кризис гражданской идентичности. Основной источник конфликтов идентичностей на Северном Кавказе — противоречие между системной модернизацией и социальной дезинтеграцией: структурная специфика региональных конфликтов обусловлена противоречием между статичными и динамичными типами социокультурного воспроизводства. Регионализация и традиционализация в этом случае приобретают конфликтогенный характер.

В структурном плане эскалация насилия в региональных конфликтах детерминирована интенсивностью и масштабами этнической мобилизации и социальной неудовлетворенности, выступающими необходимыми условиями столкновения. Региональные конфликты затрагивают экзистенциально значимые коллективные ценности и групповые идентичности, поэтому участники эмоционально вовлечены в идентификационные конфликты; в силу эмоциональной заряженности и иррациональности конфликты идентичностей перестают быть средством преодоления социальных фрустраций и становятся деструктивной самоцелью: политизация этнич-

ности и негативные культурные стереотипы в восприятии «других» играют ключевую роль в инициации таких конфликтов.

При обсуждении антиконфликтогенных механизмов социокультурной интеграции на Северном Кавказе необходимо учитывать следующее. Во-первых, социокультурная интеграция - это политический проект, содержание которого в значительной степени определяется проблемами обеспечения безопасности полиэтнического российского общества. Во-вторых, развитие Северокавказского региона после окончания вооруженных конфликтов показывает недопустимость и невозможность ориентации на изоляционизм той или иной этносоциальной системы в рамках российского политического пространства.

Социокультурная дезинтеграция, вызванная затяжными региональными конфликтами, может быть преодолена целенаправленным культивированием этнической толерантности. По словам Е. А. Кублицкой, «развитие толерантных отношений в полиэтническом и поликонфессиональном регионе имеет особое значение. Основная суть толерантности - терпимость к "чужому", "иному" в российском государстве - неотъемлемая черта демократизации общества. Развитие этих отношений в наибольшей степени зависит от уровня терпимости населения в национальной и конфессиональной сферах»⁹.

Интеграционные задачи обеспечения региональной безопасности и преодоления этнических противоречий в их наиболее деструктивной форме - конфликтов идентичностей - носят системный характер. Социокультурная интеграция в этом аспекте должна выступать в качестве основного инструмента этноконфликтного предупреждения - про-активного воздействия на конфликтную среду путем структурных трансформаций и рационализации этнических противоречий.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ (проект *№ MД-7429.2015.6).*

Примечания

- Мамедов А. К., Якушина О. И. Теоретические подходы к пониманию идентичности в современной социологической науке // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2015. № 1. С. 129.
- Вилков А. А. Политические аспекты гармонизации этноконфессиональных отношений на региональном уровне // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 1. С. 55.
- См.: Fearon J., Laitin D. Explaining Interethnic Cooperation // The American Political Science Review. 1996. Vol. 90, № 4. P. 74.
- Рязанцев С. В. О языковой интеграции мигрантов как новом ориентире миграционной политики России // Социс. 2014. № 9. С. 45.
- См.: Rothman J., Alberstein M. Individuals, groups and intergroups: Understanding the role of identity in conflict and its creative engagement // Ohio State Journal on Dispute Resolution. 2013. № 28 (3). P. 650.
- Ачкасов В. А. Этнополитический конфликт как следствие этнизации социальных проблем // Политэкс. 2013. T. 9, № 2. C. 54.
- См.: Попов М. Е. Конфликты идентичностей в посттрадиционной России: общероссийский и региональный аспекты. Ставрополь, 2011. С. 12.
- Ачкасов В. А. Указ. соч. С. 60.
- Кублицкая Е. А. Конфликтный потенциал межнациональных и этноконфессиональных отношений // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2013. № 1. C. 37.

УДК 32:008(470.345)

ГАРМОНИЗАЦИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

(на примере Республики Мордовия)

Н. И. Изергина

Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва, Саранск

E-mail: ninaini@yandex.ru

В статье рассматриваются опыт и итоги национально-культурного развития Республики Мордовия, где существует этническое, конфессиональное и культурное многообразие и успешно реализуется государственная национальная политика. Раскрываются особенности формирования этнической и национально-гражданской идентичности в регионе.

Ключевые слова: Республика Мордовия, национально-куль-

турное развитие, национальная политика, межнациональное согласие, гармонизация межнациональных и этноконфессиональных отношений, финно-угорский мир.

Harmonising Interethnic and Interfaith Relations in Constituent Entities of the Russian Federation (on the Example of Mordovia Republic)

N. I. Izergina

The article deals with the experience and results of the nationalcultural development of the Republic of Mordovia, where ethnic, confessional and cultural diversity exist and state national policy is

implemented successfully. The features of formation of ethnic and national-civil identity in the region are revealed.

Key words: Republic of Mordovia, national-cultural development, national policy, interethnic harmony, harmonizing interethnic and interfaith relations, Finno-Ugric world.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-3-322-326

Злободневность изучения вопросов национально-культурного развития в субъектах Российской Федерации определяется нуждами политико-правового обеспечения национально-культурного развития народов России, дальнейшей разработки научной концепции национально-культурного развития народов на региональном уровне. Региональный аспект проблемы актуализируется условиями модернизации и глобализации, в которых протекают этнополитические и этнокультурные процессы.

Республика Мордовия накопила интересный опыт по гармонизации межнациональных и этноконфессиональных отношений. Стержнем реализации национальной политики в республике является формирование этнической и национально-гражданской идентичности в их органической взаимосвязи. Излишнему эксплуатированию права народов на самоопределение, обусловливающему пагубную центростремительную тенденцию, противопоставляется идея, что республика - неотъемлемая часть России, а население региона - полноправные граждане государства. Помимо национальной самоидентификации, в Республике Мордовия имеет место позиционирование мордвы как части финноугорских народов, хотя признать формирование финно-угорского мира завершенным процессом, на наш взгляд, вряд ли возможно. Об этом свидетельствуют результаты социологического исследования «Мониторинг межэтнических и межконфессиональных отношений в Республике Мордовия» (ноябрь-декабрь 2010 г.), касающиеся самооценки степени сознания общности респондентов с такой социальной категорией, как «финно-угры». Совершенно не чувствуют связи с финно-уграми 23,3% респондентов, в том числе 24,8% мордвы и 22,7% русских¹.

В 2010–2011 гг. Мордовия участвовала в работе совместной программы Совета Европы, Европейской комиссии и Министерства регионального развития РФ «Национальные меньшинства в России: развитие языков, культуры, СМИ и гражданского общества». Эксперты Совета Европы констатировали, что в республике поддерживаются национальные культурные организации, национальные СМИ, региональным руководством уделяется пристальное внимание изучению мокшанского и эрзянского языков и мордовской культуры в дошкольных учреждениях, школах, вузах, со стороны Республики Мордовия оказывается помощь мордовской диаспоре во всех регионах. В Москве на заключитель-

ной конференции данной программы в декабре 2011 г. национальная политика Мордовии предлагалась для реализации в европейских странах.

Подготовка и проведение юбилейных мероприятий, посвященных празднованию Тысячелетия единения мордовского народа с народами Российского государства в августе 2012 г. в Саранске вошли в историю как праздник всей России². Показательно, что 66,4% опрошенных независимо от этнической принадлежности оценили это как важное событие³. В Саранске в дни юбилейных торжеств было проведено первое заседание Совета по межнациональным отношениям, на котором были намечены приоритеты современной национальной политики, обеспечивающие сохранение и взаимообогащение разных культур и укрепление дружбы народов.

В рамках ФЦП «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России на 2014—2020 годы» наиболее широкое распространение получили меры, направленные на создание культурных объединений, возрождение, распространение и презентацию национальной культуры, введение образовательных программ, посвященных национальному языку и национальной истории.

Сеть учреждений культуры и искусства Мордовия объединяет свыше 1200 объектов. В рамках сохранения культурного наследия в Мордовии ежегодно проводится более 100 фестивалей, конкурсов и выставок. Широкое общественное признание получили Международные фестивали русских драматических театров «Соотечественники», джазовой музыки «Вейсэ-джаз», классической музыки «Декабрьские дивертисменты», Всероссийские фестивали-конкурсы детского творчества «Пластилиновая ворона», мордовской эстрадной песни «Од вий», финно-угорского танца «Кштима», музыки композиторов Поволжья и Приуралья, «Новое кино на земле Мордовии». Межрегиональному и международному культурному сотрудничеству служат Международный фестиваль национального костюма «Неделя высокой моды "Масторава"», Международная этнокультурная экспедиция-фестиваль «Волга – река мира. Диалог культур волжских народов». Среди республиканских фестивалей особой популярностью у жителей республики пользуется фестиваль народного творчества «Шумбрат, Мордовия!», участниками которого ежегодно становятся от 40 до 80 тыс. человек. В 2015 г. фестиваль проводился в 19-й раз. Обеспечению межнационального согласия служат республиканские национально-фольклорные праздники «День славянской письменности и культуры», «Акша келу», «Раськень Озкс» и «Сабантуй».

По данным переписи населения 2010 г., на территории Республики Мордовия проживают граждане 119 национальностей. На долю трех основных национальностей (мордва, русские,

татары) приходится 98,3% всего населения. В общей численности населения республики на долю мордвы приходится 39.9% (в 2002 г. -31.9%), русских (443,7 тыс. человек) – 53,2%, татар (43.4 тыс. человек) - 5.2% населения республики. Сознание общности с такими социальными категориями, как «россияне», «жители Республики Мордовия» и «люди моей национальности», у населения Мордовии выражено примерно в равной степени (71,6, 75,4, 76,3%) независимо от национальности. Это свидетельствует о преобладании в сознании представителей различных национальностей социальной установки на межэтническое сотрудничество⁵. Вместе с тем увеличение межэтнической напряженности, по мнению экспертов (декабрь 2013 г.), связано с такими этнорелигиозными угрозами в Поволжском регионе, как: внешнее вмешательство, внедрение технологий западного мультикультурализма; «невыстроенность миграционных процессов», опасность ухода молодежи в неоязыческие структуры, псевдоисторические и националистические маргинальные сообщества, сектантские образования; недостатки в проведении этноконфессиональной политики⁶.

В целях сохранения благоприятного климата межнациональных и межконфессиональных отношений между народами в Мордовии был утвержден «План мероприятий по реализации в 2013—2015 годах в Республике Мордовия Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года», реализуются РЦП «Развитие внутреннего и въездного туризма в Республике Мордовия (2013—2018 гг.)», Государственная программа «Гармонизация межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Мордовия» на 2014—2020 гг.

Удовлетворению национальных потребностей всех народов, проживающих на территории республики, служат национально-культурные автономии. В число НКА, включенных в реестр зарегистрированных некоммерческих организаций в Мордовии, входят Региональная национально-культурная автономия татар Республики Мордовия «Якташлар» («Земляки») и Местная национально-культурная автономия украинцев г. Саранска Республики Мордовия. Кроме национально-культурных автономий татар и украинцев действуют региональные отделения общероссийских общественных организаций армян и азербайджанцев. Национальные организации мордовского народа на территории российских регионов стремятся к укреплению контактов с Мордовией.

После принятия Закона РФ «О национальнокультурной автономии» национально-культурные автономии и центры мордовского народа появились в Башкортостане, Татарстане, Чувашии, Нижегородской, Московской, Оренбургской, Пензенской, Самарской, Ульяновской областях, Санкт-Петербурге, Сыктывкаре. В последние годы круг мордовских национальных организаций постоянно расширяется. Начали работать Владимирская областная общественная организация «Вайгель», Рязанское общество «Вейсэ», Санкт-Петербургское «Мордовское землячество», Челябинский Центр мордовской культуры и др. Представители диаспоры активно привлекаются властями республики для участия в крупных республиканских мероприятиях. Работа с мордовскими национальными общественными организациями является значимой составляющей политики руководства Мордовия в области национальных отношений⁷.

В ходе реализации госпрограммы по гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений в Мордовии в 2015 г. количество национальных общественных объединений, в том числе национально-культурных автономий регионального и местного уровня, достигло 29, а национально-культурных центров, домов дружбы, домов национальностей, центров встреч, деятельность которых направлена на гармонизацию межнациональных отношений и профилактику этнического экстремизма в Республике Мордовия, — 6.

В рамках государственной поддержки общественных инициатив по реализации проектов в сфере государственной национальной политики Мордовии, укрепления и развития межнационального сотрудничества проводится Международная этнокультурная экспедиция-фестиваль «Волга — река мира. Диалог культур волжских народов», в которой в 2014 г. приняли участие 75 человек, а в 2015 г. — 99 человек из 13 регионов РФ.

С целью создания информационных ресурсов, направленных на укрепление гражданского патриотизма и российской гражданской идентичности, в 2014 г. была организована подписка и доставка национальных газет и журналов для мордовской диаспоры, проживающей в субъектах РФ с компактным проживанием мордовского населения; в региональных и республиканских печатных изданиях опубликовано 552 материала по данной теме; издано 25 книг, из них 10 на мордовском (эрзянском и мокшанском) языках. В 2015 г. проведена работа по изданию буклета «Мордовия многонациональная»; издано 16 книг; размещено в республиканских СМИ 343 материала, в районных СМИ – 720 материалов; на телеканале «ТелеСеть Мордовия» 9 раз в неделю выходит программа «Од пинге», 1 раз в неделю - «Велесь тече».

В числе постоянных мероприятий по совершенствованию государственного управления в сфере государственной национальной политики Республики Мордовия, профилактике этнополитического и религиозно-политического экстремизма, ксенофобии — проведение республиканских совещаний с участием правоохра-

нительных и других государственных органов по вопросам предупреждения межнациональных конфликтов, профилактики экстремизма на национальной и религиозной почве; работа экспертно-консультативного совета по межнациональным и межконфессиональным отношениям при Миннаце Мордовии представителей национальных объединений и религиозных организаций региона; проведение Всероссийского конкурса профориентационной работы среди учащихся общеобразовательных школ и учреждений среднего профессионального образования субъектов РФ с компактным проживанием мордовского населения с целью привлечения их на учебу в высшие и средние профессиональные учебные заведения Мордовии «Я выбираю Мордовию»; выделение субсидий некоммерческим организациям на реализацию социально значимых проектов (в 2015 г. их было выделено 12); 13 раз вышла телевизионная программа «Многонациональная Мордовия» с участием представителей национально-культурных автономий и общественных организаций республики. Совместно с религиозной организацией «Еврейская община г. Саранска» проведены Дни еврейской культуры в РМ.

Важной составляющей госпрограммы по гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений в Мордовии являются мероприятия по оказанию грантовой поддержки общественным инициативам, направленным на укрепление гражданского единства, гармонизацию межнациональных отношений и этнокультурное развитие народов, проживающих на территории республики. В первые два года реализации госпрограммы были проведены: этнические вечера с участием представителей национально-культурных автономий и объединений Республики Мордовия «Вместе дружная семья»; республиканские конкурсы «Святыни земли мордовской» и «Наши казаки»; историко-культурный конкурс «Мой храм» и конкурс знатоков православной культуры «Радонеж» и т. д.⁸

Значимым событием стал VI Съезд мордовского (мокшанского и эрзянского) народа «Мордовский народ в формировании общероссийской гражданской идентичности», состоявшийся в Саранске 23–25 октября 2014 г. В его работе приняли участие 344 делегата из 30 регионов России, 73 наблюдателя, а также 317 гостей из Эстонии, Венгрии, Финляндии и других стран. Важными целями съезда стали содействие укреплению общественного межнационального согласия на территории Российской Федерации, развитию духовных и нравственных ценностей мордовского (мокшанского и эрзянского) народа России, обсуждение широкого круга проблем сохранения и развития языков, культуры, национального самосознания мордовского (мокшанского и эрзянского) народа и выработка рекомендаций по их решению⁹.

Решению задач научно-методического обеспечения и повышения квалификации государственных гражданских и муниципальных служащих, в компетенции которых находятся вопросы в сфере общегражданского единства и гармонизации межнациональных отношений, способствуют следующие мероприятия: этнографические исследования мордовской диаспоры РФ в рамках научного проекта «Мордва России»; проведение Международных научно-практических конференций «Социокультурные традиции Поволжья и Приуралья в контексте интегративных связей» и «Русский язык в контексте национальной культуры», круглого стола с руководителями национально-культурных автономий, представителями национальных общественных организаций и союзов «На перекрестке этнокультур», Дней мордовских (мокшанского и эрзянского) языков и русского языка; участие мастеров народных художественных промыслов и ремесел Мордовии в работе Всероссийской выставкиярмарки народных промыслов «Ладья. Зимняя сказка» в г. Москве и др.

По проблемам совершенствования системы адаптации и интеграции мигрантов действует Научно-исследовательский институт регионологии. Он разрабатывает учебно-методические комплекты по истории России и законодательству РФ для мигрантов и организаций, комплексно исследует этнические диаспоры и сообщества мигрантов Республики Мордовия с целью определения общего уровня их адаптации и интеграции, выявления потенциальных и реальных конфликтогенных и дестабилизирующих факторов в жизнедеятельности¹⁰.

Итак, проведенный анализ хода реализации основных документов в сфере государственной национальной политики показывает, что в Мордовии многое делается для сохранения и развития языков и самобытной культуры всех проживающих в ней народов, а также для обеспечения межнационального мира и согласия. Республика играет заметную роль в укреплении финно-угорского сообщества России.

Вместе с тем результаты социологических исследований, экспертные оценки свидетельствуют, что даже в таком стабильном регионе существуют факторы для возникновения межэтнической и межконфессиональной напряженности. Следовательно, гармонизация межнациональных и этноконфессиональных отношений в субъектах Российской Федерации остается актуальной задачей, эффективное решение которой предполагает разнонаправленные постоянные и системные усилия государственных органов власти, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества.

Примечания

1 См.: Богатова О. А., Карьгин А. И. Мониторинг меж-

- этнических и отношений в регионе // Регионология. 2011. № 4. С. 270.
- ² См.: Изергина Н. И., Изергина В. П. Конституция Республики Мордовия 1995 года: 20 лет преобразований: книга для чтения / под ред. Н. М. Арсентьева; Изд. центр ИСИ МГУ им. Н. П. Огарева. Саранск, 2014. С. 175, 178–179.
- $^3\ \ \,$ См.: Богатова О. А., Карьгин А. И. Указ. соч. С. 272.
- ⁴ См.: Расходы на «укрепление российской нации» в следующем году сократятся. URL: http://www.rbc.ru/politics/16/07/2014/936860.shtml (дата обращения: 17.05.2016).
- ⁵ См.: *Богатова О. А., Карьгин А. И.* Указ. соч. С. 268– 269
- ⁶ См.: Полутин С. В., Чушкин А. М. Этнорелигиозные угрозы в Поволжском регионе // Регионология. 2014. № 1. С. 116–117.
- ⁷ См.: *Изергина Н. И., Изергина В. П.* Республика Мордовия в России и мире: учеб. пособие / под ред. Н. М. Арсентьева; Изд. центр ИСИ МГУ им. Н. П. Огарева. Саранск, 2013. С. 217, 222.
- 8 См.: Отчет о ходе реализации государственной про-

граммы «Гармонизация межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Мордовия» на 2014–2020 годы. 20.03.2015. URL: http://minnac.emordovia.ru/news/view/24148 (дата обращения: 17.05.2016); Отчет о ходе реализации государственной программы «Гармонизация межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Мордовия» на 2014–2020 годы. 04.02.2016. URL: http:// minnac.e-mordovia.ru/news/view/27354 (дата обращения: 17.05.2016).

- ⁹ См.: *Изергина Н. И., Изергина В. П.* Конституция Республики Мордовия 1995 года... С. 196–197.
- 10 См.: Отчет о ходе реализации государственной программы «Гармонизация межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Мордовия» на 2014–2020 годы. 20.03.2015. URL: http://minnac.e-mordovia.ru/news/view/24148 (дата обращения: 17.05.2016); Отчет о ходе реализации государственной программы «Гармонизация межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Мордовия» на 2014–2020 годы. 04.02.2016. URL: http://minnac.e-mordovia.ru/news/view/27354 (дата обращения: 17.05.2016).

УДК 328.36

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИСЛАМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Д. Г. Мирзаханов

Дагестанский государственный технический университет, Махачкала

E-mail: mirzakhanov1962@mail.ru

В статье рассмотрены различные теоретико-методологические подходы к изучению исламского фактора в политической жизни современной России в контексте процессов глобализации и усиления активности экстремистских исламских движений в различных регионах мира.

Ключевые слова: исламизм, политический ислам, методология изучения политического ислама, модели интеграции мусульман в поликонфессиональное сообщество.

The Problems of Methodological Approaches for Study of Political Islam in Modern Russia

D. G. Mirzakhanov

In this paper analyzes a theoretical and metodological approaches toward study Islamic factor in modern Russian politics. The author sctutinize this process in the context of globalization and development of activity of the Islamic extremist forces in different regions of the contemporary world.

Key words: Islamizm, political Islam, metodological approaches to study of political Islam, the models of integration of Muslim people into multiconfessional society.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-3-326-329

Проблема исламского фактора в политической жизни России (так же как и в мире в целом) очень сложна и противоречива. Обусловлено это, прежде всего, тем, что в последние годы радикальные представители ислама смогли не только распространить свое влияние на определенную часть мусульман в разных странах, но и захватить значительную часть арабских государств и заявить о создании Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ), на территории которого они на практике демонстрируют свой вариант реализации ценностей и норм ислама времен пророка Мухаммеда. Ужасающие кадры кровавых публичных массовых казней, распространяемые в сети Интернет, уничтожение исторических памятников культуры в Ираке и Сирии вызвали осуждение представителей мирового сообщества и позволили оценить сторонников ИГИЛ как самых опасных сторонником мирового терроризма. Не случайно, несмотря на разногласия и обострение кризисных отношений между Россией и странами НАТО в связи с событиями на Украине и возвращением Крыма в состав России, присоединение России к борьбе против ИГИЛ и военная операция на территории Сирии вызвали в основном одобрение со стороны мирового сообщества.

Тем не менее, имеют место многочисленные факты успешной вербовки сторонников ИГИЛ в самых разных странах мира: от экономически благополучных государств Евросоюза, молодых государств на постсоветском пространстве и до беднейших стран Азии и Африки. Эти факты свидетельствуют о том, что задача успешной борьбы с исламскими террористами не может быть решена только военными способами, и для ее искоренения необходимо всесторонне разобраться с конкретной ситуацией в каждой стране, где есть мусульманское население. Обусловлена эта конкретизация тем, что исламизм (понимаемый большинством исследователей как политический ислам1) «является органической частью социокультурной традиции в исламе. Иначе говоря, он заложен в Коране и Сунне пророка, образующих фундамент мусульманской цивилизации и культуры. Но присутствует он в умеренной, центристской и радикальной форме, что заставляет отойти от однозначной оценки исламизма как явления исключительно экстре-

Россия в этом отношении представляет уникальный опыт многовековых традиций совместного проживания представителей различных конфессий на территории одного государства. Особое место в этом наследии занимает опыт взаимодействия религии и политики³. С учетом фактической глобализации исламского фактора в современном мире российская ситуация может быть рассмотрена в рамках нескольких принципиально отличающихся исследовательских парадигм.

В соответствии с первой парадигмой «первично многоконфессиональное Российское государство»⁴. Это государство функционирует в мире, где живет свыше одного миллиарда мусульман, и оно «действует на международной арене с учетом данного факта»⁵.

В рамках данной исследовательской парадигмы возможны различные трактовки. В период СССР официальной была социалистическая модель, в рамках которой свобода вероисповедания сопровождалась активной атеистической пропагандой со стороны всех государственных и общественных институтов, она постепенно должна была привести к тому, что религия должна быть изжита и заменена коммунистической моралью и ценностями. Поэтому политическая интеграция мусульман в рамках СССР рассматривалась условно на тактическом и стратегическом уровнях. Тактически было важно привлечь на свою сторону мусульманские народы России не только обоснованием справедливого социально-политического и социально-экономического устройства, но и лояльным отношением к свободе вероисповедования. Стратегически вся система политической социализации (школа, вузы, пионерские и комсомольские организации, профессиональные и творческие союзы, СМИ,

искусство) была нацелена на активное и повсеместное внедрение атеистических идей (подкрепляемое административными ограничениями в отношении служителей культа). С распадом СССР и процессами строительства демократической России данная модель фактически изжила себя, так как даже лидеры КПРФ демонстрируют не только лояльность к свободе вероисповедования, но и свою приверженность к традиционным религиозным ценностям.

Сторонники либеральной модели акцент делают на том, что первичны, прежде всего, права и свободы гражданина, независимо от его конфессиональной принадлежности. Либеральная демократия и рыночные принципы являются универсальным фундаментом такой модели, которая постепенно в результате процессов глобализации должна распространиться в большинстве стран мира. Право на свободу любого вероисповедования или атеизма объявляется личным делом каждого гражданина. При таком подходе ни о какой исламской субсистеме в политической системе речи быть не может, а государственная защита мусульманских ценностей реализуется в рамках политики мультикультурализма. Однако, как показали многочисленные конфликты последних лет в странах Евросоюза, мигранты-мусульмане не хотят интегрироваться в политико-культурное и правовое пространство объединенной Европы и требуют учета своих традиционных норм и ценностей как приоритетных по отношению к нормативно закрепленным общегосударственным нормам.

В рамках консервативной модели, наряду с политическими и социально-экономическими правами, учитываются коллективно разделяемые традиции и религиозные ценности граждан. В этой связи возникает ключевая проблема, состоящая в определении совместимости соблюдения исламских норм и наличия лояльности в отношении светского государства, каким, по конституционному определению, является современная Россия.

Соотношение приверженности исламу и гражданской лояльности, на наш взгляд, выступает той «лакмусовой бумажкой», которая позволяет определить характер и степень взаимодействия политического ислама и существующих государственных институтов в современной России.

Наиболее радикальная степень отсутствия такой лояльности представлена в рамках второй парадигмы, условно обозначаемой исследователями как «мусульманский» подход. Его сторонники утверждают «что первична всемирная умма (мусульманская община), а функции государства, суверенного права, политических институтов по большому счету сводятся к фиксации сугубо территориальных рамок, в которых существует та или иная часть верующих» В рамках такого подхода институты Российского

государства, его правовая система оцениваются, прежде всего, степенью «соответствия специфическим интересам и запросам мусульман, причем не только российских»⁷.

Радикальные исламисты требуют изменить роль ислама в жизни общества, «отвергая господствующую идеологию, политическую практику существующего режима и государственное устройство как несоответствующее нормам мусульманской религии»⁸. Наиболее последовательно данную идею внедряют сторонники ИГИЛ, которые отрицают не только государственное устройство различных стран Евросоюза и других светских государств в мире, но и политическую систему стран, в которых преобладает мусульманское население. Их цель — построение всемирного халифата, действующего на средневековых нормах шариата, понимаемых буквально в современных условиях.

По мнению А. Д. Саватеева, в отечественной политологии существует три подхода к анализу радикальных течений в исламе: «1) метод дифференциальной интенсивности; 2) источниковедческий, или текстологический; 3) синтезный, или сущностный»⁹. Первый подход нацеливает на изучение различных степеней/ступеней интенсивности исламизма в жизни. Первая степень, по мнению исследователя, означает строгое соблюдение самим мусульманином требований ислама в личном поведении и мыслях, что, по сути, представляет собой обычный религиозный фундаментализм. Вторая степень характеризуется обращением представителей первой группы к своим единоверцам с требованием твердо следовать исламским нормам. Третья степень характеризуется стремлением навязать ислам представителям других религий. Для представителей четвертой степени характерно требование воссоздания теократического государства (хотя и без склонности прибегать к вооруженной силе). Для пятой степени характерно использование вооруженной борьбы (военный джихад) для воплощения идеи исламского государства. Именно для последней группы имманентно присущи экстремизм и терроризм¹⁰. Как представляется, такой методологический подход дает возможность изучить структурирование исламского сообщества в современной России по степени мотивационной активности и целенаправленности использования исламских ценностей, но не позволяет объяснить причины данной дифференциации.

Источниковедческий подход дает возможность компенсировать данный недостаток, так как основан на изучении различных священных текстов с точки зрения особенностей доктринальных норм, обращенных к истокам веры. Однако методика, нацеленная на понимание идейной мотивации поведения различных групп мусульман, основанной на той или иной интерпретации религиозных текстов, имеет свою собственную слабость, «поскольку в значительной

степени замкнута на решении текстологических проблем и в силу этого порой отстает от происходящих изменений в жизни мусульманского общества»¹¹.

Синтезный подход нацеливает на соединение анализа религиозных текстов и их интерпретаций в трудах исламских теологов различных периодов и исследований разных практических проявлений исламизма. Такой методологический подход представляется наиболее оптимальным. Тем не менее, он также не дает возможности осмыслить причины резкого усиления исламского радикализма в последние десятилетия. Это объяснение видится возможным, прежде всего, в изучении взаимосвязи данной активности с социально-экономическим развитием России в постсоветский период. Падение уровня жизни, рост безработицы, резкое расслоение на бедных и богатых, девальвация нравственных ценностей стали ключевыми мотивационными факторами неприятия складывающейся после распада СССР политической и социально-экономической системы как несправедливой. В качестве альтернативы поиска справедливого общественного устройства мусульмане обратились к духовным истокам ислама¹². Как представляется, именно социальная неудовлетворенность российских мусульман стала одной из причин того, что часть из них ищет выход в радикальном изменении существующего строя на основе возврата к нормам шариата 13 .

По сути, это стало отражением общемировой тенденции, проявившейся в результате распада СССР, когда вместо противостояния двух социально-политических и социально-экономических систем пришла политика глобализации 14. Ее базовой основой стало теоретическое обоснование однополярного мира, в котором доминирующую роль играют США и их союзники, навязывающие безальтернативную либеральную модель демократии во всех других странах. Главным инструментом воздействия стала «мягкая сила» 15, однако в значительном ряде случаев решающую роль сыграло применение вооруженной силы (в том числе и с нарушением норм существующего международного права). Значительная часть вооруженных вмешательств США и стран НАТО, а также «цветных революций», осуществленных на постсоветском пространстве и в рамках так называемой «арабской весны», затронула страны с мусульманским населением и привела к крайне негативным последствиям¹⁶. Война в Афганистане и Ираке, свержение М. Каддафи в Ливии, инспирирование гражданской войны в Сирии не только не привели к установлению стабильных демократических режимов в этих странах, но принесли разруху, гибель сотен тысяч людей, появление миллионов беженцев¹⁷. Очевидно, что такая модель либеральной глобализации не могла вызвать положительного отношения у мусульман и стимулировала их на

защиту своих традиционных ценностей и своего права самостоятельно решать вопрос о выборе общественно-политического и социально-экономического устройства.

Этому способствовала и эволюция самой модели либеральной демократии в западноевропейских странах в сторону усиления фактически неограниченной толерантности, которая вызывает неоднозначное отношение со стороны сторонников традиционных ценностей, в том числе и со стороны мусульман¹⁸.

Таким образом, наиболее оптимальным подходом к анализу уровня и характера политичности исламского сообщества в современной России представляется многофакторная методология. В совокупность факторов, определяющих соотношение религии и политики, входят не только религиозные (социокультурные) мотивы политизации ислама, но и социально-экономические мотивы, обусловленные, прежде всего, степенью неудовлетворенности российских мусульман накопившимися проблемами в этой области. Поэтому изучение роли исламского фактора в современной России может быть результативным на основе парадигмы, в основе которой лежат несколько взаимосвязанных систем координат, позволяющих выявить взаимосвязь распространения различных трактовок ислама в конкретных российских регионах с мусульманским населением, имеющих свою историю вхождения в состав России, конкретную демографическую и этноконфессиональную структуру, особенности социально-экономического положения среди других регионов. Такая стратификация позволит выработать многовекторную государственную политику РФ в области этноконфессиональных отношений, сделать ее адекватной конкретным историческим и современным условиям каждого российского региона.

Примечания

- См.: Игнатенко А. А. Ислам и политика. М.: Ин-т религии и политики, 2004.
- ² Саватеев А. Д. Политический ислам в концепциях

- российских исследователей // Ислам в современном мире. 2015. Т. 11, № 2. С. 109.
- ³ См.: Кудряшова И. В. Как изучать взаимодействие религии и политики? // Политическая наука. 2013. № 2. С. 9–24.
- ⁴ Вагапов Р. Н., Вагапова Ф. Г. Взаимодействие исламских организаций и государства в Российской Федерации: пути обеспечения общественно-политической и социальной стабильности // Ислам в современном мире. 2015. Т. 11, № 2. С. 102.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же.
- 7 Там же.
- 8 Арухов З. С. Экстремизм в современном исламе. Очерки теории и практики. Махачкала: Агентство «Кавказ», 1999. С. 4.
- ⁹ Саватеев А. Д. Указ. соч. С. 110.
- ¹⁰ Там же.
- 11 Там же. С. 112.
- 12 См.: Хакимов Д., Захарова Н., Магомедов А. Ислам на юге России: «исламская альтернатива» в пределах каспийско-предкавказских мусульманских коммуникаций // Россия и мусульманский мир. 2009. № 7. С. 36–49.
- 13 См.: Абдулагатов З. М. Северокавказский мусульманин: между законами государства и нормами ислама // Дагестанский социологический сборник. Махачкала: Алеф, 2013. С. 25–38.
- 14 См.: Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / пер. с англ. П. М. Кудюкина; под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. СПб.: Университетская книга, 2001.
- 15 См.: Вилков А. А. «Мягкая сила» как элемент имиджевых технологий во внутренней и внешней политике // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2014. Т. 14, вып. 2. С. 66–74.
- 16 См.: Амин С. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира. М.: Европа, 2007.
- 17 См.: Вилков А. А. Родоплеменной и религиозный фактор в технологиях современных «цветных революций» (на примере Ливии) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 53–59.
- 18 См.: *Мирский Г. И.* Политический ислам и западное общество // Полис. 2002. № 1. С. 78–86.

УДК 32.019.51

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ И КРАУДСОРСИНГ: ОТ ТОЛПЫ К ПУБЛИКЕ

С. А. Панкратов

Волгоградский государственный университет E-mail: c.pankratov@mail.ru

С. В. Шакарбиева

Волгоградская государственная академия последипломного образования

E-mail: svsh1963@yandex.ru

В статье говорится о том, что на современном этапе ускорились процессы формирования публичной политической коммуникации. Авторы описывают разницу между толпой и публикой; показывают роль краудсорсинга в этом процессе.

Ключевые слова: публика, толпа, политическая коммуникация, краудсорсинг.

Public Political Communication and Crowdsourcing: from Crowd to Public

S. A. Pankratov, S. V. Shacarbieva

The article says that at our time has accelerated the processes of formation of public political communication. The author describes the difference between crowd and public; shows the role of crowdsourcing in this process.

Key words: public, crowd, political communication, crowdsourcing.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-3-329-333

Задолго до появления понятия «краудсорсинг» функции его как технологии рассматривались многими мыслителями, среди которых хотелось бы выделить работу Г. Тарда «Общественное мнение и толпа», в которой ученый, обращаясь к важности понятия «разговор», пишет: «...среди этих действий, в результате которых появляется мнение, мы станем искать самое общее и постоянное, то без труда убедимся, что таковым является разговор, элементарное, социальное отношение, совершенно забытое социологами...»¹. Наиболее популярным определением понятия «краудсорсинг» (англ. crowdsourcing, crowd – «толпа» и sourcing – «использование ресурсов») является следующее – это привлечение к решению тех или иных проблем инновационной производственной деятельности широкого круга лиц для использования их творческих спо $coбностей^2$.

Сравнивая высказывание Г. Тарда с современностью, отметим, что разговор, который часто теперь ведут политики с народом, внешне носит форму диалога (например, во время пресс-конференций), что создает у граждан впечатление некоторого «присоединения» к обсуждаемым проблемам. Однако вопрос здесь заключается в том, насколько подобные «разговоры» влияют на формирование общественно-политического мнения и насколько это мнение устойчиво. Может быть, следует предположить, что любое мнение устойчивее тогда, когда публика сама создает историю, в которую и верит, что, собственно, и производит краудсорсинг.

Как это ни удивительно, у Г. Тарда находим буквально предсказание возникновения технологии, которую теперь мы именуем краудсорсингом: «Полная история разговора у всех народов во все времена была бы в высшей степени интересным документом социального знания; и если бы все трудности, которые представляет этот вопрос, удалось победить с помощью коллективной работы многочисленных ученых, то нет сомнения, что из сопоставления фактов, полученных по этому вопросу у самых различных между собою народов, выделился бы большой запас общих идей, которые позволили бы сделать из сравнительного разговора настоящую науку, немного уступающую сравнительной ре-

лигии, сравнительному искусству и даже сравнительной промышленности, иначе говоря, политической экономии»³.

Из данного высказывания становятся очевидными изменения, произошедшие за последние сто с лишним лет. Благодаря современным информационным и другим технологиям стало абсолютно возможным как раз «выделение большого запаса общих идей, которые позволяют делать из сравнительного разговора настоящую науку», а в действительности «настоящие науки», связанные с изучением особенностей массовой коммуникации и доказывающих верность понимания Г. Тардом различий в трактовке толпы («Толпа – это социальная группа прошлого; после семьи она самая старинная из всех социальных групп. Она во всех своих видах – стоит ли или сидит, неподвижна или движется - не способна расширяться дальше известного предела; когда ее вожаки перестают держать ее in manu, когда она перестает слышать их голос, она распадается»⁴) и публики («...Но публика бесконечно растяжима, и так как по мере ее растяжения ее социальная жизнь становится более интенсивной, то нельзя отрицать, что она станет социальной группой будущего. Таким образом, благодаря соединению трех взаимно поддерживающих друг друга изобретений: книгопечатания, железных дорог и телеграфа, приобрела свое страшное могущество пресса, этот чудесный телефон, который так безмерно расширил древнюю аудиторию трибунов и проповедников. Итак, я не могу согласиться с смелым писателем, д-ром Лебоном, заявляющим, что наш век – это "эра толпы". Наш век – это эра публики или публик, что далеко не похоже на его утверждение 5).

Рассуждения Г. Тарда о толпе, публике и способах превращения первой во вторую, предвосхитившие Интернет, сегодня можно назвать пророческими и в плане рождения краудсорсинговых технологий, потому что в основе такого «превращения» лежит стихийная образованность индивидов, которые обладают возможностями просвещаться независимо от кого- и чего-либо. Необходимым и достаточным условием для того, чтобы, например, быть услышанными, являются лишь ординарные умения и навыки, связанные с современными технологиями, доступными каждому.

В данном контексте представляется интересным обратиться к исследованию «мудрой толпы» Дж. Шуровьески, выделившему четыре условия, характеризующие ее: многообразие мнений (каждый индивид должен обладать собственным мнением, пусть это даже самая невероятная интерпретация известных фактов); независимость участников (мнение отдельных членов группы не зависит от суждений окружающих); децентрализация (граждане имеют возможность основываться на локальных сведениях); агрегирование (механизм объединения личных мне-

ний в коллективное решение). Дж. Шуровьески убежден, что «...если в группе соблюдены все перечисленные условия, ее общее "суждение" с большой степенью вероятности окажется точным»⁶.

Исследуя «мудрую толпу», Дж. Шуровьески приводит пример катастрофы космического корабля «Челленджер», которая произошла 28 января 1986 г. «Тут же отреагировал фондовый рынок... Уже через несколько минут упали в цене акции четырех главных компаний-подрядчиков, участвовавших в запуске "Челленджера"... Больше всего пострадали акции Morton Thiokol. Это означало, что фондовой рынок практически мгновенно отметил Morton Thiokol как компанию, более других ответственную за гибель "Челленджера"... Как отмечалось, в день катастрофы не было сделано публичных комментариев, называвших Thiokol единственным виновником катастрофы. В статье, появившейся в New York Times следующим утром и посвященной трагедии, отмечалось: "Причины катастрофы неизвестны"... Как ни парадоксально, "коллективный разум" в лице фондового рынка оказался прав. Через шесть месяцев после взрыва президентская Комиссия по расследованию обстоятельств гибели "Челленджера" установила, что при взлете ухудшилась эластичность уплотнительных колец (изоляторов, которые должны были воспрепятствовать высвобождению отработанных газов) на ракетоносителе, изготовленном компанией Thiokol»⁷.

Однако четыре условия, характеризующие, по Дж. Шуровьески, «мудрую толпу», присутствуют не всегда, поэтому существует большая вероятность того, что групповое суждение может оказаться неверным. По мнению ученого, чтобы группа проявила коллективную мудрость, должны присутствовать хоть какие-нибудь достоверные сведения в «информационной» части уравнения «информация минус ошибка». При этом для него не является удивительной мудрость группы: «...поскольку люди — продукт эволюции, то можно предположить, что нам изначально даны потрясающие способности для познания окружающего мира»⁸.

Исходя из этого, почему бы не предположить, что такие же «потрясающие способности» существуют у индивидов и в процессе выполнения какой-либо социально-политической, научно-политической или культурно-политической задачи? Стоит заметить, именно власть содержит в себе механизм, раскрывающий гражданам определенные пути получения дополнительных возможностей для реализации своих потребностей. Тем более Дж. Шуровьески обращает внимание на еще один важный вывод: «Принято думать, что среднее — это заурядное. Но в случае принятия решений дело обстоит как раз наоборот. Мы словно запрограммированы на коллективную мудрость» 9.

Эта мысль подтверждает правомерность спиральной краудсорсинговой модели публичной политической коммуникации: коммуникационное поле каждого индивида взаимодействует с коммуникационными полями членов группы, создавая определенное напряжение для развития смыслов этой самой коммуникации и перехода на новый виток взаимодействия (так как в этом взаимодействии рождаются новые смыслы). И значительную роль здесь играют «коммуникационные нити» (связи), соединяющие исходные индивидуальные смыслы с теми, что продуцирует «мудрая толпа», т. е. группа. Также знание одних агентов коммуникации компенсирует незнание, неосведомленность других, что осуществляется (соответственно нашей модели) также посредством «коммуникационных нитей», соединяющих уровни коммуникационной спирали. При этом разнонаправленность и неоднородность смыслов создают ситуацию неравномерности «коммуникационных нитей», что позволяет говорить о спиральном характере данной модели.

Для участия в политическом процессе одновременно больших публичных групп необходимо понимать, что для этой публики государство - мир, в котором она пребывает; насколько публика осведомлена об истории своей страны, ее современных потребностях и стратегиях будущего. Без этих системных знаний трудно представить возможности политического краудсорсинга. Скорее всего, данная технология в этом случае окажется бессильной. Также у Дж. Шуровьески находим соответствующую мысль: «Для принятия действительно успешных решений, несомненно, требуется больше, чем всего лишь общая картина окружающего мира. В дополнение требуется картина мира, который грядет (или, по крайней мере, может наступить)»¹⁰

Таким образом, «картина мира» для эпизодически образованной, но в целом «мудрой» в принятии решений толпы — это своего рода
«мозаика», складывающаяся из частей осведомленности многих. Части этой «мозаики» и есть
поля коммуникации, соединяющиеся «коммуниационными нитями». Изменение же «картины
мира» — исключительно следствие политических
процессов, которые сегодня становятся неотъемлемой частью сетевой сущности публичной политической коммуникации.

В политике, как считает А. В. Курочкин, в связи с широким распространением сетевых структур и методов координации взаимодействия существенные изменения произошли в технологиях политической мобилизации граждан, кардинальном расширении способов политического участия, изменении роли и функций национального государства: «Национальное государство начинает существовать как минимум в двух измерениях: глобальном и локальном. В результате образуется новая форма государства — так называемое сетевое государство, в котором

принятие решений есть результат сложного процесса переговоров и согласований на всех уровнях. В этот процесс оказываются вовлеченными центральное правительство, субнациональные органы государственной власти, международные институты, местное самоуправление и неправительственные организации. Таким образом, государство начинает функционировать как сеть»¹¹.

Благодаря краудсорсингу новые технологии реально повысили прозрачность и открытость процесса принятия решений, значительно оптимизировали информационный обмен, открыли новые возможности для вовлечения граждан в политический процесс и, прежде всего, расширили возможности демократического участия¹². Отсюда следует, что краудсорсинг способен не только привлекать желающих реализоваться в том или ином виде деятельности или политического участия, но и создает масштабные (пространственные) условия для вовлечения образованных, разумных, современно мыслящих граждан в решение задач государства посредством общественной, политической или бизнесактивности.

Краудсорсинг с огромной скоростью становится коммуникационной политтехнологией, так как сетевое пространство буквально заставляет взаимодействовать власть, общество и бизнес. По всей вероятности, такая его популярность все-таки связана с изначально заложенным в нем механизме признания профессионализма, таланта или способностей огромного количества активных граждан.

Тема краудсорсинга только начинает прорабатываться в науке, однако Джеф Хау в своем замечательном труде «Краудсорсинг. Коллективный разум как инструмент развития бизнеса» обращает внимание на тот факт, что «...как бы ни было велико число добровольцев, с удовольствием принимающих участие в конкурсах, главное здесь не деньги. Главный стимул – вызвать к себе уважение или, выражаясь современным языком, речь идет о зарождающейся экономике репутации, когда люди делают ту или иную работу в надежде получить признание от сообщества коллег – будь то художники, ученые или компьютерные хакеры» 13. А это уже вопрос «человеческого капитала», понимаемого как совокупность знаний, умений, навыков, использующихся для удовлетворения многообразных потребностей граждан и социума в целом.

Проблема управление человеческими ресурсами является одним из важнейших аспектов теории и практики управления в целом и публичной политики, политического менеджмента в частности. Человеческий ресурс в настоящее время — это не просто новое восприятие человеческого фактора в политэкономии, он сам представляет конкретную интеллектуальную силу и одновременно является объектом воздействия. Надо признать, что в сфере политики так было

всегда: индивид – субъект политических отношений.

В настоящее время, вследствие усиления личностного начала в структуре потребностей и ценностей, индивид становится субъектом, а не фактором политэкономической системы. Меняется характер труда и капитала. Информация и знание превращаются во все более значимый фактор политического производства, что приводит к серьезным изменениям в характере понятия «человеческий капитал». Накопление человеческого капитала и использование потенциала человеческих ресурсов оказывает влияние и на социально-экономические показатели, на уровень жизни, а в политической сфере - на стабильность социально-политического развития и роль того или иного государства в мировом политическом процессе 14. Однако наиболее важным в данном контексте является мысль о том, что эффективность функционирования и степень отдачи от применения человеческого ресурса обусловлены свободными волеизъявлениями его владельца, индивидуальными интересами, предпочтениями и ценностями, культурным и морально-нравственным уровнем.

Постановка вопроса о том, применим ли краудсорсинг как политтехнология в России, возможна лишь при четком понимании того, в каком состоянии находится «человеческий капитал» в нашей стране. Аналитическая группа Всемирного экономического форума опубликовала результаты рейтинга стран по Индексу развития человеческого капитала (Human Capital Index 2015). В исследовании, охватившем 124 страны, учитывались 46 показателей, которые отражали состояние четырех сфер: образование и профессиональная подготовка, физическое и психологическое здоровье, занятость и трудоустройство, правовая защита и социальная мобильность. Возглавили рейтинг скандинавские страны, а Россия заняла в рейтинге 26-е место, опередив все страны СНГ¹⁵

Данные исследования говорят о том, что вовлечение большого количества людей в решение конкретных задач общества, бизнеса или власти вполне может оказаться рациональным и иметь свои позитивные особенности по той лишь причине, что россияне достаточно образованы, чтобы полноценно участвовать в краудсорсинговых проектах, таких как, например, создание и голосование за символы Олимпиады в Сочи, которые, войдя в историю мирового олимпийского движения, играют серьезную роль в развитии имиджа страны на международной арене.

Таким образом, краудсорсинг — это еще и технология создания пространства делегированных обязательств, где желающим передается право предложить решение конкретной задачи, доверяется предоставить варианты рационального подхода к той и иной проблеме, будь то проблема бизнеса, общества или власти. Кроме

этого, краудсорсинг как политтехнология обладает способностью к само-мониторингу, когда результаты проведенных работ, также с помощью привлеченных желающих проявить себя в данном направлении, исследуются и предлагаются в готовом виде заказчику. Так краудсорсинг формирует новую сферу интеграции бизнеса, общества и власти, в которой неравнодушных и заинтересованных людей (публика) больше, чем индифферентно настроенных наблюдателей (толпа).

Границы такой сферы или, как мы предлагаем называть ее, краудсорсингового пространства определяются не линиями на карте, а количеством участников грандиозного созидательного процесса, формирующего собственно публику, т. е. высококомпетентных и информированых людей, способных вести грамотный диалог в огромном пространстве инициатив. Следовательно, краудсорсинговое пространство - это еще и пространство инициатив, открывающих безграничные возможности для бизнеса, общества и власти. С этой позиции краудсорсинг представляется полноценной политтехнологией, насыщенной социокультурным и экономическим содержанием, способной прогнозировать важные для государства возможности и выстраивать стратегические шаги по их реализации. При этом, будучи глобальной, данная технология индивидуально ориентирована, что немаловажно при формировании диалога «общество – бизнес – власть».

Так, например, автор книги «Краудсорсинг для демократии: новая эра в принятии политических решений» Таня Аитамурто (Tanja Aitamurto) рассматривает применение краудсорсинга при выработке политического курса. В книге приведены примеры использования краудсорсинга в политике в разных странах, на основании которых анализируется роль карудсорсинга в демократии¹⁶. Основной интерес для нас это исследование представляет в контексте составляющих успешного краудсорсинга и сложностей реализации краудсорсинговых мероприятий. В частности, говоря о составляющих успешного краудсорсинга, Таня Аитамурто описывает восемь четких позиций, которые наглядно характеризуют проектную его сущность: определение конечной цели и шагов ее достижения; коммуникация; простой интерфейс; управление краудсорсинговым проектом; продолжительность проекта; мероприятия; анализ и мониторинг проекта и вовлеченность в проект.

Пока еще краудсорсинг остается относительно новым и непривычным инструментом, но имеет потенциал стать нормой. Результаты исследований о применении краудсорсинга в политике свидетельствуют о том, что граждане хотят влиять на политику и использовать для этого цифровые инструменты. Таким образом,

краудсорсинг, наряду с другими инструментами, создает новые возможности для гражданской активности в политике. Это новый способ достичь цели — демократического, равноправного общества, в котором каждый может быть услышан. Подводя итог, отметим, что краудсорсинг можно считать сегодня одной из эффективнейших технологий политического проектного менеджмента, где управление — это самоорганизующийся процесс с учетом интересов каждого его участника.

Исследование выполнено при финансовой поддержке $P\Gamma H\Phi$ и Администрации Волгоградской области (проект № 15-13-34011).

Примечания

- ¹ Тард Г. Общественное мнение и толпа. Изд-во Т-ва типографии А. И. Мамонтова, М., 1902 (с приведением текста к нормам современного русского языка). М. : Ин-т психологии РАН; КСП+, 1999. С. 3.
- ² См.: Хау Дж. Краудсорсинг. Коллективный разум как инструмент развития бизнеса: пер. с англ. М.: Альбина Паблишер, 2012. С. 5.
- 3 Там же.
- ⁴ Тард Г. Указ. соч. С. 5.
- 5 Там же. С. 6.
- ⁶ Шуровьески Дж. Мудрость толпы. Почему вместе мы умнее, чем поодиночке, и как коллективный разум формирует бизнес, экономику, общество и государство: пер. с англ. М.: ООО «И. Д. Вильяме», 2007. С. 27.
- ⁷ Там же. С. 25.
- 8 Там же. С. 28.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- 11 Курочкин А. В. Теория политических сетей: предпосылки становления и место в современной политической науке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 8, ч. III. С. 119.
- 12 См.: Курочкин А. В. Краудсорсинг как новый метод политического управления в условиях сетевого общества. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2013_9-1_21.pdf (дата обращения: 29.03.2016).
- ¹³ *Хау Дж*. Указ. соч. С. 9.
- ¹⁴ См.: *Казаринова Д. Б.* Управление человеческим капиталом: политические импликации. URL: http://web-local.rudn.ru/web-local/disc/?id=3147&rasd_id=43941&v=3319 (дата обращения: 30.05.2016).
- 15 См.: Человеческий капитал в России и в мире. URL: http://rusrand.ru/sociology/-chelovecheskiy-kapital-v-rossii-i-mire (дата обращения: 29.03.2016).
- 16 См.: Таня Аитамурто. Краудсорсинг для демократии: новая эра в принятии политических решений. URL: https://te-st.ru/2013/05/28/crowdsourcing-for-democracy-new-era-in-policy-making/ (дата обращения: 30.03.2016).

УДК 324:316.6

НАСТРОЕНИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ЭЛЕКТОРАТА В ПРЕДДВЕРИИ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ-2016: ОТНОШЕНИЕ К ВЫБОРАМ, КОНКРЕТНЫМ ПОЛИТИКАМ И ПАРТИЯМ

(анализ результатов массового социологического опроса и фокус-групповых исследований)

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского E-mail: super9999@yandex.ru, aldr.kazakov@gmail.com, poponovdv@mail.ru

Н. О. Назаров

AHO «Центр региональных политических исследований», Саратов E-mail: crpi@yandex.ru

С. Г. Сергеев

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов E-mail: sergeevsg6684@lenta.ru

В статье анализируются результаты массового социологического опроса и серии фокус-групповых исследований, проведенных в ноябре—декабре 2015 г. в муниципальных районах Саратовской области, входящих в состав Саратовского избирательного округа. Исследовались информационные предпочтения населения, его отношение к власти, конкретным политикам, институту выборов и т. д. Сформулированы конкретные рекомендации по выработке электоральных стратегий накануне выборов в Государственную думу РФ.

Ключевые слова: выборы, Саратовская область, фокус-группа, массовый опрос, избирательная кампания, политические предпочтения населения.

Orientations of the Provincial Constituents in Anticipation of the 2016 Elections: Attitude to Elections, Politicians, and Political Parties (Analysis of the Massive Social Surveys and Focus-group Investigations' Results)

M. V. Danilov, A. A. Kazakov, D. V. Poponov, N. O. Nazarov, S. G. Sergeev

The authors analyze the results of the massive social surveys and focus-group investigations conducted in November-December, 2015 in municipal districts of Saratov region which are the parts of Saratov district constituency. People's informational preferences, their attitude to the government, politicians, and elections were probed. Specific recommendations on elaborating electoral strategies in the run-up to the State Duma elections have been formulated.

Key words: elections, Saratov region, focus-group investigation, massive social survey, electoral campaign, political preferences of the population.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-3-334-338

В сентябре 2016 г. в России начинается новый избирательный цикл. Одной из важнейших его составляющих станут выборы в Государственную думу Федерального собрания Российской Федерации. С целью выяснения политических предпочтений и установок жителей Саратовской области в ноябре—декабре 2015 г. — фактически за полгода до старта электоральной кампании — Центром региональных политических исследований (г. Саратов) была проведена серия опросов населения.

В общей сложности было опрошено 210 человек, из них 60 проинтервьюированы в формате фокус-групп и 150 граждан — в режиме массового социологического опроса. Исследования проводились на территории Базарно-Карабулакского, Новобурасского, Петровского и Татищевского муниципальных районов Саратовской области. В настоящей статье содержатся обобщенные результаты аналитической обработки мнений жителей данного региона по наиболее актуальным вопросам политической повестки дня, общей оценке деятельности власти и ожиданиям от предстоящих выборов.

Помимо сюжетов, освещенных в предыдущей статье¹, весьма интересными представляются также результаты анализа мнений граждан о выборах как механизме формирования власти. Доминирующая в обществе точка зрения сводится к тому, что отечественный институт выборов в современных условиях нелегитимен и нефункционален с точки зрения как формирования эффективной и результативной власти, ее последующей ротации, так и решения комплекса общественных проблем.

В массовом сознании выборы чаще всего представляются как «властный междусобойчик» для «легитимной покупки должностей», а не инструмент, посредством которого общество может формировать власть и определять политический курс своего развития. Во многом именно поэтому доминирующей стратегией электорального поведения является формула «выборы ничего не решают, но я все равно на выборы пойду». При этом подчеркивается, что эта поведенческая модель не навязана, а сопряжена с законодательными предписаниями и обусловлена, скорее, привычкой, а также боязнью, что из-за своего неучастия в голосовании бюллетень будет кемлибо и как-либо использован.

Молодые избиратели и представители предпринимательского сообщества в большей мере, чем остальные электоральные группы, не ориентированы на участие в голосовании. Старшее поколение, напротив, в большинстве своем ходит на выборы с надеждой на то, что грядущее волеизъявление граждан позволит изменить ситуацию.

В целом институт выборов признается необходимым атрибутом современной политической системы, посредством которого обеспечивается ее динамика и поступательное развитие. При этом приоритет отдается мажоритарным схемам, ориентированным на голосование за конкретных кандилатов.

Следует заметить, что выборы-2016 однозначно воспринимаются, прежде всего, как федеральная парламентская кампания, однако сам перенос выборов депутатов Государственной думы с декабря на сентябрь 2016 г. отрефлексирован слабо. Отчетливо просматривается интерес к предстоящей агитационной кампании, в том числе к встречам с кандидатами в депутаты, предвыборным дебатам, что позволяет судить о сформировавшемся запросе на конкурентный формат предстоящей избирательной гонки. Вместе с тем общий уровень ожиданий от выборов депутатов Государственной думы остается низким и не конкретизированным, хотя сам результат во многом представляется людям предрешенным («все предрешено – победит "Единая Россия"»).

Говоря об идеальном для большинства респондентов образе депутата, нужно сказать, что основу этого образа составляют морально-этические характеристики (порядочный, честный, неравнодушный и т. д.) и профессиональные компетенции. При этом желательно, чтобы депутат обладал финансовыми возможностями, связями (чтоб оказывал помощь и разбирался в делах») и был местным («должен любить свой край, своих людей, знать и разбираться в местных проблемах»).

Таким образом, ресурсные возможности депутатов выступают значимым компонентом образа идеального представителя региона/района/поселка в представительном органе власти. Фактически тем самым оформляется запрос на новую функциональную роль парламентариев, которые, по мнению граждан, помимо нормативно-правовой работы, должны активнее вовлекаться в решение насущных общественных проблем. Очевидно, что данный общественный запрос связан с определенным функциональным кризисом не только депутатского корпуса, но и политической системы в целом, и является следствием серьезных проблем во взаимоотношениях власти и общества.

Партийная принадлежность не вписана в идеальный образ депутата, однако при этом достаточно отчетливо просматривается оценка ресурсных возможностей того или иного поли-

тического деятеля с точки зрения его близости к «Единой России», которая по-прежнему воспринимается как «партия власти» и «партия Путина». Практически нивелированными остаются половозрастные и этноконфессиональные характеристики депутатов.

В целом же наблюдается тренд на персонификацию образов. Чаще всего в качестве таких персональных ориентиров выступают глава государства («человек слова и дела»), публичные фигуры федерального уровня (чаще всего – С. К. Шойгу и С. В. Лавров), а также представители регионального депутатского корпуса, ведущие активную работу в своем избирательном округе. Кроме этого, просматривается спрос на ярких публичных политиков (образ В. В. Жириновского) и крепких хозяйственников (образы А. Г. Лукашенко и С. С. Собянина).

Отрицательный образ депутата недостаточно четко структурирован. В качестве его компонентов, как правило, выступают достаточно фрагментированные характеристики, такие как «аферист», «коррупционер», «варяг», «временщик», «алкоголик», «болтун» и др. Также однозначно негативно оцениваются такие качества, как высокомерие, надменность, неумолимое стремление к власти. Еще одним компонентом отрицательного образа депутата выступает судимость или его причастность к каким-либо преступлениям. Причем в большинстве случаев негатив вызывает не столько сам факт судимости («судимости бывают разные»), сколько его сокрытие.

Примечательно, что не вызывает явной агрессии финансовая состоятельность депутатов. В подавляющем большинстве случаев достаток рассматривается в качестве дополнительного ресурса, который депутат может задействовать при исполнении полномочий для решения проблем граждан. Вместе с тем в отдельных моментах, особенно у людей старшего возраста, материальное благополучие вызывает отрицательную реакцию.

Восприятие власти в целом достаточно персонализировано. Власть рассматривается, главным образом, как совокупность элитных групп, клиентел отдельных политических деятелей при достаточно низком уровне институционализации. При этом узнаваемость и авторитет федеральных политиков выше, чем у региональных и местных персон.

Среди федеральной элиты четко выделяется когорта политиков, авторитет и доверие которых у общества не вызывают сомнения: глава государства В. В. Путин, министр обороны С. К. Шойгу, министр иностранных дел С. В. Лавров, руководитель Администрации Президента РФ С. Б. Иванов, мэр г. Москвы С. С. Собянин. С меньшей частотой упоминания в эту группу можно также включить вице-премьера Д. О. Рогозина. Чаще всего высоко оцениваются не только профессиональные качества этих госу-

дарственных деятелей, но и их морально-этический облик.

К команде президента респонденты причисляют и премьер-министра Д. А. Медведева. Однако его фамилия часто упоминается в негативном аспекте: подчеркивается его несамостоятельность и даже обременительность для главы государства («топит Путина», «тяжелый груз, привязанный к президенту»).

Образ региональной власти не структурирован. Высокий уровень узнаваемости демонстрируют лишь персоны, постоянно присутствующие в медийном пространстве. При этом зачастую они не пользуются должным авторитетом, поскольку не демонстрируют заметных достижений (результатов) в своей деятельности и не идут на контакт с населением («у нас один губернатор работает», «мы им не нужны, они к нам не приезжают, с нами не общаются»). Возникающий в этой связи дефицит доверия и авторитета удается несколько компенсировать активной работой в своих округах депутатов областной думы и местной власти

Образ главы региона В. В. Радаева конструируется в основном на контрасте с предыдущим губернатором («Радаев лучше, чем Ипатов»). В частности, положительно оцениваются его личностные качества (приятный, правдивый, обстоятельный), а также стремление главы региона «жестко спрашивать с чиновников», идти на контакт с жителями. На этом фоне недостаточной выглядит результативность деятельности губернатора и его команды. В целом образ главы региона балансирует между ролью популиста и «народного губернатора».

В качестве отдельного момента можно отметить весьма неоднозначное отношение к представительным органам власти. В целом низко оценивая функциональную составляющую легислатур («законы принимают, а они не работают»), респонденты по-разному относятся к депутатам муниципального, регионального и федерального уровней. Если муниципальный и региональный депутатский корпус оценивается в категориях «работают, но что они могут сделать?», то депутаты Государственной думы – «сидят, получают зарплату и ничего не делают». На фоне низкой узнаваемости «саратовских» депутатов Государственной думы (как правило, знают только председателя парламентского комитета по аграрным вопросам Н. В. Панкова) данные оценки, очевидно, представляют весьма серьезную проблему в преддверии парламентских выборов 2016 г.

Резюмируя, можно сказать, что основными «точками напряжения» в восприятии действующей власти являются замкнутость элитных групп («простые люди депутатами и министрами не станут»), безнаказанность ее представителей и отсутствие конструктивного диалога и обратной связи с населением.

Политические партии рассматриваются населением весьма неоднозначно. С одной стороны, признается, что любая партия — это важный политический инструмент современной демократии («партии должны, взаимодействуя с властью, решать проблемы общества»), однако, с другой стороны, низкая результативность современных партий и слабо организованная партийная работа на местах существенно корректируют данные оценки, ставя под сомнение необходимость их существования.

Сложившаяся в стране многопартийность в целом воспринимается негативно. Респонденты подчеркивают ущербность сложившейся ситуации, отмечая, что многопартийность в России «существует только на бумаге» и практически все современные партии являются «фикциями» и «карманными структурами», которые не имеют возможности влиять на ситуацию и решать общественные проблемы.

«Единая Россия» однозначно воспринимается как «партия власти», поскольку является самой ресурсной и влиятельной структурой. Однако электоральные успехи этой партии связываются в основном с административным ресурсом («пропагандируют только ЕР», «перед выборами нам сказали "забудьте про другие партии!"»), а не с качеством партийной работы. Но несмотря на все это, согласно данным нашего массового опроса, партию готовы поддержать на предстоящих выборах более 56% респондентов.

Негативные оценки «Единой России» присутствуют и связаны в основном с устоявшимися слоганами («партия жуликов и воров»), подчеркивая качество составляющих ее основу партийных деятелей. При этом данные характеристики не переносятся на всех партийных деятелей («ЕР – партия власти, но там тоже есть разные люди») и на все партийные проекты («ЕР – самая коррумпированная партия, но у нее есть и хорошие проекты»). Однако это отражается не столько на электоральных стратегиях граждан в отношении «партии власти» («голосовали и будем голосовать, потому что больше не за кого»), сколько на уровне доверия «Единой России» («голосуя, хочу доверять, но не получается»).

В качестве единственной альтернативы «Единой России» рассматривается лишь КПРФ (по результатам проведенного опроса, ее поддерживают 10% респондентов). Однако идеология и партийная программа коммунистов, которые некоторое время назад рассматривались в качестве основных ресурсов данной партии, конвертируясь в ходе выборов в депутатские мандаты, постепенно обесцениваются. Низкая степень вовлеченности партии в процессы принятия решений и отсутствие реальных «партийных проектов» снижают уровень электоральной поддержки Коммунистической партии («КПРФ реально ничего не может», «коммунисты себя дискредитировали»). При этом под сомнение

ставится эффективность методов работы коммунистов («коммунисты лишь пишут пасквили и инициируют митинги»).

Обращает на себя внимание то, что значительная доля респондентов (более 20%) вообще отказались бы от участия в голосовании. Каждый десятый опрошенный на данный момент с выбором не определился. Таким образом, треть респондентов может быть причислена к протестно-неопределившемуся электорату. Учитывая это, их голоса (в случае реализации мобилизационного голосования) с большей долей вероятности могут быть отданы оппозиционным партиям. При этом главным фактором, предопределяющим электоральный выбор, выступает деятельность и репутация каждой конкретной партии в общероссийском формате.

В целом, сложившаяся в стране партийная система с доминирующей партией не вызывает отторжения, но потенциально может быть трансформирована за счет расширения числа электорально ресурсных и успешных партий, объединенных под флагами Общероссийского народного фронта. В настоящее время респонденты не склонны рассматривать ОНФ в качестве активного политического актора по причине того, что «фронтовики» не развернули еще полноценной деятельности на муниципальном и региональном уровнях.

Подводя итог анализу результатов фокусгруппового исследования и массового опроса, можно сформулировать следующие выводы и рекомендации.

Прежде всего, достаточно актуальным представляется проведение на постоянной основе органами власти дифференцированной информационной политики, учитывающей особенности района (населенного пункта) и сложившиеся поведенческие модели населения по восприятию информации. Дополнительной проработки требуют вопросы конструирования позитивных региональной и местной повесток, а также создание специальных информационных кластеров, ориентированных на демонстрацию позитивных практик территориального развития.

Под влиянием экономического кризиса, антироссийских санкций и встречных действий со стороны России фокус внимания населения, судя по всему, все больше будет смещаться с внешнеполитической проблематики на внутрироссийскую, прежде всего, экономическую повестку. По мере углубления данного тренда возрастает значимость четких сценариев социально-экономического развития государства и общества, ориентированных на среднесрочную и долгосрочную перспективу, и конкретных программ по их реализации.

Оформившийся в массовом сознании запрос на легитимные, открытые и конкурентные выборы при соответствующей корректировке на этой основе электоральных практик можно рас-

сматривать в качестве значимого фактора оптимизации существующего образа власти, а также коммуникативных и функциональных практик в масштабах политической системы.

В преддверии единого дня голосования 2016 г. целесообразно усилить информационноразьяснительную работу с избирателями, активно вовлекая в эту деятельность представителей депутатского корпуса, преподавателей общественно-политических дисциплин вузов, общественных деятелей. Работа в этом направлении не только позволит компенсировать явный дефицит прямых коммуникаций в системе «власть — общество», но и усилит уровень осведомленности избирателей о специфике избирательной системы, действующем депутатском корпусе, соискателях депутатских мандатов, системе власти в стране и регионе, текущей общественно-политической ситуации.

Сформировавшиеся в массовом сознании образы идеальных политиков в целом опираются на готовые функциональные роли, которые необходимо учитывать при конструировании предвыборных имиджей, по возможности избегая перегибов в морально-этическом плане при их реализации. В рамках избирательной кампании—2016 наибольшие шансы на успех получат ресурсные кандидаты, способные не столько поднять в своей программе актуальные проблемы, сколько предложить конкретные проекты их решения.

Накануне выборов в Государственную думу представляется целесообразным оптимизировать сложившуюся систему взаимодействий власти и общества, расширив практики прямой коммуникации избирателей с кандидатами или их представителями, развернув комплексную программно-идеологическую работу и создав эффективные механизмы обратной связи.

Ситуация, при которой оценка партий производится с точки зрения принесения реальной пользы обществу, создает очевидные преимущества в рамках предстоящей избирательной кампании для кандидатов, которые будут выдвинуты на парламентских выборах «Единой Россией». Риск снижения электоральных показателей в данном случае напрямую сопряжен со сложившимися образами самих кандидатов от «партии власти», чьи личностные и профессиональные профили пока не укладываются в систему представлений и ожиданий избирателей.

В целом, низкий уровень привлекательности партий как политических инструментов потенциально актуализирует персональный фактор предстоящей избирательной кампании, как на уровне кандидатов, так и на уровне лидеров, мнения, которые могут быть включены в выборный процесс. Подбор данных фигур должен стать важной задачей в рамках кампании праймериз и формирования кадрового потенциала стартующей избирательной гонки.

В качестве негативного фактора электоральной кампании можно рассматривать относительно низкую легитимность органов власти (главным образом, муниципальных и региональных) в сельских районах при наличии весьма определенных ожиданий от них (особенно от местных администраций) в решении общественных проблем. Определенным образом скорректировать проблему можно посредством оптимизации информационной работы на местах о деятельности региональных и местных властей, в рамках которой можно сократить сегмент избирателей,

которые не осведомлены о работе чиновников и депутатов или затрудняются ее оценить.

Примечания

1 См.: Данилов М. В. [и др.]. Информационные предпочтения, оценка актуальных проблем и отношение к власти провинциального электората в преддверии федеральных парламентских выборов (анализ результатов массового социологического опроса и фокус-групповых исследований) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 2. С. 193−196.

УДК 327.8

ЗНАЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РЕАЛИЗАЦИИ ЕВРАЗИЙСКОГО ИНТЕГРАЦИОННОГО ПРОЕКТА

О. В. Юров

Западно-Казахстанский государственный университет имени Махамбета Утемисова, Уральск (Республика Казахстан) E-mail: yov1510mail.ru

В статье рассмотрены проблемы интеграции евразийского пространства, связанные с формированием общественного сознания, основной ценностью которого в постсоветских государствах стал национальный суверенитет. Сегодня вопросы интеграции и независимости во многом противопоставлены друг другу. В этой ситуации конструирование позитивной мотивации, единой евразийской идентичности является одним из основных факторов успешной реализации Евразийского проекта.

Ключевые слова: евразийская интеграция, идентичность, политизация этничности, цивилизационные теории, социальные технологии.

The Importance of Social Technologies in the Implementation of the Eurasian Integration Project

O. V. Yurov

The article deals with the problems of integration of the Eurasian space associated with the formation of social consciousness, core value, which was the national sovereignty in the post-Soviet states. Today, the issues of integration and independence largely opposed to each other. In this situation, the construction of positive motivation, a single Eurasian identity is a major factor in the successful implementation of the Eurasian project.

Key words: Eurasian integration, identity, politicization of ethnicity, civilization theory, social technologies.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-3-338-342

Бюро экспресс-мониторинга общественного мнения DEMOSCOPE 19–26 марта 2015 г. провело опрос граждан Казахстана на тему «Экономические ожидания казахстанцев в поствыборный период. Отношение к продукции отечественных производителей». В том числе рассматривались

ожидания казахстанцев, связанные с создание ЕАЭС. Судя по результатам опроса, влияние ЕАЭС на страну в целом население не воспринимает всерьез даже в перспективе. Так, лишь 6% участников опроса ожидают усиление интеграции со странами ЕАЭС и введение в обращение общей валюты¹.

Опросы, проводимые социологическим отделом Западно-Казахстанского государственного университета им. М. Утемисова (опрашивалась молодежь в возрасте от 18 до 23 лет, т. е. та категория населения, которая родилась в постсоветский период и выросла под влиянием новых акторов социализации) также показывают, что Евразийский проект не стал для молодежи основой идентичности и фактором будущего.

Национальная идентичность для молодежи является основной, так, 38% респондентов заявили, что ощущают и осознают себя представителями определенного этноса, а на первое, второе и третье места ее поставили в общей сложности 81% опрошенных.

Несколько большее количество респондентов — 41% — обозначили для себя в качестве приоритетной идентичности гражданство Республики Казахстан.

Обращает на себя внимание, что религию как значимую идентичность на первое, второе и третье места поставила почти половина опрошенных студентов – 47%. Следовательно, религиозная принадлежность в самоидентификации респондентов занимает одно из важных мест.

Но евразийскую идентичность на первое место поставили 2,7% опрошенных (что близко к статистической погрешности), а на первое, второе и третье места – всего 8,2%.

Высокой является поддержка евразийской интеграции (74%) как части политики Президен-

та РК. Но влияние ЕАЭС на благосостояние, занятость, профессиональные перспективы и т. п. позитивные изменения в жизни опрашиваемых, членов их семей, других родственников и ближайшего окружения отметили лишь 12,7%².

Налицо доминирование национальной, гражданской, религиозной идентичности и почти полное отсутствие идентичности евразийской. При этом рост религиозной идентичности выступает как антитеза цивилизационному евразийскому единству. Отсутствует и выраженная позитивная мотивации, конкретное наполнение Евразийского проекта.

Попытки проанализировать причины подобной ситуации сразу заставляют признать, что отношение к Евразийскому проекту в Казахстане неоднозначное и сформированного устойчивого общественного мнения, направленного на поддержку проекта, не существует. Об этом позволяют судить заголовки публикаций в СМИ:

- «Договор о ЕАЭС не опубликован на казахском языке»;
- «Национальная палата предпринимателей РК предложила правительству введение торговых ограничений в рамках EAЭC»;
- «Станет ли китайский дракон правителем мира, и кто остановит Путина?»;
- «Зачем Казахстан определяет и укрепляет свои границы с Россией?»;
- «Правительство должно в срочном порядке вводить протекционистскую политику»;
- «Чья идеология доминирует в Казахстане?» и т. п.

Можно попытаться объяснить это политическим плюрализмом, но есть вещи, которые в силу очевидности и давности стали носить объективный характер. К ним можно отнести то, что в основе проекта лежит российско-центристская модель интеграции, и это вызывает напряженность в межнациональных отношениях, новый виток мобилизации титульной нации. Причем для многих интеграционные процессы являются подтверждением того, что политика России носит имперский характер, в том числе и любые шаги Москвы направленные на расширение сотрудничества.

Для менее политизированных субъектов экономического процесса очевидным является, что географические условия, демографические особенности, производственная и транспортная инфраструктуры обусловливают российско-центристскую модель интеграции, но это осознание еще более болезненно заставляет воспринимать низкую конкурентоспособность казахстанской экономики, превалирование импорта над экспортом в рамках ЕАЭС, сырьевую составляющую казахстанского экспорта и т. п.

Политики России зачастую усилено подогревают эти настроения, так как понимают интеграцию не только как экономическое, но и политическое сближение, включающее создание

парламента, наднациональных органов, делегирование суверенитета, введение единой валюты и т. п. 3

Казахстан же ориентирован на совместное экономическое развитие и индустриализацию стран-участниц, что, в общем, и предусмотрено подписанными документами. Казахстан видит в этом главное отличие EAЭC от других «интеграционных» проектов прошлого и современного эталона интеграции – Европейского союза. Политическая интеграция не является актуальной, о чем регулярно заявляет руководство страны. Интеграционные проекты рассматриваются в Казахстане через призму ценности национального суверенитета, и если двадцать лет назад Н. А. Назарбаев сам выдвигал проекты политической интеграции, то сегодня общественно-политические условия и новая ментальность не позволяют этого делать.

Российско-центристской модели интеграции, а иной она не может быть с учетом масштабов экономик, людских ресурсов, производственных потенциалов, инфраструктуры, нужен реальный противовес, выражающийся в отказе от политической интеграции, незыблемости суверенитета и его символов, в частности, национальной валюты. Национальная валюта — такой же символ независимости, как флаг, герб, гимн, столица, границы и т. п., и заявления о введении единой валюты рассматриваются как покушение на суверенитет. Должны быть найдены другие инструменты активизации экономической деятельности, например, введение расчетной единицы наподобие экю и т. п.

Не менее важным является и «негативный опыт» евразийской интеграции. В 1992–1993 гг. произошла дезинтеграция таможенного, рублевого и вообще экономического пространства бывшего СССР. Новые независимые государства упрочили свой политический суверенитет, вошли окончательно и самостоятельно в мировое сообщество, международные финансовые организации и т. д. Вместе с тем остались невыполненными решения по созданию Экономического и Платежного союза, как и сотни других решений, подписанных в рамках СНГ.

Причина провала этих интеграционных проектов может быть в том, что участники интеграционного процесса «четко не определились, какова окончательная цель объединения»⁴.

Не менее значимой причиной провала СНГ стала политизация этничности, которая затронула все республики бывшего Союза, в том числе и Россию, дискредитировала и оставила невостребованным весь позитивный опыт единой государственности, не позволила реализоваться предпосылкам интеграции. Национальная идентичность формировалась на основе создания «образа жертвы», и был начат поиск виновных, который завершился формированием «образа врага». Исторические исследования, которые

возрождают конфликты, политические и этнические, и экстраполируют их в настоящее и будущее, создают историческую логику конфронтации и борьбы, сегодня широко представлены в СМИ и в учебных программах.

Неслучайно 3. Бжезинский отмечал, что «получившие независимость центральноазиатские государства все больше расположены отождествлять смысл... своей истории с борьбой за освобождение от российского колониализма»⁵.

Сегодня в Казахстане выросло поколение, в сознании которого прочно закреплены мифы о «колониальной политике», «национально-освободительном движении», «борьбе за независимость». «Сколько бы не говорили, — пишет Н. А. Нарочницкая, — в русле позитивистского мышления о примате экономики, общей заинтересованности в сохранении существовавших связей и общего рынка товаров, о всесилии идеальных общественных институтов, которые сделают народы дружескими и добрососедскими, СНГ демонстрирует примат идеологии, философии, истории, порождающих политику, которая вторгается в экономику»⁶.

Ценность интеграции для этих людей, по меньшей мере, сомнительна, цель интеграции национально-государственной парадигме, само содержание евразийства просто непонятно или рассматривается как сугубо пророссийская доктрина. Ни о какой евразийской идентичности применительно к этим слоям населения говорить не приходится. Именно поэтому Н. Назарбаев неоднократно повторяет, что о политической интеграции, создании наднациональных органов не может быть и речи, что реализация этого проекта в полном масштабе начнется с 2025 г., что Казахстан продолжает многовекторную политику и евразийский проект лишь одно из многих направлений внешней попитики

Те представители казахской национальности, и их достаточно много, которые представляют собой «ресурс советскости» (речь идет о людях, которых можно с полным правом назвать «советским народом»), т. е. люди, выросшие в светской культуре, разделяющие идеалы советского прошлого, подверглись моральному прессингу, получили прозвище «шала» – грязных казахов, в отличие от «таза» - чистых казахов и систематически осуждаются. Так как со стороны России они не имеют никакой, даже моральной поддержки (Россия сама активно отрицает советское наследие), они еще в большей степени были дезориентированы, чем этнические русские, у которых хотя бы гипотетически есть возможность уехать на «большую родину». Эти люди интенсивно пытаются найти новую идентичность в условиях образовавшегося вакуума и находят ее в том числе в религии, о чем свидетельствуют социологические опросы - доля систематически выполняющих религиозные обряды выросла до 75%, в то время как 15 лет назад пропорция была обратная.

Что же касается российских «агентов влияния» в Казахстане, то их численный состав и возможности постоянно сокращаются — доля этнических русских и представителей европейских, христианских национальностей уже менее 30% населения (более половины населения РК в начале 1990-х гг.). Продолжается процесс миграции, которая уже не выглядит как массовый исход, но приобрела системный, упорядоченный характер, молодежь уезжает в Россию учиться и уже не возвращается. Достигшие пенсионного возраста уезжают к детям. Эта категория русских является носителем национальной идентичности и евразийскую идентичность и евразийское будущее не рассматривает как личный проект.

Те, кто не планируют выехать в Россию, в значительной степени теряют национальную идентичность, ассимилируются, пытаются построить свою идентичность на либеральных моделях или, по крайней мере, дезориентированы. Об этом говорит структура межнациональных браков, когда, прежде всего, славянские девушки выходят замуж за казахов и их дети идентифицируют себя как казахи, что является признаком этнического доминирования. Среди русской молодежи, относительно других этносов, велик процент (1,6%) принявших ислам и другие религии (до 2,0%). Для сравнения: доля казахов, исповедующих православие, едва достигает 0,4%8. Заметно и участие русских в деятельности экстремистских исламских групп. Ярко выражена социальная деградация русского населения, доля среднего класса, ИТР, чиновничества и т. п. неуклонно падает, но по-прежнему высок процент рабочих профессий и самозанятых (мелкий бизнес).

В целом найти группу, этническую, социальную, культурную, которая была бы носителем евразийской идентичности, в Казахстане в настоящее время достаточно сложно.

Образовавшийся вакуум политики и ученые попытались заполнить, «возродив» евразийскую теорию, при этом не учитывая или игнорируя тот факт, что постулаты классического евразийства – идеократия, демотия, соборность (по сути, были созданы идеальные модели этих явлений) — это философия традиционного общества, и консервативная революция, которую многие призывают, будет не ремейком, а особой моделью развития.

Более того, в классическом евразийстве присутствует значимая антиномия, констатируется наличие православия и «туранского» фактора, но механизм их взаимодействия, согласия, перспектив отсутствует. Поэтому в ННГ классическое евразийство воспринимается как имперское.

Конечно, можно отнести цивилизационные теории к архаичным, теряющим актуальность в условиях глобализации, секуляризации и т. д., и обратиться к представителям современного

евразийства — к А. Дугину и Н. Назарбаеву. Основными постулатами евразийства у Дугина выступают геополитика, создание полюса силы, империя, традиционализм, консерватизм и антилиберализм. У Назарбаева — это многовекторная политика, экономический прагматизм, постепенность, демократический транзит, отказ от наднациональных структур и в целом политической интеграции, возможность свободного выхода. Не нужно быть специалистом, чтобы понять, что это диаметрально противоположные программы не только в методике достижения единства Евразии, но и понимания его содержания.

Отказавшись от высоких материй и вернувшись на уровень экономического прагматизма — этого жупела Евразийского проекта, здесь также можно обнаружить ряд системных и конъюнктурных проблем.

Процессы экономической интеграции должны быть ориентированы на внутрирегиональное разделение труда, не только между, но и внутри отраслей, на создание высокоспециализированных и кооперированных производств, прежде всего в машиностроении, что сопровождается восстановлением единого производственного пространства, государственными инвестициями, подготовкой квалифицированных кадров и т. п., что и будет отвечать характеристикам экономического союза.

Между тем наша оценка результатов интеграции по формуле Грубеля – Ллойда дает показатель того, что только около 35% товарооборота стран в едином экономическом пространстве приходится на внутриотраслевую торговлю. То есть говорить об экономическом союзе еще очень рано, максимум, что мы имеем, это ряд зон свободной торговли, когда поставки товаров легко могут быть замещены другими странами.

Но и эти достижения находятся под угрозой. Снижение курса рубля в 2014 г. привело к оттоку капиталов из Казахстана в Россию. В прессе начался ажиотаж, назывались цифры – вывезено из страны 2 млрд долл., ввезено в страну 50 тысяч автомобилей и т. п. Раздались призывы закрыть границы с Россией, выйти из ЕАЭС и т. п. В то же время резко упал товарооборот внутри ЕАЭС: по данным казахстанского статкомитета, в январе-октябре 2015 г. торговля со странами ЕАЭС сократилась на 26,6%, или почти на 5 млрд долл. При этом экспорт РК пострадал сильнее – он снизился на 30%, тогда как импорт – на 24%9. Если вспомнить реакцию Беларуси на аналогичные проблемы, то становится ясно, что декларируемый (якобы нейтральный) «рыночный» подход к проблеме интеграции и мотивация интеграции, связанная с выгодой, ростом товарооборота и т. п., превращаются в свою антитезу.

Эти «экономические» результаты подтверждают убежденность противников интеграции и сторонников национально-государственного строительства в своей правоте.

Итак, в результате мы имеем отрицание позитивного исторического опыта, противоречивую и незавершенную теорию, разное видение целей и моделей интеграции у действующих политиков, отсутствие осязаемых экономических результатов, низкую общественную поддержку и многократно возросший риск в очередной раз похоронить Евразийский проект.

Линейное, классическое мышление, свойственное общественному сознанию, требует четкого целеполагания, и это, в частности, относится к Евразийскому проекту. Конечно, в духе постмодернизма и релятивизма можно не обращать внимание на эту проблему, вбросив в публичную информационную среду хаос/плюрализм суждений, мнений, ценностей, но сегодня вопросы интеграции постсовестких государств зависят от общественного сознания, основной ценностью которого в ННГ стал национальный суверенитет. Сегодня вопросы интеграции и независимости во многом противопоставлены друг другу. Это объясняется высоким уровнем политизации этничности, что обеспечило не только парад суверенитетов, выступающий как апофеоз демократизации, но и дезинтеграцию постсоветского пространства.

В данной ситуации конструирование единой идентичности, разработка модели этой социальной технологии выступает одним из основных факторов успешной реализации всего проекта. Причем линейный подход на основе диалектического мышления вряд ли будет уместен, в лучших традициях постмодерна потребуется соединить несоединимое.

Прежде всего, это касается государственной политики РФ, которая должна быть направлена на безоговорочную поддержку казахской государственности. Попытки поставить под сомнение ее легитимность, территориальную целостность страны актуализируют противостояние «мы и они», консолидируют нацию на антирусских началах, завершают логику национального противостояния, заложенную процессами политизации этничности и отраженную в учебниках истории и массовом сознании. Разрушить эту логику можно, только выступив в роли гаранта, защитника национальной государственности, которая является высшей ценностью казахов, как, впрочем, и любого другого народа, в последние двадцать лет.

Требуется «реабилитация» советского прошлого. Прежде всего, необходима систематизация позитивного опыта советской государственности в сфере национально-государственного строительства, межнационального сотрудничества, интернационализма, создания единого народно-хозяйственного комплекса с целью экстраполяции этого опыта в настоящее и будущее. Это нужно для создания новой картины прошлого, новой логики развития, нового массового и индивидуального сознания, национального и личностного целеполагания и смысла бытия.

Для формирования славяно-тюркского цивилизационного единства требуется пересмотреть представления о религиях, едином языке, едином менталитете на евразийском пространстве, сформировать евразийский «национализм». Даже если отказаться от цивилизационного подхода и соответствующей терминологии, мы должны преодолеть то, что противопоставляет славян и тюрков, народы ННГ, превратить «это» в механизмы единения.

В целом возникает необходимость конструирования социальной действительности. Это тем более важно, что, как пишет А. Панарин, «неизменно проигрывали те, кто верил в традицию... в наличие естественно-исторической колеи или целесообразности... На самом деле неизменно побеждали те, кто занимался производством общества, а проигрывали те, кто верил в его естественный ход и потому воздерживались от активности в "решающий момент и в решающем месте". В целом, следовательно, будущее как иное выступает в качестве продукта политики» ¹⁰.

Релятивность присуща всем общественнополитическим теориям и проектам, но они навсегда остаются теориями, если отсутствуют воля и практика их реализации. Воля — это не что иное, как идея, убеждение, переходящее в осознанное действие во имя достижения цели. Практика в нашем случае — это технологии формирования сознания. Как пишет М. Фуше, «многообразное будущее... складывается из отрезков логики эволюции и двух иррациональных моментов: случайности и свободы воли людей»¹¹.

УДК 321(470+570) 01

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В XXI ВЕКЕ

Ф. А. Вестов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского E-mail: vestovfa@mail.ru

О. Ф. Фаст

Саратовская государственная юридическая академия E-mail: fastolga@mail.ru

В статье анализируется тенденция в восприятии общественным сознанием в разные исторические эпохи и вплоть до современности проблемы «правового государства». Характеризуются условия, благодаря которым изначально преимущественно правовая проблема «правового государства» приобрела в последние десятилетия в основном политический характер.

Ключевые слова: правовое государство, либеральное понимание правового государства, юридическое и политическое вос-

Примечания

- См.: Экономические ожидания казахстанцев в поствыборный период. Отношение к продукции отечественных производителей. URL: http://demos.kz/rus/index. php?poll=44 (дата обращения: 26.01.2016).
- ² См.: Патриотизм, ЕАЭС, состояние межэтнических отношений и религия в восприятии студентов ЗКГУ им. М. Утемисова 2015. Аналитический отчет / рук. проекта П. А. Добряев. Уральск, 2016.
- ³ См.: Вилков А. А. Политические перспективы Союзного государства России и Республики Беларусь в контексте многовекторности их отношений // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2014. Т. 14, вып. 3. С. 66–71.
- ⁴ *Хейфец В. Л., Оводенко А. А.* Международная интеграция. СПб., 2003. С. 65.
- ⁵ *Бжезинский 3.* Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство. М., 2004. С. 95.
- 6 Нарочницкая Н. А. Россия и русские в мировой истории. М., 2003. С. 394.
- 7 См.: Зевако Ю. В. Ресурс «советскости» в контексте формирования политической идентичности в государствах постсоветского пространства // Политические проблемы современного общества : сб. науч. ст. Вып. 17. Саратов, 2012. С. 58–77.
- 8 См.: Перепись населения Казахстана (2009). URL: https:// ru.wikipedia.org/wiki/ (дата обращения: 26.01.2016).
- ⁹ См.: EAЭС: первый год комом. URL: http://www.tks.ru/reviews/2015/12/22/03/print (дата обращения: 26.01.2016).
- ¹⁰ Панарин А. С. Политология: учеб. пособие. М., 2002. С. 238–239.
- 11 *Фуше М.* Европейская республика. Исторические и географические контуры. М., 1999. С. 43.

приятие правового государства, элиты и граждане в правовом государстве.

Perception of the State Legal Problems in the XXI Century

F. A. Vestov, O. F. Fast

The article analyzes the trend in the perception of public opinion in the different historical periods and up to the present problem of «the rule of law». They are characterized by the conditions in which initially primarily a legal problem «state of law» has acquired in recent decades, mainly political in nature.

Key words: rule of law, liberal understanding of the rule of law, legal and political perception of the rule of law, elite and the citizens in a legal state.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-3-342-345

Два столетия, прошедшие после появления концепции правового государства, показали чрезвычайную конфликтность и противоречивость опыта приложения этой концепции к политической практике и многообразие рисков, вытекающих из этого. С одной стороны, никогда прежде в истории развития общества государственные институты не достигали такого уровня структурного и функционального совершенства, которое они приобрели в последние два столетия. С другой стороны, совершенство это достигалось посредством многих политических потрясений самых разных масштабов и даже ценой гибели многих государств. Этим же противоречием отмечена и современность: для одних стран и народов вступление на путь строительства правового государства оборачивается быстрым прогрессом, для других - социально-политической катастрофой. Эта катастрофическая тенденция особенно ярко проявила себя на постсоветском пространстве. Оказалось, что бывшие советские граждане, чья политическая культура базировалась на твердой уверенности в способности государства решить любые проблемы, переоценили готовность новых демократических элит жить и действовать по правилам правового государства. Завышенные ожидания граждан, их разочарование от несостоявшегося перехода политической и правовой жизни в новое качество породили масштабные гражданские конфликты в Таджикистане, Киргизии, Узбекистане. В Молдавии и Украине затяжной конфликт интересов граждан и государственных элит привел к тому, что фактически начался распад государств¹.

Катастрофический сценарий едва не стал реальностью и для благополучной Европы. Осенью 2014 г. о своем желании выйти из состава Соединенного Королевства заявила устами своих тогдашних руководителей Шотландия. Референдум не дал сторонникам автономии большинства, но британская государственность, веками служившая для континентальных европейцев своеобразным эталоном правильной организации политической и административной жизни, в какой-то момент оказалась перед реальной угрозой распада². Осенью того же года националистические партии Каталонии потребовали от правительства Испании санкционировать проведение референдума по вопросу о дальнейшем пребывании Каталонии в составе королевства³. И в этот раз сохранить целостность государства удалось с огромным трудом.

В сытой и благополучной Европе всплески сепаратистских настроений будут, вероятно, иметь продолжение в ближайшее десятилетие. Это подтвердил референдум в июне 2016 г. о членстве Англии в Европейском союзе, закончившийся выходом страны из этого общеевропейского объединения. Симптоматично, что сразу вслед за обнародованием результатов референдума власти Шотландии, недовольные нежеланием ан-

гличан оставаться в Евросоюзе, заявили о своем намерении вернуться к референдуму о пребывании страны в составе Соединенного Королевства. Экономический кризис, поразивший многие страны мира в первое десятилетие XXI в., волна миграции в сытую Европу 2014—2016 гг., дали таким сепаратистским настроениям граждан ощутимый толчок. Но сепаратистские настроения захватили и те слои населения, которые кризис не довел до последней черты. В рядах сепаратистов оказались все те, кто усомнился в способности существующих государственных институтов при помощи законов защищать интересы населения, а не действовать в ущерб им.

Эти процессы начались в современном мире по следам Второй мировой войны, и их результатом стало формирование и последующий распад двуполярной системы мировой политики, стержнем которой выступали национальные государства со стабильной территорией, стабильными традициями общественной и правовой жизни, стабильными геополитическими интересами. Распад этой системы оживил интерес современных исследователей к вопросу о том, является ли причиной противоречивых результатов политики государственного строительства сама концепция правового государства в ее исторически сложившемся, преимущественно либеральном обличье, либо причина кроется не в недостатках теории, а в неправильном ее приложении к практике, в недостаточно глубоком понимании именно политических аспектов ее смысла в сфере коммуникативности личности, общества, государства. Один из авторов интернет-газеты «Завтра» высказал такую мысль, которая в разных вариациях многократно озвучена консервативной публицистикой: «Мы мало верим в законы, но очень сильно – в справедливость. Юридическая формалистика нас не прельщает. Идея правового государства (государство, которое само себя ограничивает законами, которые само же и издает) – не русская идея. Вообще, жизнь по писаным законам и формальным предписаниям – это не по-русски. Жизнь "по понятиям", т. е., в сущности, по обычному праву – для нас более органична»⁴. Это довольно типичная для современной российской публицистики позиция: основывать глобальные умозаключения на личных впечатлениях и ощущениях. Но, как и у всякого публицистического суждения, у этого есть смысл. Обществу и публицистам, как выразителям общественного мнения, современная наука действительно предложила гораздо больше материала для впечатлений и ощущений, чем для строго логичного анализа.

На протяжении указанного исторического периода, несмотря на различные подходы к пониманию природы и функций государства у представителей разных наук и разных идеологических направлений, осмысление перспективы политики государственного строительства так или иначе было соотнесено с концепцией право-

вого государства. Даже в советской модели, наиболее альтернативной классическому пониманию правового государства, на место «буржуазного» права в ряду регуляторов отношений между гражданами и государством предполагалось внедрить более «справедливые» нормы социалистического права. Полемика о перспективах мирового развития, которая особенно активизировалась в связи с распадом СССР и социалистического лагеря в целом, в той или иной степени также была связана с проблемами правового государства. На протяжении длительного исторического времени сама идея того, что государство может и должно ограничивать себя в своих проявлениях нормами права и с позиции права строить свои отношения с обществом, была ли эта идея объектом критики либо апологетики, она выполняла консолидирующую функцию в отношении политической мысли, формировала общий вектор ее развития. Для политической мысли единым было понимание, что правовым государство становится только в результате собственных активных усилий в этом направлении и при условии творческого подхода к выбору лучших стратегий развития.

Концепт «Конец истории», провозглашенный «западными» интеллектуалами-либералами в начале 90-х гг. прошлого столетия, нарушил баланс теоретических позиций, традиционно сложившихся в обсуждении проблематики правового государства. Этот концепт лишал государство активной политической субъектности в выборе способов превращения в правовое государство. Он подразумевал неизбежность следования всех стран, освободившихся от тоталитаризма и авторитаризма, по пути внедрения в политическую практику либеральных принципов и ценностей, которые находят свое институциализированное воплощение в концепции правового государства. Тем самым и либеральная теория правового государства оказывалась искусственно увязана с решением задач государственного строительства в тех странах, в которых европейский либерализм не был органичной частью политических традиций. В свете этого актуальным выглядит вопрос о возможности для самой теории правового государства в нынешних ее, преимущественно правовых очертаниях, выполнять прежнюю функцию центра притяжения интереса различных наук к проблематике государственной политики.

Актуален и вопрос о том, насколько способна концепция правового государства в этом своем преимущественно юридическом и либеральном обличье быть ориентиром для практической политики, внутренней и международной. В 90-е гг. прошлого века, когда закончилась «холодная война» и постсоветские элиты в Европе и Азии взяли курс на формирование основ правовой государственности на постсоветском пространстве, перспектива юридического понимания концепции правового государства выглядела оптимистично. От стран, вставших на путь демократизации, как

казалось тогда, требовалось всего лишь следовать готовым политическим рецептам, пересмотреть нормативную базу государственной политики, начиная с конституции и заканчивая, условно говоря, любым отраслевым законодательством. Однако практика оказалась намного сложнее и противоречивее. Противоречивым и зависимым от традиций и текущих политических и экономических интересов элит оказался смысл, который новые политические элиты были заинтересованы вложить в само понятие «правовое государство». Существенные поправки в истолкование принципов и норм правового государства привнесло традиционное и сохранившееся сегодня доминирование в ряду государственных институтов на постсоветском пространстве различных «силовых» структур. Явочным порядком в политике стало складываться новое, отличное от либерального, понимание того, что есть правовое государство, соотношение которого с «классическим» (либеральным) нуждается в изучении. Причем именно с позиции политической науки, способной увидеть за такого рода изменениями смысла движение политических интересов элит и общественных групп.

Для международной политики либеральная версия концепции «правового государства» также стала проблемным ориентиром. Развитие «третьего мира», несмотря на масштабную информационную, правовую, экономическую и военную поддержку сторонников борьбы против авторитарных режимов, не привело к установлению в них стабильных демократических систем и к формированию основ правовых государств. В политической практике государства и общества в странах «третьего мира» при решении политических и большинства других вопросов отчетливо наблюдается тенденция к ориентации на традиции и обычаи, а не на законы, не на конституции. Практика показала, что конституционного закрепления основ правового государства недостаточно для их реального воплощения в политическую жизнь. Иных ориентиров политического прогресса, однако, в концепции «правового государства» исторически заложено не было, что сегодня стимулирует в среде ученых и политиков дискуссии о возможном конце демократической традиции в политике как таковой.

В этой связи возникает целый ряд конкретных вопросов, требующих своего концептуального осмысления.

Актуальной выглядит постановка вопроса о том, насколько далеко, действуя в границах «юридического» ракурса, продвинулась европейская и российская политическая мысль в понимании правового государства как ресурса прогресса. Исследователи постоянно обращаются к трудам классиков политической и правовой мысли, характеризуя потенциал развития, который заключен в институтах правового государства. Но есть ли в мире современной политики реальный контекст для воплоще-

ния этого потенциала в жизнь? Не убеждает ли нас классическое наследие политической мысли в том, что успех идеи правового государства в истории обеспечивался как раз тем, что каждое время вырабатывало свое видение этого сюжета и привносило в общую копилку представлений о правовом государстве свой вклад? Каков может быть вклад в эту копилку современной политической науки, в том числе отечественной? Ответы на эти вопросы представляются актуальными и с точки зрения потребностей развития самой отечественной политической науки, приобретения ею веса и влияния в деле управления общественно-политическими процессами. Проблема достижения системности наших научных представлений о правовом государстве⁵ выглядит, таким образом, как проблема приобретения отечественной политической наукой новых возможностей развития, разработки новых методологий и существенного расширения предметного поля исследований.

Примечания

1 См.: «Сегодня Приднестровье – пороховая бочка с зажженным фитилем»: обзор СМИ Приднестровья. URL: http://www.regnum.ru/news/polit/1577142.html (дата обращения: 18.11.2014); Распад Украины неизбежен, считают участники круглого стола // Одна Родина. Информационно-аналитическое издание. 27.06.2014. URL: http://odnarodyna.com.ua/content/raspad-ukrainyneizbezhen-schitayut-uchastniki-kruglogo-stola-video (дата обращения: 18.11.2015).

- ² См.: Шотландия подводит первые итоги референдума. URL: http://ria.ru/world/20140919/1024719116. html#14163148782333&message=resize&relto=register&action=addClass&value=registration (дата обращения:18.11.2015).
- ³ См.: Референдум референдуму рознь: как в Европе стремящиеся к независимости территории решают этот вопрос. URL: http://ruposters.ru/archives/9282 (дата обращения: 18.11.2015).
- ⁴ Воеводина Т. Социализм как феодализм // Завтра. 2014. 18 нояб. URL: http://zavtra.ru/content/view/sotsializm-kak-feodalizm/ (дата обращения: 18.11.2015).
- ⁵ См.: Вестов Ф. А. Системный подход к построению правового государства в России // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2012. Т. 12, вып. 2. С. 99–103; Вестов Ф. А., Фаст О. Ф. Системный подход в определении коммуникативности личности и правового государства // Информационная безопасность регионов. 2014. № 1 (14). С. 83–89.

УДК 342.843.5

ПЕРСПЕКТИВЫ ДИСТАНЦИОННОГО ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ В РОССИИ

А. Ю. Цаплин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского E-mail: anton.th2011@yandex.ru

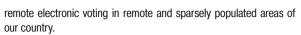
В статье оцениваются достоинства дистанционного электронного голосования через призму российского национального контекста, рассматриваются препятствия на пути его массового использования. Автор приходит к выводам, что в России пока отсутствуют правовые, социально-политические и технические предпосылки для перехода к такому виду голосования в ближайшее время. Наиболее возможным и целесообразным выглядит внедрение и развертывание системы дистанционного электронного голосования в труднодоступных и малонаселенных районах нашей страны.

Ключевые слова: выборы, электронное голосование, дистанционное электронное голосование.

The Prospects of Remote E-Voting in Russia

A. Yu. Tsaplin

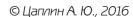
The paper evaluates the advantages of remote electronic voting through the prism of Russian national context, discusses the obstacles to its mass use. The author comes to the conclusion that in Russia there are no legal, socio-political and technical preconditions for the transition to this kind of vote in the near future. The most possible and it seems to be advisable the implementation and deployment of

Key words: elections, electronic voting, remote electronic voting.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-3-345-350

В последние годы в ряде европейских стран набирает популярность электронное голосование в форме дистанционного голосования на выборах в представительные органы власти разных уровней. Нередко приходится слышать мнение, что такой способ выражения электоральных предпочтений обладает рядом преимуществ перед традиционным голосованием на избирательных участках и в конечном счете может существенно улучшить демократию. Это часто звучит лейтмотивом внедрения новых информационно-коммуникативных технологий в политическую практику. Но так ли это на самом деле? Что еще движет «реформаторами»? И способно ли дистанционное электронное голосование решить существующие проблемы демократии, не породив новые?

На первый взгляд, дистанционное электронное голосование обладает, казалось бы, неоспоримыми преимуществами. Но при более пристальном рассмотрении плюсов электронного голосования оказывается не так уж и много. Далеко не все они являются столь очевидными и не всегда могут проявиться на практике. И все потому, что для его успешного внедрения необходимо выполнение ряда правовых, технических и социально-политических условий, что является далеко не простым делом.

Более того, важно понимать, что сам факт перехода к дистанционному голосованию не может решить существующих проблем. Например, сделать невозможным использование административного ресурса. Хотя на первый взгляд, это кажется вполне возможным. Так, в Эстонии для предотвращения возможного влияния на избирателей допускается голосование с использованием электронной формы несколько раз, но последний голос считается окончательным и только он учитывается. На самом деле это может быть только иллюзией решения проблемы, порожденной внедряемыми в общественное сознание мифами о возможностях новых информационно-коммуникативных технологий. Административный ресурс является порождением желания власти контролировать ход избирательного процесса, следствием существующих политико-правовых условий организации выборов. Пока они будут сохраняться, проблемы не решить, а пресловутый административный ресурс будет принимать только разные формы.

Рассмотрим, насколько убедительно выглядят доводы сторонников дистанционного электронного голосования в российском социальнополитическом контексте.

Одним из самых, казалось бы, безоговорочных аргументов в пользу электронного голосования является его удобство, отсутствие связи волеизъявления с местом положения избирателя. Особенно это может быть полезно для избирателей, находящихся за границей либо в отдаленных местах, на больших расстояниях от избирательного участка. В этом случае голосование через Интернет или мобильный телефон значительно облегчило бы процедуру участия в выборах. Неоспоримо, что такое голосование позволяет преодолеть фактор времени и расстояния. Дело в другом: у всех ли граждан есть доступ к новым информационно-коммуникативным технологиям и все ли умеют ими пользоваться?

В России на протяжении многих лет отмечается стабильный и динамичный прирост аудитории Интернета. По разным данным, в 2015 г. от 67 до 70% населения страны в возрасте старше 16 лет стали пользователями Интернета с разной степенью активности (по данным Internet World Stats и Омнибуса GfK на 2015 г.)¹. Это весьма неплохой показатель, но необходимо учитывать, что основной аудиторией Интернета являют-

ся молодые люди и люди среднего возраста. В возрастной категории свыше 55 лет только 28% являются пользователями Всемирной компьютерной сети. Кроме этого, география российского Интернета очень неоднородна. Хуже всего обстоит дело с проникновением Интернета в малые города (с населением меньше 100 тыс.) и села. В них пользуются Интернетом только 66% проживающего там населения (по данным Омнибус GfK на 2015 г.)².

Все это говорит о том, что сегодня существуют очень серьезные препятствия для перехода к практике интернет-голосованиия в нашей стране, поскольку не может быть выполнен один из главных принципов избирательного права — всеобщность участия в выборах. Значительно перспективней, исходя из современных реалий, выглядит голосование с использованием сотового телефона, поскольку зона покрытия мобильной связью намного шире, чем Интернетом.

В Российской Федерации проводились эксперименты, связанные с электронным дистанционным голосованием как через Интернет, так и сети мобильной связи.

Электронное голосование через Интернет, или, как его еще называют, электронный опрос, проводился с использованием специальных дисков, которые раздавались избирателям. Первым опытом применения такой технологии в российской электоральной практике стал эксперимент в ходе муниципальных выборов в городе Новомосковске Тульской области в октябре 2008 г. В 2009 г. аналогичный эксперимент проводился в Волгоградской и Томской областях³. Опробовав систему на практике, ЦИК России приняла решение об отказе дальнейшей работы в этом направлении. Причиной отказа послужила неуверенность в системе безопасности, а именно проблемы, связанные с защитой подобных дисков от копирования. Диски для электронного голосования ничем не отличаются от дисков с лицензионной программной, музыкальной или видеопродукцией, а значит, могут быть «взломаны» и незаконно растиражированы.

Куда успешней был признан эксперимент с использованием телефонов мобильной связи. Такой эксперимент проводился в городе Радужный Владимирской области (в 2009 г.), а также в рамках 1-го Тульского молодежного образовательного форума «Селистарт» и Всероссийского молодежного образовательного форума «Селигер-2009». В целом эксперимент был признан успешным. Использование мобильного телефона для голосования оказалось наиболее защищенным с технической точки зрения и наиболее удобным, поскольку в труднодоступных районах Интернета нет, а мобильная связь, как правило, работает.

Однако и этот способ голосования выявил ряд недостатков. Один из которых в том, что для запуска присланной программы необходим не-

кий минимум ресурсов, присутствующий далеко не у каждого владельца телефона. Для решения этой проблемы были предусмотрены дополнительные мобильные телефоны с уже установленным программным обеспечением, которые выдавались гражданам вместе с индивидуальным пин-кодом прямо на избирательном участке⁴. Понятно, что в случае проведения всеобщего дистанционного голосования, будь то на муниципальных или региональных выборах, таких дополнительных телефонов понадобится очень много. Поэтому перспективы такого способа организации голосования весьма ограничены.

Очень часто в качестве аргумента в пользу электронного дистанционного голосования называют тот факт, что оно снижает расходы по организации и проведению избирательных кампаний. По мнению некоторых авторов, это особенно актуально для стран, где проводится большое количество общенациональных, региональных, муниципальных выборов, что становится весьма затратным мероприятием, когда нужно напечатать бюллетени (при низкой явке большинство из них оказываются неиспользованными), оборудовать избирательные участки, создать избирательные комиссии и т. д.⁵

На самом деле до этого еще очень далеко. Факт в том, что проведение электронного дистанционного голосования пока только увеличивает расходы на организацию выборов, поскольку данный способ волеизъявления является всего лишь дополнительным, альтернативным традиционному голосованию на избирательных участках. Еще нигде электронное голосование не было единственным способом волеизъявления. Во всех странах, где внедряется такая практика голосования, у избирателей есть выбор: проголосовать дистанционно либо на избирательном участке.

С дистанционным электронным голосованием связан миф, что внедрение данного способа волеизъявления способно увеличить явку на выборах как за счет уже вышерассмотренного фактора, так и за счет привлечения к выборам молодежи, которая является основным пользователем новых информационно-коммуникативных технологий. Собственно, это и стало главным побуждающим мотивом для правительств разных стран. В Швейцарии еще в 1990 г. для повышения явки избирателей на общенациональных выборах ввели дистанционное голосование – голосование по почте. По этому же пути пошли и в США. Однако эти новшества не принесли ожидаемых результатов. Фактически то же самое можно сказать и о внедрении онлайнового голосования. Хотя молодое поколение выглядит более открытым, эмпирические данные показывают, что онлайновое голосование вовсе не обязательно способно преодолеть электоральную апатию. Только когда этот инструмент используется в данной группе политически заинтересованными гражданами, может произойти сдвиг от традиционного способа голосования к инновационному 6 .

В этой связи интерес представляет опыт Эстонии, которая является одним из мировых лидеров по внедрению дистанционного электронного голосования. Эстония была первой европейской страной, которая раньше всех придала электронному голосованию статус официальной процедуры. В 2007 г. оно применялось на выборах в парламент этой страны. Голосование было доступно с 26 по 28 февраля. Воспользовались услугой интернет-голосования 30 275 жителей, или 3,4% всех зарегистрированных избирателей. При этом в голосовании приняли участие всего 61,9% граждан, имеющих право голоса. До этого, на предыдущих парламентских выборах в 2003 г., аналогичный показатель составлял 58% всех избирателей страны. Таким образом, явка на выборах увеличилась, что может быть связано с введением электронного голосования, но незначительно (всего около 4%). В голосовании в Рийгикогу в 2011 г. приняли участие 573 325 человек, или 62,9% от общего числа имеющих право голоса граждан страны, что ровно на 1% больше, чем на предыдущих выборах. Через Интернет проголосовали 140,8 тыс. избирателей, что стало самым высоким показателем электронного голосования в стране. На последних национальных парламентских выборах, которые прошли в марте 2015 г., через Интернет проголосовало рекордное число избирателей – более 176 тыс. человек. Таким образом, последнее число участников электронного голосования на выборах в парламент побило прежний рекорд⁷, но явка осталась фактически на прежнем уровне. В выборах приняли участие 64,2% от всех зарегистрированных избирателей, что всего на 1,3% больше, чем до этого

Приведенные цифры наглядно свидетельствуют, что явка избирателей на выборах с момента введения дистанционного электронного голосования в Эстонии имеет тенденцию к увеличению. Но ее рост очень слабо связан с увеличением количества избирателей, предпочитающих голосовать через Интернет. Так, в 2007 г. в выборах дистанционно проголосовали 3,4% избирателей, явки в это время увеличилась почти на 4%. В 2011 г. через Интернет свои предпочтения выразили уже 15,8% всех зарегистрированных избирателей, при этом явка увеличилась всего на 1%. Для большей наглядности все количественные показатели сведены в таблицу (таблица).

По-видимому, рост явки избирателей на выборах может быть обусловлен совершенно другими факторами, или, точнее сказать, на него влияет большой набор факторов, в числе которых находится и введение онлайн-голосования. Мы можем наблюдать явление, когда избиратели просто осваивают новый для себя способ во-

Год выборов	Количество избирателей, проголосовавших через Интернет	Количество избирателей, принявших участие в выборах
2003	0	494 888
2007	30 275	546 139
2011	140 800	573 325
2015	176 000	577 900

Динамика явки избирателей на парламентских выборах в Эстонии

леизъявления. Иными словами, дистанционное электронное голосование становится скорее удобным способом волеизъявления, чем способом увеличения политической активности населения.

Нередко невольно может создаться впечатление, что введение дистанционного электронного голосования способствует укреплению демократии, поскольку, во-первых, оно расширяет возможности участия в выборах граждан, которые в силу своего состояния здоровья не могут придти на избирательные участки. Это достаточно большая категория избирателей, к которой относятся не только инвалиды, но и люди преклонного возраста, а также по какой-либо причине временно нетрудоспособные граждане. Во-вторых, электронное голосование упрощает процедуру подсчета голосов, определения результатов выборов, делает ее более достоверной, так как исключается человеческий фактор при подсчете избирательных бюллетеней. Вся информация по электронным каналам поступает на сервер избирательной комиссии, где она хранится и обрабатывается в автоматическом режиме, т. е. все делает «беспристрастный компьютер».

На самом деле такие аргументы носят весьма абстрактный характер, при более пристальном рассмотрении в рамках конкретного правового, социально-политического, культурного контекста сразу становится видна их несостоятельность. Так, в российском избирательном процессе уже давно устоялась практика голосования вне помещения избирательного участка, на основании письменного заявления или просто устного обращения. В законе существует норма, согласно которой «участковая комиссия обязана обеспечить возможность участия в голосовании избирателям, участникам референдума, которые имеют право быть включенными или включены в список избирателей, участников референдума на данном избирательном участке, участке референдума и не могут самостоятельно по уважительным причинам (по состоянию здоровья, инвалидности) прибыть в помещение для голосования» 8. Так что введение электронного голосования в этом случае принципиально ничего не изменит.

Автоматизация избирательного процесса имеет очевидные преимущества, оспаривать которые не имеет никакого смысла. Важно посмотреть, а что находится на другой чаше весов. Большинство из существующих проблем носят

универсальный характер и мало зависят от особенностей национального контекста.

Юристы чаще всего опасаются, что интернет-голосование может нарушить некоторые из основополагающих принципов избирательного права, такие как: принцип тайного голосования (в условиях интернет-выборов соблюдение этого принципа становится практически невозможным); принцип гласности (затрудняется общественный контроль за ходом выборов и процессом подсчета голосов); принцип достоверности результатов (возможны различные неправомерные вмешательства в работу системы)9.

Представителей естественных, точных наук волнуют вопросы аутентификации избирателей, проблемы бесперебойной технической работы самой системы, обеспечения безопасности электронных систем голосования и т. д. Эти проблемы не являются неразрешимыми. Развитие информационных технологий и инженерной мысли не оставляют сомнений в их будущем решении.

Для России основная и пока непреодолимая проблема — это отсутствие доверия как к власти в целом, так и к выборам в частности. По итогам единого дня голосования 13 сентября 2015 г. эксперты «Левада-центра» выяснили, что доли граждан, которые считают выборы честными и нечестными, сравнялись. Их теперь по 32%, а остальные затрудняются с ответом и, как считают в «Левада-центре», выборами пока не интересуются. С сентября 2014 г. доля тех, кто считает, что выборы прошли честно, уменьшилась с 40 до 32% 10.

Какого же отношения можно ожидать к электронным выборам, где открытости и возможности для общественного контроля еще меньше? Вполне ожидаемо, согласно инициативному опросу, проведенному ВЦИОМ еще в сентябреоктябре 2008 г. по федеральной выборке, лишь треть россиян (34%) в целом положительно относится к идее интернет-голосования (из них 24% — скорее положительно,10% — безусловно положительно). Половина сограждан (48%) негативно относится к такому нововведению (среди лиц пожилого возраста такая цифра составляет около 70%)¹¹. Вряд ли можно ожидать изменения ситуации в лучшую сторону сегодня.

Нужно заметить, что электронное голосование в плане транспарентности куда менее демократично, чем традиционное голосование на избирательных участках. Скорее, наоборот, оно создает дополнительные возможности для мани-

пулирования результатами выборов. Обобщенно можно сказать, что чем больше масштаб автоматизации избирательного процесса, тем легче подтасовать результаты голосования, поскольку полностью исчезает возможность повторного пересчета голосов. Изменять же, «корректировать» волеизъявление избирателей становится намного легче. Поэтому в странах с высоким уровнем недоверия граждан к власти, с неразвитыми институтами демократии, с отсутствием гражданской политической культуры от введения электронного голосования лучше воздержаться.

Существенно, что подавляющее большинство стран, осваивающих сегодня дистанционное электронное голосование, - это устоявшиеся, «старые» демократии. Такие как, например, Швейцария, где первые пилотные проекты были запущены еще в 2001 г. Окончательное же решение о возможности голосовать и избирать по Интернету было вынесено на всенародный референдум, который прошел 8 февраля 2009 г. Большинство граждан одобрило поправку в ст. 48 Конституции Республики и Кантона Женева о возможности голосовать и избирать по Интернету, которая вступила в силу с 2010 г. К концу 2011 г. было проведено 25 электронных голосований и выборов на всех уровнях¹². Примечательно, что внедрение электронного голосования не обогатило политическую практику в этой стране чем-то принципиально инновационным, так как там давно существует возможность голосования по почте.

В Российской Федерации на законодательном уровне не существует понятия «дистанционное электронное голосование». В Федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» электронное голосование определяется как голосование без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием комплекса средств автоматизации ГАС «Выборы» 13. Под данное определение подпадают комплексы для электронного голосования (КЭГ), которые обеспечивают возможность только для стационарного (но не дистанционного) электронного голосования.

Можно сказать, что нормативно-правовая база электронного голосования в России находится в стадии формирования. На данном этапе электронное голосование сводится лишь к автоматизации на избирательном участке процедуры подачи голосов и обработки электронных бюллетеней избирателей. Причем общее число избирательных участков, на которых возможно проведение электронного голосования, не должно превышать одного процента от числа избирательных участков, образованных на конкретной территории. Думается, что такой подход с учетом национального контекста является более чем оправданным. Российское общество пока не готово к полномасштабному введению электрон-

ного голосования, пусть даже стационарному.

Реальные же перспективы дистанционного электронного голосования — это его внедрение в труднодоступных и малонаселенных районах нашей страны. По статистическим данным, доля избирателей, проживающих там, составляет около 1% (примерно 11 тыс. избирателей). При этом на организацию выборов тратится до 10% от общих расходов¹⁴.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что внедрение электронного голосования не может быть способом решения актуальных социально-политических проблем (торговли голосами, использования административного ресурса, повышения явки на выборах), а является способом усовершенствования уже существующих практик, определенной оптимизацией избирательных механизмов, позволяющей, в частности, в некоторых случаях сократить расходы на проведение выборов, автоматизировать процедуру подсчета голосов.

Более того, движение страны по пути развития электронной демократии далеко не обязательно означает демократизацию общественно-политической жизни. Наглядный тому пример — Эстония. Несмотря на то, что эта страна является лидером в сфере дистанционного электронного голосования, в эстонском избирательном законодательстве сохраняются антидемократические дискриминационные нормы, лишающие избирательных прав разных национальных меньшинств (преимущественно русских), обобщено называемых «лицами с неопределенным гражданством», что абсолютно не соответствует общепринятым европейским демократическим избирательным стандартам.

Примечания

- 1 См.: Всемирная статистика Интернета. URL: http://www. internetworldstats.com/ (дата обращения: 13.05.2016).
- ² См.: Исследование GfK. URL: http://www.gfk.com/ ru/insaity/press-release/issledovanie-gfk-za-2015-godinternet-auditorija-v-rossii-uvelichilas-eshche-na-4-mlnchelovek/ (дата обращения: 10.05.2016).
- ³ См.: *Чуров В. Е.* Электронное голосование обеспечение баланса между доступностью голосования и доверием граждан к системам голосования // Роль политических партий в политическом процессе: материалы семинара ОБСЕ. Варшава, 2011. URL: http://www.cikrf.ru/news/relevant/2011/06/01/churov_electron. html (дата обращения: 12.02.2015).
- 4 См.: Баранова Е. Электронное голосование // Интернетжурнал по широкополосным сетям и мультимедийным технологиям. URL: http://www.telemultimedia.ru/art. php?id=37 (дата обращения: 24.05.2016).
- ⁵ См., например: Семенова В. Г. Электронное голосование: теоретические возможности и практические риски // Парламентаризм в современном мире: теория и практика: материалы VII Междунар. Конституцион-

ного форума, посвященного 10-летию юридического факультета Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского : в 2 ч. Саратов, 2016. Ч. 1. С. 143–144.

- ⁶ См.: Керстинг Н. Электронное голосование и демократия в Европе // Политическая наука. 2007. № 4. С. 141–142.
- 7 См.: Рекордное число граждан на выборах в Эстонии голосовало через Интернет. URL: http://www.cis-emo.net/ru/news/rekordnoe-chislo-grazhdan-na-vyborah-vestonii-golosovalo-cherez-internet (дата обращения: 03.05.2016).
- 8 Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: федер. закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 5.04.2016). (Ст. 66.). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
- ⁹ См., например: Дурнова И. А. Правовое регулирование электронного голосования в Российской Федера-

- ции // Традиции и новации в системе современного российского права : сб. тезисов. М., 2009. С. 57–58.
- ¹⁰ См.: Голосование по привычке. URL: http://www.levada. ru/2015/09/24/golosovanie-po-privychke/ (дата обращения: 15.05.2016).
- 11 См.: ВЦИОМ: Более трети россиян уже сегодня готовы голосовать через Интернет // Журнал о выборах. 2008. № 5. С. 22.
- 12 См. подробнее: *Шульга-Морская Т. В.* Выживет ли репрезентативная демократия в эпоху Интернета? // Городское управление. 2012. № 3. С. 87–90.
- 13 См.: Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: федер. закон от 12.06.2002. № 67-ФЗ (п. 2 ст. 62).
- ¹⁴ См.: Павлушин А. В., Постников А. Е. Правовой механизм дистанционного электронного голосования (анализ возможной модели) // Журнал российского права. 2009. № 11. С. 5.

УДК 322.2

РОЛЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

В. А. Труханов

Саратовская государственная юридическая академия E-mail: truhanov viktor@mail.ru

В. И. Катин

Балаковский филиал Саратовской государственной юридической академии

E-mail: vkatin1405@mail.ru

В статье анализируется участие Русской православной церкви в политической социализации современной молодежи в России. Выделяются характерные особенности форм и методов церковной молодежной политики, одновременно способствующие процессу усвоения человеком ценностей и норм, ведущих к формированию качеств, позволяющих адаптироваться в данной политической системе и выполнять политические роли и функции. Ключевые слова: политическая социализация, молодежная политика, гражданское общество, молодежь, религия, Русская православная церковь, социализация, церковь.

The Role of the Russian Orthodox Church in the Political Socialization of Young People

V. A. Trukhanov, V. I. Katin

In article participation of Russian Orthodox Church in political socialization of modern youth in Russia is analyzed. Characteristics of forms and methods of church youth policy with which the ROC expands are distinguished and deepens the religious influence on youth, at the same time promoting process of assimilation by the person of the values and regulations leading to forming of the qualities and properties allowing to adapt in this political system and to carry out political roles and functions.

Key words: political socialization, youth policy, civil society, youth, religion, Russian Orthodox Church, socialization, church.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-3-350-354

Под политической социализацией в политологии обычно понимается «вхождение субъекта или группы субъектов в политику», т. е. постепенное овладение человеком (индивидуумом) или поколением людей методами политической деятельности, приобщение их к разнообразным ее формам и видам.

Молодая регенерация человеческого общества перманентно испытывает на себе пристальное внимание составляющих его структур и элементов. Кроме государства, его властных структур в политической социализации так или иначе участвуют и другие составные элементы гражданского общества: семья, СМИ, общественные и религиозные организации и т.д., которые в данном случае выступают в качестве агентов политической социализации.

Как вполне справедливо отмечает отечественный политолог М. М. Мчедлова: «Институционализированные религиозные организации, главной задачей которых было пастырское служение, не только не отдаляются от институтов власти, но и играют все более значительную роль в мировом политическом процессе как субъекты политического целеполагания»¹. Американский

ученый X. Йоас, рассуждая о будущем христианства, подчеркивал: «Сегодня христианство может быть услышанным.., когда оно успешно переведет себя в настоящее время совершенно новым и фундаментальным образом»².

Российские исследователи Ю. А. Зубок, Ю. И. Кривов, А. В. Мудрик, В. А. Смирнов, Е. Б. Шестопал, В. И. Чупров и другие, изучая проблемы социальной адаптации и политической социализации, влияния на них различных факторов, обращают внимание на сопричастность религиозных организаций в условиях демократического транзита и идеологического релятивизма к процессу формирования у современной молодежи базисных ценностных установок, и недооценивать этого нельзя. Изучение усиления религиозного влияния на российского общество, и в частности на молодежь, трансформация церкви в важнейший актор политики по-прежнему остаются актуальными в ряду других тем научных исследований. Кроме того, следует учитывать, что гармонизация межконфессиональных отношений является важнейшим условием стабильного развития российского общества³.

Одним из активных членов гражданского общества в России стала Русская православная церковь (далее – РПЦ). Причины здесь, на наш взгляд, таковы. Во-первых, РПЦ обладает солидным социальным опытом, позволяющим ей умело, со знанием дела входить в контакт со многими стратами общества, включая молодежь. Во-вторых, у нее имеется немалый опыт взаимоотношения с государством и властью. В-третьих, она обладает разветвленной организационной структурой и централизованным управлением, т. е. институализирована. В-четвертых, РПЦ располагает значительными материально-техническими ресурсами, профессиональным и дисциплинированным кадровым аппаратом. Сегодня не требуется особых доказательств того, что РПЦ приобрела в российском обществе достаточно серьезное влияние. Можно с полным основанием утверждать, что ее общественная деятельность протекает в русле так называемой вертикальной политической социализации. И она в ней принимает активное участие. Кроме того, церковь обычно относят к неполитическому институту социализации. Ныне правящий Патриарх Московский и всея Руси Кирилл призывает церковный клир входить во все поры общественной жизни⁴.

Вместе с тем нельзя не подчеркнуть, что участие Церкви в политической социализация имеет свои специфические особенности.

Одно из важных своих предпочтений современная РПЦ отдает установлению и поддержанию гражданского мира в обществе. «Старайтесь иметь мир со всеми» (Евр. 12; 14). «Церковь, по заповеди Божией, имеет своей задачей проявлять заботу о единстве своих чад, о мире и согласии в обществе», — подчеркивается в «Основах соци-

альной концепции РПЦ 5 . Для позитивного развития современной России проповедь гражданского мира является более чем значимой. РПЦ пытается взять на себя роль посредницы в его поддержании.

РПЦ, опираясь на христианские догматы и каноны, возбраняет клирикам брать на себя участие в делах государственного управления, под которыми понимается исполнение властных административных полномочий и участие в представительных органах власти. Церковь «имеет принципиально иную природу, – отмечает руководитель научного центра «Православная энциклопедия» С. Кравец. – Это не плод самоорганизации, а результат божественного дара, она основана и дарована нам Богом, и главная ее цель – это спасение человека»⁶.

В то же время воздержание церковной Полноты от участия в политической борьбе, в деятельности политических партий и в предвыборных процессах не рассматривается РПЦ как ее отказ от публичного выражения позиции по общественно значимым вопросам, обращения к органам власти на любом уровне.

Особо Церковь оговаривает свое участие в работе политических объединений и организаций. РПЦ дает четкую и категоричную установку на то, что «невозможно участие церковного Священноначалия и священнослужителей, а, следовательно, и церковной Полноты, в деятельности политических организаций»⁷. Но при этом ничто не препятствует участию православных мирян в их деятельности.

Разрешается участие священнослужителей, в том числе представляющих канонические церковные структуры и церковное священноначалие, в отдельных мероприятиях политических организаций, а также церковное сотрудничество с ними в делах, полезных для церкви и общества, в случае, если такое участие и сотрудничество не носит характера поддержки политических организаций, а служит созиданию мира и согласия в народе и церковной среде⁸.

Таким образом, РПЦ участвует в политической социализации населения, в том числе и молодежи, не напрямую, а опосредствованно. Как отмечает М. Ю. Зеленков, косвенная социализация — это своего рода «проекция» общесоциальных ориентиров личности на формируемые политические установки⁹.

Российская православная молодежь, адаптируясь в церковной среде, воцерковляясь, не только получает сведения из области христианской догматики и культуры, но приобретает также социальный опыт общения с единоверцами, которые могут иметь различные политические убеждения, усваивает принципы лояльности к «власть предержащим», способы и методы воздержания от конфликтов на межрелигиозной и межэтнической почве, закрепляет уроки уважения к родителям, старшим и младшим, патриоти-

ческого воспитания, гуманистических традиций. То есть всего того, что определяет структуру политических ценностей и традиций, присущих данному обществу.

Всему этому способствует деятельность РПЦ по организации и проведению церковной молодежной политики. Патриарх Кирилл отметил, что активизация данного направления церковной деятельности является одной из важнейших задач для всей Русской православной церкви¹⁰.

По всей стране открываются воскресные школы, приюты, сформирована система общего православного образования и воспитания: православные детские сады, школы, гимназии, лицеи, духовные училища, семинарии, институты, академии и университеты. «Происходит их активное взаимодействие с общественными и государственными институтами; проводятся общецерковные мероприятия с привлечением православной молодежи, приобщающие и вовлекающие ее в церковное служение, активизировалась просветительская, катехизационная, образовательная, информационно-издательская деятельность» 11. Принята «Концепция молодежного служения Русской Православной Церкви» как основополагающий документ в данной сфере деятельности, в которой определены принципы молодежной политики РПЦ: «1) личностный характер общения; 2) учет индивидуальных и возрастных особенностей; 3) не назидание, а живое общение; 4) совместное участие; 5) основа молодежной работы – церковный приход; 6) в семье и через семью; 7) простота отношений; 8) принцип системности; 9) принцип целостности» 12

К формам молодежной политики РПЦ относятся: вовлечение молодежи в приходскую жизнь во всем многообразии ее проявлений; создание православных детских и молодежных организаций; привлечение светских детских и молодежных организаций, разделяющих ценности православия; организация школ, ремесел, а также активизация «кружковой» работы с детьми и молодежью; создание православных клубов на приходе и по месту жительства; организация детских, молодежных консультаций; проведение в православных школах, гимназиях, лицеях, воскресных школах различного рода мероприятий с приглашением на них детей и молодежи из светских учебных заведений; издание книг, газет, журналов молодежной направленности, активное использование СМИ для работы с молодежью; проведение круглых столов по актуальным темам, интересующим молодежь; организация и проведение православных творческих конкурсов, православных лагерей и слетов для детей и молодежи, спортивной и туристической деятельности; осуществление паломнических поездок, участие в реставрационных работах; взаимодействие и сотрудничество с государственными службами и органами при осуществлении ими государственной молодежной политики и др.

Организация работы с молодежью в РПЦ осуществляется на четырех уровнях: общецерковном, епархиальном, благочинническом, приходском¹³.

Патриарх Кирилл отмечает, что молодежная работа в церкви — «это, прежде всего, миссия среди молодых людей. Причем отнюдь не воцерковленных, но в первую очередь малоцерковных, малорелигиозных молодых людей, то есть среди тех, кто составляет большинство, все еще далекое от Церкви. Именно этот слой общества мы должны привлечь к Церкви»¹⁴. По его мнению, «работа с молодежью — одно из приоритетных направлений церковной миссии в современном мире. Каждый член Церкви — от мирянина до Патриарха — призван проявлять заботу о нравственном здоровье подрастающего поколения, о воспитании детей и молодежи в верности исконным духовным традициям нашего народа»¹⁵.

Большую роль в осуществлении работы с молодежью играют православные молодежные организации и объединения, созданные по инициативе как РПЦ, так и самой молодежи. Наиболее известными среди них являются «Всероссийское православное молодежное движение», «Братство православных следопытов», молодежное движение «Георгиевцы»; ежегодно проводятся Всероссийские съезды православной молодежи, а также молодежные Рождественские чтения, организуется и проводится большое количество самых разнообразных молодежных программ, мероприятий и форумов. Реализуются волонтерская программа «Помоги Ближнему», молодежный проект «Помощь сельскому храму», «Есть такой праздник!» (популяризирующий ряд памятных дат среди молодежи, как, например, День семьи, любви и верности (8 июля), День народного единства (4 ноября), молодежная акция «Россия – за жизнь! Россия – без абортов!», проводятся ежегодные спортивные «Георгиевские игры».

При осуществлении своей модели молодежной политики РПЦ использует самые разнообразные методы и формы. В. А. Смирнов выделяет три группы форм привлечения и удержания молодежи в православии: традиционные церковные формы (проповедь во время церковных служб, работа с детьми воцерковленных родителей, молодежные крестные ходы и др.); традиционные светские формы (детские и молодежные форумы и лагеря; интернет-проекты; инициирование молодежных общественных объединений); инновационные формы работы с молодежью (создание в регионах страны сети православных кафе, баров и ночных клубов для молодежи; работа с молодежными субкультурами: «ролевиками», роллерами, скейтерами, байкерами) 16 .

При реализации своей модели молодежной политики РПЦ сталкивается с целым рядом проблем, от решения которых напрямую зависит

большая эффективность молодежной политики Церкви.

Одна из значимых проблем — это формирование своего собственного кадрового резерва, подбор среди молодежи людей, искренне и заинтересованно стремящихся прийти и служить Церкви, ее делу. Здесь Церковь ощущает отсутствие опытных и надлежащим образом подготовленных кадров и лидеров для осуществления молодежной работы среди молодежи, мирян и пастырей.

Другой важной проблемой является наличие формального, популистского подхода со стороны некоторых священнослужителей и ответственных за молодежную работу, сводящегося порой исключительно к организации и проведению крупных мероприятий «для галочки» и созданию видимости активной деятельности.

Следующая проблема — неадекватная оценка потенциала молодежи. Церковному клиру необходимо понимать, какие вопросы и проблемы волнуют молодежь, ответственно готовиться к ответам на «эти вопрошания», содействовать молодежным проектам, организациям, инициативам, причем не обязательно напрямую касающимся церковной деятельности. Это могут быть дискуссионные группы, например, для обсуждения современных социальных или культурных явлений, либо социальные проекты.

Крайностью в работе с молодежью являются попытки заигрывания некоторых священнослужителей с молодежными субкультурами. Западные христианские проповедники оказались в «ловушке», идя на поводу интересов некоторой части молодежи, придерживающейся девиантного поведения. Патриарх Кирилл отмечает: «Да, в каждой культурной среде мы должны говорить на понятном для этой среды языке» ¹⁷. Но при этом церковная община не должна превращаться в рокерскую тусовку, футбольный фан-клуб или кулинарный кружок. Основная задача Церкви остается прежней – нести слово Божие повсюду.

Подводя итоги изложенному, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, за последние годы деятельность РПЦ в молодежной среде претерпела существенные изменения. Ею приняты основополагающие концептуальные документы, регулирующие и определяющие содержание церковной политики в отношении молодежи. Установлены методы и формы, при помощи которых РПЦ осуществляет свое влияние на молодежь. Накоплен определенный и многообразный опыт участия РПЦ в политической социализации молодежи.

Во-вторых, так или иначе участвуя в политической социализации молодежи, РПЦ в своих подходах и направлениях деятельности твердо и последовательно отстаивает церковную автономность и специфику, не забывая при этом о своей главной миссии — проповедовать слово Божие, указывать своим адептам пути их спасения.

В-третьих, молодежь, приобщаемая Цер-

ковью к познанию христианского вероучения, воцерковляясь, последовательно проходит своеобразную школу усвоения элементарных и сложных основ социального и политического поведения, принятых в данном обществе. Приобретенный опыт она применяет в реальных условиях своей светской социальной и политической деятельности.

В-четвертых, властным государственным структурам, органам местного самоуправления с учетом наработанной РПЦ богатой практики молодежной церковной политики следует обобщать ее формы и методы, чтобы пополнить свой арсенал средств влияния на молодежь, вовлечения ее в активную социальную и политическую жизнь. Государственным и местным органам, политическим партиям и общественным объединениям следует всемерно координировать свои действия, взаимодействовать с РПЦ по вопросам, связанным с проведением молодежной политики.

В-пятых, настала пора с научных позиций проанализировать и исследовать роль РПЦ и других традиционных конфессий Российской Федерации по проблемам политической социализации не только молодежи, но и других страт населения страны, выработать научные рекомендации, в соответствии с которыми следует вести с ним практическую работу, способствуя более активному его приобщению к социально-политической деятельности, а также дальнейшему развитию гражданского общества в России.

Примечания

- Мчедлова М. М. Место религии в социально-политическом процессе: цивилизационные основания и современные тенденции. URL: http://famous-scientists.ru/list/10280 (дата обращения: 20.06.2016).
- ² Йоас Х. Будущее христианства // Социс. 2009. № 11. С 87
- 3 См.: Вилков А. А. Политические аспекты гармонизации этноконфессиональных отношений на региональном уровне // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 1. С. 55–62.
- 4 См.: Слово Святейшего Патриарха Кирилла в третью годовщину интронизации в Храме Христа Спасителя. URL: https://forum.optina.ru/topic/1567 (дата обращения: 18 06 2016)
- ⁵ Основы социальной концепции Русской православной церкви. М., 2008. С. 78.
- 6 Кравец С. В каком смысле Церковь вне политики? URL: http://www.nsad.ru/index.php?issue=13§ion= 10014&article=1964» (дата обращения: 18.06.2016).
- 7 Основы социальной концепции Русской православной церкви. С. 79.
- 8 Там же. С. 84-85.
- 9 См.: Зеленков М. Ю. Политология для юристов в таблицах и схемах : учеб. пособие. Ростов н/Д, 2009. С. 317.
- $^{10}\,$ См.: Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на Ар-

- хиерейском совещании 02 февраля 2010 г. // Журнал Московской патриархии. 2010. № 3. С. 28.
- 11 Елишев С.О. Молодежная политика РПЦ в Российской Федерации. URL: http://ruskline.ru/analitika/2013/06/04/molodyozhnaya_politika_russkoj_pravoslavnoj_cerkvi_v_rossijskoj_federacii/ (дата обращения: 22.06.2016).
- 12 Концепция молодежного служения Русской Православной Церкви. URL: http://www.reshma.nov.ru/doc/ koncepcija molodeg.htm (дата обращения: 15.06.2016).
- 13 См.: Об организации молодежной работы в Русской православной церкви. URL: http://www.patriarchia.ru/ db/text/1639899.html (дата обращения: 16.06.2016).

- 14 Патриарх и молодежь : разговор без дипломатии. М., 2009. С. 7.
- Патриаршее приветствие организаторам и участникам Съезда православной молодежи Центрального федерального округа 20 октября 2009 г. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/918888.html (дата обращения: 18.06.2016).
- 16 См.: Смирнов В. А. Институционализация региональной молодежной политики в условиях трансформации российского общества: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. СПб., 2011. С. 33.
- 17 Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на Архиерейском совещании 02 февраля 2010 г. С. 30.

СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

УДК 329.12

ОСОБЕННОСТИ ПРАЙМЕРИЗ КАК ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕХНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А. И. Камалетдинова

Самарский государственный университет E-mail: alsoy08@mail.ru

В статье рассмотрены особенности внедрения процедуры праймериз как политической технологии в современной России, раскрыты основные цели и функциональность ее использования на выборах, выявлены ключевые противоречия и неоднозначные последствия.

Ключевые слова: праймериз, модели праймериз, функциональность праймериз, информационно-коммуникационные технологии.

Peculiarities of Primaries as a Political Technology in Modern Russia

A. I. Kamaletdinova

The author considers peculiarities of implementation of primaries as a political technology in contemporary Russia, reveals the main goals and functionality of using it during elections, and pinpoints key controversies and ambiguous consequences.

Key words: primaries, models of primaries, functionality of primaries, informational and communicative technologies.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-3-354-357

Введение праймериз (предварительные, первичные выборы) в практику отбора кандидатов на выборах в современной России было инициировано «правящей партией». В качестве ключевых аргументов служило обоснование необходимости ограничить всевластие региональных руководителей в формировании депутатского корпуса и стимулировать политическую активность населения в процессе формирования представительных органов власти.

Немаловажную роль играло стремление вызвать интерес к выборам, поднять уровень доверия к данному институту за счет укрепления в сознании избирателей веры в то, что от их волеизъявления зависит в том числе и выдвижение кандидатов. Фактически населению было предложено включиться в процесс селекции и рекрутинга политической элиты в современной России.

Еще одним аргументом было стремление противостоять сложившимся в западном общественном мнении стереотипам об отсутствии в политической жизни России реальной демократии, основанной на конкуренции. Внедрение еще одного демократического института, давно применяемого в западноевропейских странах, должно было продемонстрировать потенциал модернизации российской политической системы и склонность руководства к совершенствованию ее институтов и механизмов¹.

Однако уже первый опыт применения заимствованной технологии селекции, обновления и рекрутинга политической элиты показал, что наряду с сильными ее сторонами проявились также слабости и противоречия. Часть из них можно отнести к «родовым», генетическим недостаткам, проявляющимся и в условиях западноевропейских стран, часть обусловлена специфическими российскими условиями.

К первым можно отнести, прежде всего, акцент на эмоциональной составляющей мотивации предварительного отбора кандидатов. Независимо от выбранной модели праймериз (различные вариации закрытой модели, когда в отборе принимают участие только члены партии; вариации открытой модели, когда в отборе

принимают участие также и беспартийные избиратели; вариации смешанной, комбинированной модели, когда применяются оба способа), ее применение представляет собой, прежде всего, шоу, призванное обеспечить поддержку наиболее ярким кандидатам. То есть акцент делается не на идеологической мотивации², не на рациональном обосновании преимуществ предвыборной программы кандидатов, а на демонстрации их ярких лидерских качеств, харизматических характеристик. Обеспечивается данная задача за счет разнообразных имиджевых технологий, в том числе и манипулятивных. Насколько велика роль театрализованных мероприятий праймериз, весьма далеких от апелляции к разуму избирателей, наглядно демонстрируют, например, предвыборные кампании Х. Клинтон и Д. Трампа.

Вторая группа противоречий связана с особенностями российской нормативно-правовой системы, регулирующей политические процессы в стране, и прежде всего избирательного законодательства.

Впервые «Единая Россия» использовала праймериз накануне выборов в Государственную думу 2007 г. Результаты предварительного голосования были не обязательными, поэтому окончательный список был сформирован на съезде «Единой России». В результате, например, от Самарской области в него были включены кандидаты, которые даже не участвовали в процедуре праймериз³.

В 2009 г. использование праймериз в «Единой России» стало обязательным и было закреплено Уставом партии в разделе «Руководящие и центральные органы партии», п. 8.1⁴. В то же время в п 8.3 «Высшим органов партии является съезд» в пп. 8.3.4.1 говорится: «Решение о выдвижении федерального списка кандидатов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации и кандидатов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по одномандатным избирательным округам осуществляется тайным голосованием в порядке, определяемом Съездом»⁵. Пункт 8.3.4.2. четко указывает на то, что «съезд Партии правомочен решать все вопросы внутрипартийной жизни, в том числе... выдвигать тайным голосованием, отзывать кандидатов (списки кандидатов) в депутаты, или на иные выборные должности в органах государственной власти субъектов Российской Федерации и органах местного самоуправления» 6. Более того, п. 8.3.5.11 Устава относит процедуру выдвижения «тайным голосованием федерального списка кандидатов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации и кандидатов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по одномандатным избирательным округам» к исключительной компетенции съезда. На возможные последствия данной правовой коллизии указывает, например, С. Лоскутов. По его мнению, возможна ситуация, когда «любого оппозиционера можно выдвинуть на праймериз, обеспечить консолидированное голосование "за своего" и в итоге ПП "Единая Россия" будет вынуждена либо выдвинуть представителя оппозиции, либо проигнорировать мнение электората»⁸.

Тем не менее, в августе 2011 г. на встрече с координационным советом ОНФ бывший на тот момент премьер-министром В. Путин высказал пожелание о том, чтобы распространить процедуру праймериз на все политические партии и на выборы всех уровней: «Было бы целесообразно, на мой взгляд, предварительное голосование проводить не только при выборах в Госдуму, но и при выборах в законодательные собрания в регионах и в муниципалитетах»⁹.

Главным аргументом на тот период была нейтрализация обвинений в том, что в условиях использования пропорциональной избирательной системы беспартийные российские граждане были ограничены в возможностях на использование пассивного избирательного права на выборах¹⁰. Поэтому система праймериз (в рамках Общероссийского народного фронта) была формально нацелена, прежде всего, на привлечение беспартийных кандидатов в федеральные списки «Единой России».

Еще один аргумент, который не афишировался и не афишируется единороссами официально, состоял в том, чтобы снять обвинения в том, что фактически процедура праймериз представляет собой начало предвыборной агитации за партию, хотя по Закону «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» она должна начинаться в строго оговоренные сроки после официального объявления выборов 11. Данная правовая коллизия не разрешена по сей день и представляет собой серьезную проблему в обеспечении правовых гарантий равенства всех участников избирательного процесса на выборах всех уровней.

Инициатива сделать процедуру праймериз обязательной для всех партий была встречена критикой со стороны оппозиционных партийных лидеров¹². Тогдашний руководитель «Яблока» С. Митрохин оценил данную инициативу как вмешательство во внутренние дела политических партий. Лидеры «Справедливой России» «назвали праймериз "инструментом сомнительной ценности", а либерал-демократы предложили воспользоваться этой процедурой при назначении губернаторов. Непарламентские партии идея также не вдохновила: они заявили, что не стоит лезть в чужой монастырь "с сомнительным уставом" и делать кальку с американских традиций» ¹³.

Данное критическое отношение сохранилось у оппозиционеров и к моменту текущих выборов в Государственную думу. Лидер «Яблока» Э. Слабунова, критикуя процедуру праймериз,

обращает внимание на то, что заимствование данного института не учитывает, что в США и других западноевропейских странах она осуществляется в принципиально иных условиях, отсутствующих в России. Для России, по мнению Слабуновой, характерны «плохая организация праймериз, необязательность результатов голосования, отсутствие внятных правил игры, их неустойчивость и зыбкость, разные цели участников, ложные ожидания, многочисленные скандалы...»¹⁴

Как представляется, такая оценка не вполне справедлива, так как не учитывает, что главный смысл проведения праймериз для «Единой России» состоит в том, чтобы создать легитимную возможность для включения в информационную повестку дня разнообразных информационных поводов для привлечения внимания российского населения к партии в целом, к важнейшим направлениям ее деятельности, к отдельным партийным представителям, к партийным инициативам и т. д. По существу, праймериз представляют собой сложную информационно-коммуникационную технологию, позволяющую усиливать ресурсы партии накануне проведения выборов.

Это вовсе не означает, что не реализуются те политические задачи, которые лидеры партии «Единая Россия» публично приписывают праймериз, обосновывая смысл их проведения: усиление конкуренции, приток новых политических лидеров и самообновление партийной элиты, укрепление связей партии с регионами, выявление важнейших нерешенных проблем, повышение политической культуры российских граждан, усиление гражданской активности, укрепление региональных организаций и т. д. Однако все данные политические функции, на наш взгляд, носят инструментальный характер и подчинены решению главной задачи – повысить рейтинг партии в целом и обеспечить ей победу на выборах. Например, усиление внутрипартийной конкуренции призвано разрешить определенное противоречие, которое объективно складывалось до применения процедуры праймериз в «Единой России» (а также и других «проходных» партиях). По мнению А. Кынева, «бюрократическое», закрытое формирование партийных списков кандидатов приводило к тому, что «проходные» кандидаты, будучи уверенными в своем попадании в Государственную думу, уже не были заитересованы в активной личной предвыборной кампании, в продвижении программных партийных установок. Это сказывалось на рейтинге «Единой России» в целом¹⁵. Процедура праймериз очевидно стимулирует личную ответственность кандидата от партии в конкурентной борьбе за попадание в сам список.

В целом, подводя итог, можно констатировать, что не может быть однозначной оценки праймериз как технологии селекции политической элиты в современной России.

С одной стороны, следует признать справедливость критики данной процедуры за ее дороговизну, за формализм и предсказуемость результатов, за использование административного ресурса и некорректных методов борьбы, за отсутствие четких политико-правовых правил ее проведения и определения результатов.

С другой стороны, нет сомнения в том, что прошедшие праймериз заставили лидеров «Единой России» искать новые идеи решения социальных проблем и способы их воплощения в жизнь, привлекли новых людей к борьбе за депутатские мандаты, способствовали формированию актуальной политической повестки партии перед выборами.

Кроме того, следует признать, что с момента внедрения праймериз данный институт проделал определенную эволюцию в сторону реальной демократизации. От закрытой процедуры (когда голосовать могли только члены партии за предварительно отобранных кандидатов) праймериз эволюционировал вначале в сторону комбинированной модели (половина выборщиков от партии, половина от $OH\Phi$), а затем к многовариантной открытой модели (когда голосовать могут не только члены партии, но и все желающие).

Главный результат внедрения праймериз состоит в том, что партия получила мощную информационно-коммуникационную технологию, которая позволила привлечь внимание к «Единой России» со стороны СМИ, интеллектуального и экспертного сообщества федерального и регионального уровня, создала совокупность первичных и вторичных информационных поводов, позволила решить многие задачи по обновлению институционального имиджа партии и накопить информационные ресурсы для реализации имиджевых стратегий конкретных партийных кандидатов на предстоящих в сентябре 2016 г. выборах депутатов Государственной думы.

Примечания

- См.: Медведев: Праймериз ОНФ полезны политсистеме. URL: http://actualcomment.ru/medvedev_praymeriz_ onf_polezny_politsisteme_.html (дата обращения: 29 07 2016)
- ² См.: Вилков А. А., Николаева А. А. Российский менталитет и перспективы социал-демократии и левоцентризма в современной России. Саратов: Саратовский источник, 2009. С. 226.
- ³ См.: Шишкина Н. Э. «Праймериз» как предстадия избирательного процесса // Сибирский юрид. вестн. 2008. № 1. С. 31.
- ⁴ Устав Партии «Единая Россия». URL: http://er.ru/party/ rules/#8 (дата обращения: 14.09.2014).
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же.
- 7 Там же.
- ⁸ Лоскутов С. Праймериз в России. URL: https://topwar.

- ru/96000-praymeriz-v-rossii.html (дата обращения: 28.07.2016).
- ⁹ Путин: Праймериз нужны всем. URL: http://www. interfax.ru/russia/204744 (дата обращения: 16.09.2014).
- 10 См.: Вилков А. А. Особенности реализации беспартийными гражданами пассивного избирательного права на выборах в Государственную думу в постсоветской России // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2013. Т. 13, вып. 1. С. 64–69.
- 11 См.: О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: федер. закон от 18.05.2005 № 51-ФЗ (ред. от 05.10.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53536/ (дата обращения: 30.07.2016).

УДК 321.01

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ВОЕННОЙ ДОКТРИНЫ РККА В НАЧАЛЕ 1920-х гг.

А. В. Пасечник

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского E-mail: pasiechnik.andriei@mail.ru

Автором рассмотрены материалы дискуссии начала 1920-х гг. о разработке единой военной доктрины Красной армии, проанализированы основные позиции и аргументы участников дискуссии в контексте выявления взаимосвязи между политическим развитием и концептуализацией характера реформирования Вооруженных сил Советского государства в указанный период.

Ключевые слова: военная доктрина Красной армии, концептуализация военной реформы, политическая дискуссия о характере развития РККА.

Conceptualization of the Labor-Peasantry Red Army's Military Doctrine in the Beginning of the 1920s

V. Pasechnik

The author considers documents pertaining to the discussion which took place in the beginning of 1920s concerning elaborating a united Red Army's military doctrine, analyzes the main stances and arguments of those who participated in the discussion within the context of finding interrelations between political development and conceptualization of the way the armed forced of the soviet state were reformed in the above mentioned period.

Key words: Red Army's military doctrine, conceptualization of the military reform, political discussion on the Labor-Peasantry Red Army's development.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-3-357-360

Проблемы укрепления национальной безопасности за счет реформирования вооруженных сил во все времена актуализировались в период обострения международных отношений, а также после крупных войн. Одним из таких периодов для нашей страны были 1920-е гг., когда после

- 12 См.: Оппозиция против демократических процедур. URL: http://polithexogen.ru/info/46958.html (дата обращения: 27.07.2016).
- ¹³ Поголовные праймериз в РФ: партии против и «в легком шоке». URL: http://www.spravedlivo.ru/5_36427_1_5. html (дата обращения: 27.07.2016).
- ¹⁴ Эмилия Слабунова: Институт праймериз искажен до неузнаваемости. URL: http://www.ng.ru/ ng_politics/2016-06-07/15_filters.html (дата обращения: 27.07.2016).
- 15 См.: Кынев А. Потемкинская демократия. Кому и зачем нужны «первичные выборы». URL: http://www.democracy.ru/article.php?id=2932 (дата обращения: 27.07.2016).

окончания Гражданской войны и перехода к новой экономической политике одним из актуальных вопросов стала проблема сокращения Красной армии и характер ее реформирования. Важнейшее место в данной проблематике занимал вопрос выработки военной доктрины молодого Советского государства. Данный сюжет постоянно привлекал внимание советских и современных историков, подробно рассмотревших различные аспекты строительства Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) в данный период¹. Однако, как представляется, многие аспекты концептуализации военной доктрины в 1920-е гг. не утратили своей актуальности в контексте их политологического осмысления. Многие из обозначенных в тот период дискуссионных проблем интересны с точки зрения их соотнесения с современной дискуссией о путях реформирования Вооруженных сил в Российской Федерации.

Накануне Первой мировой войны происходило активное теоретическое осмысление военных стратегий и тактик с учетом новых возможностей и условий ведения боевых действий в начале XX столетия². Однако последующее развитие событий показало, что многие теоретические положения и принципы были подкорректированы реальным развитием событий на театрах военных действий в годы Первой мировой войны (изменение масштабов военных действий и привлекаемых людских и материальных ресурсов, невиданный ранее территориальный размах, изменение роли промышленности в войне, появление принципиально новых видов вооружений).

Данный теоретико-практический опыт, наряду с опытом Гражданской войны, стал тем фундаментом, на который опирались политики

и руководители Рабоче-крестьянской Красной армии в 1920–1930-е гг. в процессе разработки военной доктрины. По этому поводу в 1922 г. развернулась серьезная дискуссия между двумя видными представителями большевистской элиты.

Инициатором дискуссии о необходимости разработки классовой пролетарской военной доктрины выступил М. В. Фрунзе еще накануне X съезда РКП(б). Однако основная дискуссия развернулась 1 апреля 1922 г. на совещании военных делегатов XI съезда РКП(б). Накануне съезда в первом номере журнала «Красная Новь» была опубликована статъя М. В. Фрунзе. Кроме того, участники совещания военных делегатов получили тезисы Фрунзе по данному вопросу, принятые его украинскими коллегами. Именно они стали предметом детального критического разбора со стороны Л. Д. Троцкого в ходе его доклада на совещании.

М. В. Фрунзе утверждал, что ориентироваться нужно не на отжившие свое позиционные действия армий империалистических государств со сплошной линией фронта в годы Первой мировой войны, а на опыт Гражданской войны с ее постоянным маневрированием, быстрыми кавалерийскими рейдами и прорывами бронепоездов. В этой связи необходимо разработать единую военную доктрину для того, чтобы ей можно было руководствоваться в строительстве и подготовке РККА.

Он предложил следующее определение классовой «единой военной доктрины»: «...это есть принятое в армии данного государства единое учение, устанавливающее формы строительства вооруженных сил страны, методы боевой подготовки войск и их вождения на основе господствующих в государстве взглядов на характер лежащих пред ним военных задач и способы их разрешения, вытекающие из классового существа государства и состояний его производительных сил»³.

По мнению Фрунзе, маневренный характер Гражданской войны носил не случайный характер и стал следствием не только чисто объективных предпосылок (огромная территория, относительная малочисленность войск и пр.), «но и внутренних свойств Красной армии, ее революционного духа, боевого порыва как проявлений классовой природы руководивших в ней пролетарских элементов»⁴.

Л. Д. Троцкий, председатель Реввоенсовета и нарком по военным и морским делам, в своем докладе на совещании настаивал на том, что в основу строительства РККА в условиях новой экономической политики должен быть положен опыт Первой мировой войны и опыт развития вооруженных сил передовых европейских государств. Он обвинил Фрунзе и его сторонников в схоластике и непонимании сути марксизма как научного способа объяснения политических и

социально-экономических явлений. По утверждению Троцкого, «при помощи марксизма нельзя построить полевой устав», тем более военную теорию, так как военная наука, в отличие от марксизма, «не есть совокупность научных законов, объясняющих объективные явления, а есть совокупность практических приемов, способов приспособления, сноровок, отвечающих определенной задаче: разбить врага»⁵. Троцкий соглашался с оппонентами в том, что классовый принцип и классовая природа пролетарского государства определяют социальный состав РККА, политическое мировоззрение красноармейцев и особенно командиров, их цели и задачи: «...все это оказывает известное влияние и на стратегию, и на тактику, но выводятся-то они не из пролетарского мировоззрения, а из условий техники, в особенности военной, из возможностей снабжения, из географической обстановки, из характера врага и т. д.»⁶. Троцкий с сарказмом высмеивает невозможность выработки специфической пролетарской военной доктрины на примере бессмысленности формирования торгового пролетарского мировоззрения.

Важнейшим вопросом дискуссии стало обсуждение принципа позиционности, или маневренности, в деятельности РККА и, соответственно, соотношение обороны и наступления. По мнению М. В. Фрунзе, характер будущих революционных войн будет, несомненно, маневренным, поэтому командиров РККА необходимо готовить на «идеях маневрирования и подвижности» и воспитывать «в духе смелых и энергично проводимых наступательных операций»⁷.

В своей статье по данному вопросу Троцкий утверждал, что выдвижение абсолютного принципа маневренности против принципа позиционности есть не что иное, как «слегка причесанная идеология партизанщины»⁸.

Фактически Троцкий выступил против классового подхода к разработке военной доктрины. По его мнению, «во всех войнах всех времен и народов были некоторые общие, относительно устойчивые (но вовсе не абсолютные) черты. На их основе развивается историческое военное искусство. Его методы и приемы меняются так же, как и общественные условия, его определяющие (техника, классовое строение, формы государственной власти)»⁹. Поэтому нарком призывал отказаться от шапкозакидательских настроений и идеализации опыта Гражданской войны, прекратить доктринерство и вместо этого начать «учиться у врага азбуке военного дела». Главный фактор, который обеспечивает победу, по мнению Троцкого, – это не доктрина, а кадры.

В ходе дискуссии командующий войсками Московского округа Н. И. Муралов высказался о необходимости прекратить теоретические дебаты и обратиться к решению практических вопросов. Он однозначно констатировал, что «никакой единой военной доктрины не может быть», а

спор по поводу обороны и наступления носит беспредметный характер, так как соотношение между ними всегда конкретно и зависит от многих условий.

В выступлении представителя стрелковой дивизии И. А. Михаленкова были поддержаны основные аргументы Троцкого о нецелесообразности единой военной доктрины, чрезмерной идеализации опыта Красной армии в годы Гражданской войны и необходимости придерживаться духа «революционного оборончества» 10.

Позицию М. В. Фрунзе поддержали М. Н. Тухачевский, утверждавший, что Троцкий склонен обесценивать опыт применения маневренности в годы Гражданской войны, а также С. М. Буденный и К. Е. Ворошилов¹¹. В подкрепление своей позиции Тухачевский опубликовал статью «Стратегия национальная и классовая»¹². Главные их аргументы в поддержку необходимости разработки военной доктрины состояли в том, что существует потребность в наполнении пролетарским мировоззренческим смыслом системы подготовки рядового и командного состава РККА.

В целом материалы данной дискуссии позволяют сделать следующие обобщения в контексте взаимосвязи политики и военного реформирования.

Характер дискуссии свидетельствует о том, что на первом плане для ее участников была борьба за укрепление своих личных позиций в военно-политической элите Советской России. Фактически дискуссия отразила борьбу двух основных группировок за усиление своего влияния в РККА. Одну из них возглавлял Троцкий, считавший себя главным организатором победы большевиков в Гражданской войне и непререкаемым авторитетом в вопросах военного строительства. Вторую группу сконцентрировал вокруг себя М. В. Фрунзе, который попытался концептуализировать опыт Гражданской войны в виде единой военной доктрины и, соответственно, выдвинуться в качестве ведущего военного теоретика.

Как представляется, личные амбиции в отстаивании своих позиций приводили к тому, что участники дискуссии нередко шли на нарушение логики и допускали противоречия в своей аргументации.

Исходным теоретическим основанием для каждого из них было собственное понимание марксизма в вопросе о революционных войнах, о стратегии и тактике борьбы пролетариата за победу мировой революции. Именно в этой военнотеоретической дискуссии был обозначен в своих основных очертаниях тот ключевой вопрос, который впоследствии станет судьбоносным для всей партийно-государственной и хозяйственной элиты, — о возможности победоносного строительства социализма в одной стране.

Несмотря на то что Троцкий до конца своей жизни продолжал отстаивать идею «перма-

нентной революции», в этот период он занял позицию позиционного оборончества. Смысл ее состоял в том, чтобы накопить необходимые ресурсы в экономике и военной сфере для того, чтобы быть готовыми для поддержки революционных выступлений в других странах. Его обоснование принципа оборончества в противовес принципу маневренности носило тактический характер с учетом того, что у молодого Советского государства в этот период не было ни социальных, ни экономических, ни культурных ресурсов для проведения наступательных операций в поддержку мировой революции.

После политического поражения и изгнания Троцкого из СССР его вполне резонные аргументы в пользу разумного сочетания наступательных и оборонительных тактик в конкретных условиях военных действий были преданы остракизму. Обоснование военной доктрины на основе победоносного опыта Гражданской войны со стороны Фрунзе и его сторонников привело к тому, что были абсолютизированы принципы маневренности и наступательности в подготовке командного и рядового состава РККА. Впоследствии они были «канонизированы» в печально известной формуле «война на чужой территории малой кровью», которая стала одной из важнейших причин страшных поражений Красной армии в начальный период Великой Отечественной войны.

Примечания

- 1 См.: *Бритов В. В.* Рождение Красной Армии. М., 1961; *Дайнес В. О.* От гражданской войны к миру (Красная Армия в 1920–1930 гг.) // Военно-исторический журнал. 1992. № 10. С. 2–10; *Жилин В. А.* Организационное строительство Вооруженных Сил: история и современность. М., 2002; *Задонских С. Н.* Принципы строительства Красной Армии в 1918–1945 годах: сущность и эволюция: дис... канд. ист. наук. М., 1992; *Ходаков И.* Окопы против тачанок. О Военной доктрине РККА в начале 20-х обороняемся или наступаем? URL: http://vpk-news.ru/articles/29208 (дата обращения: 09.08.2016.).
- ² См.: Зайончковский А. М. Первая мировая война. СПб., 2002; Строков А. А. Вооруженные силы и военное искусство в первой мировой войне. М., 1974. URL: http://militera.lib.ru/science/strokov_aa/index.html (дата обращения: 30.05.2013).
- ³ Фрунзе М. В. Единая военная доктрина и Красная армия // Красная Новь. 1921. № 1. С. 94–106. URL: http://militera.lib.ru/science/frunze1/01.html (дата обращения: 13.04.2013).
- ⁴ Там же.
- ⁵ Дискуссия на тему о единой военной доктрине РККА. Доклады т.т. Троцкого, Фрунзе и прения по ним. URL: http://levoradikal.ru/archives/13922 (дата обращения: 09.08.2016).
- ⁶ Там же.
- 7 Там же.

- ⁸ Троцкий Л. Военная доктрина или мнимое доктринерство. Петроград: Политическое Управление Петроградского Военного Округа, 1922. С. 8. URL: http://swetschin.narod.ru/others/Trotskii_L_Military_Doctrine_or_Pseudo-military_Doctrinarism.PDF (дата обращения: 09.08.2016).
- ⁹ Там же. С. 12.

УДК 321.6/.8(478)

ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИДЕИ В СОВРЕМЕННОЙ МОЛДОВЕ

А. Л. Тютюнников

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского E-mail: mcboy88@mail.ru

В статье оцениваются перспективы развития евразийской идеи в Республике Молдова. Кроме того, исследуется политическое поле Молдовы с целью выявления объединений проевразийского толка. **Ключевые слова:** политические партии Молдовы, евразийская интеграция, Молдова и ЕАЭС.

The Prospects of the Eurasian Idea in Modern Moldova

A. L. Tiutiunnikov

The article assesses the prospects of the Eurasian idea in Moldova. It examines Moldova's political field for identifying Eurasian associations in addition to it.

Key words: Moldova's political parties, Eurasian integration, Moldova and Eurasian Economic Union.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-3-360-362

2009 год ознаменовался для молдавской внешней политики резким креном в сторону евроинтеграции. Уход с политического олимпа коммунистической партии во главе с экспрезидентом Владимиром Ворониным, стремившимся балансировать между Востоком и Западом, а также участие Молдовы в проекте ЕС «Восточное партнерство» привели к резкой конфронтации с Россией. Между тем у нас есть серьезные основания полагать, что в обозримом будущем идея европейского выбора уступит пальму первенства набирающей популярность евразийской идее. Об этом красноречиво свидетельствуют результаты проводимых в республике социологических исследований В этой связи нами предпринята попытка оценить перспективы евразийского пути Молдовы.

Отметим, что евразийская идея в Республике Молдова берет свое начало в 2001 г. Достаточно обратиться к предвыборной программе коммунистической партии, в которой декларировалась готовность «рассмотреть вопрос о присоединении Молдовы к Союзу России и Беларуси»². Спустя год республика получила статус наблюдателя при

- Дискуссия на тему о единой военной доктрине РККА. Доклады т.т. Троцкого, Фрунзе и прения по ним.
- 11 Там же
- 12 См.: Тухачевский М. Н. Избранные произведения. «Стратегия национальная и классовая». URL: http://militera.lib.ru/science/tuhachevsky/02.html (дата обращения: 09.08.2016).

ЕврАзЭС. На этом запас евразийских инициатив новоиспеченной власти оказался исчерпан в связи с переориентацией государства на Евросоюз.

К идее евразийства коммунисты вернулись в связи с приходом к власти «Альянса за европейскую интеграцию». Выступая на Петербургском экономическом форуме в 2010 г., член ПКРМ Игорь Додон выдвинул тезис об интеграции Молдовы в Таможенный союз³. Позже в свет вышла статья лидера компартии Владимира Воронина, в которой обсуждалась идея восточного направления внешней политики РМ⁴.

Интерес к евразийской интеграции усилился после того, как Владимир Путин представил миру проект создания Евразийского союза. Первым среди крупных молдавских политиков инициативу российского премьер-министра поддержал председатель ПКРМ: «Участие Молдавии в Евразийском Союзе будет лишь способствовать продолжению европейских реформ в стране. Наша партия считает, что Республика Молдова, ни в коей мере не останавливаясь в развитии своего европейского проекта, должна самым срочным образом определиться в отношении своего членства в Таможенном союзе»⁵.

Наряду с Ворониным в поддержку евразийского вектора выступило сразу несколько видных политиков, среди них нынешний председатель Народно-социалистической партии Молдовы Виктор Степанюк⁶, руководитель Партии регионов Молдовы Михаил Формузал⁷, лидер партии «Патриоты Молдовы» Михаил Гарбуз⁸ и др.

От устных заявлений сторонники евразийской идеи перешли к активным действиям, и в ноябре 2011 г. силами Социал-демократической партии, Лиги русской молодежи и «Патриотов Молдовы» в центре Кишинева был проведен массовый митинг солидарности. Согласно принятой резолюции организаторы акции призвали политические партии «объединить усилия и обеспечить вступление Республики Молдова в Та-

моженный Союз Россия—Беларусь—Казахстан и стать участником Единого Экономического Пространства с последующим вступлением в Евразийское Экономическое Сообщество»⁹. Вслед за этим социал-демократы запустили кампанию по сбору подписей в поддержку проведения референдума об интеграции Молдовы в ТС.

Несмотря на предпринятые шаги, евразийская идея на данном этапе не получила широкого распространения. Возникает разумный вопрос: почему?

Одна из причин, на наш взгляд, была обусловлена политической близорукостью руководства ПКРМ, крупнейшей на тот момент оппозиционной партии в Молдове. Продолжавшиеся метания между Россией и Евросоюзом Владимира Воронина в конечном итоге привели к утрате партией лидирующих позиций в политической жизни республики и оттоку из ее рядов многих вилных членов.

Другая причина коренилась в неспособности сторонников евразийской интеграции (за исключением коммунистов) заручиться достаточной поддержкой населения страны, что, по сути, лишило их возможности продвижения к парламентской трибуне.

Третью причину мы усматриваем в устойчивом в то время положении в стране правящего «Альянса за европейскую интеграцию».

Ситуация заметно меняется с активизацией Партии социалистов. Напомним, что последняя на выборах 2005 г. ратовала за вступление Молдовы в Единое экономическое пространство 10. Раскол в рядах коммунистов обернулся для ПСРМ шансом возглавить оппозиционное движение в стране. Осенью 2011 г. к ней присоединяется ряд бывших депутатов-коммунистов, после чего была создана парламентская группа социалистов. Бурная протестная деятельность и четкая программа очень скоро позволили социалистам под руководством Игоря Додона обзавестись внушительным пулом сторонников. Итогом стала победа партии на парламентских выборах 2014 г. Оставшись в оппозиции к действующей власти, ПСРМ уже на первом пленуме выступила с инициативой денонсировать Договор об ассоциации с ЕС11. Усилия молдавских социалистов не остались незамеченными в Кремле. Об этом свидетельствует признание партии Додона надежным партнером России в ходе визита всей парламентской фракции ПСРМ в Москву в 2015 г. 12 Таким образом, представленные выше аргументы позволяют назвать ПСРМ своеобразным флагманом евразийского движения в Молдове.

Кроме социалистов на сегодняшний день за переориентацию Кишинева на Восток ратует «Наша партия» во главе с Ренато Усатым, ныне действующим мэром второго по величине города Бельцы. Ворвавшись в молдавскую политику в 2014 г., бизнесмен достаточно быстро вошел в

число самых влиятельных политических лидеров Молдовы¹³. Имидж бескомпромиссного борца-оппозиционера, обличающего утратившую доверие власть, снискал Усатому огромную популярность среди молдавских граждан. Вместе с тем попытки фрондера зарегистрировать собственную партию неоднократно встречали сопротивление Минюста. По этой причине Усатому не удалось принять участие в парламентских выборах 2014 г. Однако уже в следующем году «Наша партия» одержала победу на местных выборах, сумев продвинуть во власть сразу 12 своих кандидатов в крупных городах севера и юга страны¹⁴. Следует отметить, что партия Р. Усатого часто действует в тандеме с ПСРМ, выступая серьезным противовесом проевропейской коалишии

В контексте исследуемой проблемы отдельное внимание следует уделить оценке геополитических устремлений элит в регионах с компактным проживанием этнических групп (Гагаузия и Тараклийский район). Важно отметить, что вопреки действующей проевропейской линии Кишинева политический истеблишмент указанных районов отстаивает евразийский вектор развития Молдовы. Так, еще в 2012 г. депутаты Народного собрания Гагауз Ери требовали от центрального правительства изменить внешнеполитический курс в пользу интеграции РМ в рамках Евразийского экономического сообщества 15. А спустя два года в регионе состоялся референдум, в ходе которого абсолютное большинство жителей поддержали вхождение Молдовы в Таможенный союз16. Ныне действующий глава Гагаузии Ирина Влах продолжает курс на сближение с Россией и ЕАЭС.

Помимо гагаузской элиты на Восток устремлены взоры политического бомонда Тараклийского района. В данном случае показательна позиция мэра города Тараклии Сергея Филиппова, публично заявившего, что «для нас, южан, солнце восходит на Востоке» 17. В 2012 г. в регионе проводился сбор подписей за проведение законодательного референдума о вступлении Молдовы в Таможенный союз. Кроме того, власти района поддержали непризнанный в Кишиневе гагаузский плебисцит 18.

итог всему вышесказанному, Подводя можно сформулировать следующие выводы. Согласно результатам опросов, в Республике Молдова набирает популярность движение за евразийскую интеграцию. Этому во многом способствует целый ряд факторов: недальновидная политика правящих элит, обусловившая крах национальной экономики, падение уровня жизни населения, исключительно высокие показатели коррупции, отсутствие перспектив вступления в ЕС, активная протестная деятельность левой оппозиции, выступающей за интеграцию в ЕАЭС и др. Таким образом, можно говорить о смене предпочтений молдавских геополитических

граждан. Нынешней осенью в Молдове пройдут президентские выборы, которые могут изменить расстановку сил в стране в пользу сторонников восточной ориентации. Об этом говорят достаточно высокие рейтинги проевразийских политиков. Однако многое будет зависеть и от самих оппозиционных лидеров, их взаимной готовности придерживаться согласованной линии и способности ставить национальные интересы выше личных амбиций.

Примечания

- 1 См.: Какой геополитический вектор ближе для жителей Молдовы. URL: http://ru.sputnik.md/ politics/20160119/4209506.html (дата обращения: 05.08.2016).
- ² Предвыборная программа ПКРМ. URL: http://www.e-democracy.md/ru/elections/parliamentary/2001/opponents/pcrm/program/ (дата обращения: 05.08.2016).
- ³ См.: *Букарский Вл.* Евразийская Молдавия: перспектива реальна. URL: https://ava.md/2012/01/28/moldova-put-vevraziyu/ (дата обращения: 05.08.2016).
- 4 См.: Воронин Вл. Молдова и Россия: новая повестка дня в стратегических отношениях. URL: https:// dniester.ru/content/moldova-i-rossiya-novaya-povestkadnya-v-strategicheskom-partnerstve (дата обращения: 05.08.2016).
- 5 Владимир Воронин: Проект Евразийской интеграции способствует модернизации Молдовы. URL: http:// www.pcrm.md/main/index.php?action=news&id=6707 (дата обращения: 05.08.2016).
- 6 См.: Степанюк В. О Евразийском союзе, или Молдова имеет право на успех. URL: http://enews.md/articles/ view/1767/ (дата обращения: 05.08.2016).
- 7 См.: Декларация о принципах Партии регионов Молдовы. URL: http://www.regions.md/pageview. php?l=ru&idc=338&id=374 (дата обращения: 05.08.2016).
- 8 См.: Михаил Гарбуз : Будущее Молдовы в составе Евразийского союза. URL: https://ava.md/2011/11/30/

- buduschee-moldovy-v-sostave-evraziyskogo/ (дата обращения: 05.08.2016).
- 9 Резолюция Митинга солидарности, посвященного Дню народного единства и гражданского согласия. URL: https://ava.md/2011/11/04/rezolyuciya-mitinga-solidarnostiposvyaschennogo/ (дата обращения: 05.08.2016).
- ¹⁰ См.: Тезисы союза «Patria-Родина» к программе возрождения страны. URL: http://www.e-democracy.md/ru/elections/parliamentary/2005/opponents/bepr/program/(дата обращения: 05.08.2016).
- 11 См.: Коммунисты не поддержали инициативу ПСРМ о денонсации Соглашения об ассоциации с ЕС. URL: http://actualitati.md/ru/vnutrennyaya-politika/kommunisty-ne-podderzhali-iniciativu-psrm-o-denonsacii-soglasheniya-ob (дата обращения: 05.08.2016).
- ¹² См.: Нарышкин нашел в Молдавии нового надежного партнера России. URL: https://regnum.ru/news/1848437. html (дата обращения: 05.08.2016).
- 13 См.: (Doc) Опрос IRI: Усатый, Додон и Санду лидируют в рейтинге доверия граждан. URL: http://tribuna.md/ru/2016/04/21/doc-sondaj-iri-usatii-dodon-si-sanduprimii-in-topul-increderii-cetatenilor/ (дата обращения: 05.08.2016).
- 14 См.: Кандидаты «Нашей Партии» одержали оглушительную победу во втором туре выборов. URL: http:// ru1.md/kandidaty-oderzhali-oglushitelnuyu/ (дата обращения: 05.08.2016).
- 15 См.: «Горячая точка» на юге Молдавии готова: Гагаузия за неделю. URL: http://regnum.ru/news/1505524.html (дата обращения: 08.05.2016).
- 16 См.: Косенковский М., Шрейбер В. Национальные меньшинства Молдовы и их отношение к европейской интеграции // Russie. Nei. Visions. 2014. № 81. С. 6.
- 17 Молдавские болгары хотят в Таможенный союз. URL: http://www.newscom.md/rus/moldavskie-bolgari-hotyatv-tamozhennij-soyuz.html (дата обращения: 05.08.2016).
- 18 См.: Болгары Молдавии массово поддержали гагаузский референдум о независимости и ТС. URL: https:// regnum.ru/news/polit/1761706.html (дата обращения: 05.08.2016).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- **Бегинин В. И.** доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук, Саратовский государственный аграрный университет имени Н. И. Вавилова. E-mail: BegininalA@info.sgu.ru
- Вестов Ф. А. кандидат юридических наук, профессор кафедры уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: vestovfa@mail.ru
- Вилков А. А. доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: vil57@yandex.ru
- **Данилов М. В.** доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: super9999@yandex.ru
- Жидков Р. И. аспирант кафедры истории, теории и прикладной социологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail romancroft@mail.ru
- **Ивченков С. Г.** доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии молодежи, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: ivchenkovsg@mail.ru
- **Ивченкова М. С.** научный сотрудник, Институт социологии РАН, Москва. E-mail: m.ivchenkova@gmail.com
- **Изергина Н. И.** доктор политических наук, профессор кафедры регионоведения и политологии, Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва, Саранск. E-mail: ninaini@yandex.ru
- **Казаков А. А.** кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: aldr.kazakov@gmail.com
- Калугина Т. А. доктор социологических наук, профессор кафедры истории, теории и прикладной социологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: BegininalA@info.sgu.ru
- **Камалетдинова А. И.** аспирантка, Самарский государственный университет. E-mail: alsoy08@mail.ru
- **Катин В. И.** кандидат культурологии, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Балаковский филиал Саратовской государственной юридической академии. E-mail: vkatin1405@mail.ru
- Климов В. А. кандидат философских наук, доцент кафедры социологии молодежи, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: Klimov-v1946@mail.ru
- **Кошелев А. А.** кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии молодежи, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: koshelev76@mail.ru
- **Кошелева Т. Н.** кандидат социологических наук, доцент кафедры истории, теории и прикладной социологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: tnkosheleva@yandex.ru
- **Мирзаханов Д. Г.** кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Дагестанский государственный технический университет, Махачкала. E-mail: mirzakhanov1962@mail.ru
- Могилевич Б. Р. доктор социологических наук, профессор кафедры английского языка для гуманитарных направлений и специальностей, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: mogilevich@sgu.ru
- **Назаров Н. О.** соучредитель АНО «Центр региональных политических исследований». E-mail: crpi@yandex.ru
- Панкратов С. А. доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии, Волгоградский государственный университет. E-mail: c.pankratov@mail.ru

- Пасечник А. В. соискатель кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: pasiechnik.andriei@mail.ru
- **Покатов Д. В.** доктор социологических наук, заведующий кафедрой истории, теории и прикладной социологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: dvpokatov.@gmail.ru
- Поплавский М. А. аспирант кафедры социологии молодежи, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail Poplavskymax@rambler.ru
- **Попов М. Е.** доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социальной философии и этнологии, Северо-Кавказский Федеральный университет, Ставрополь. E-mail: maximus.popov@gmail.com
- Попонов Д. В. кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: poponovdv@mail.ru
- Семенова Ю. А. кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии коммуникаций и управления, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. Е-mail: semenofa@amail.com
- Сергеев С. Г. кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина филиала РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов. E-mail: sergeevsg6684@lenta.ru
- Тадтаев X. Б. кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: Tadtaew@info.sqau.ru
- **Труханов В. А.** доктор политических наук, профессор кафедры истории, социологии политики и сервиса, Саратовская государственная юридическая академия. E-mail: truhanov viktor@mail.ru
- **Тютюнников А. В.** аспирант кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: mcboy88@mail.ru
- Уфимцева Е. И. кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии социальной работы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: ufim75@mail.ru
- Фаст О. Ф. кандидат юридических наук, кафедра гражданского и семейного права, Саратовская государственная юридическая академия. E-mail: fastolga@meil.ru
- **Цаплин А. Ю.** кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: can2002@yandex.ru
- **Шакарбиева С. В.** кандидат философских наук, доцент, методист организационно-методического отдела, Волгоградская государственная академия последипломного образования. E-mail: svsh1963@yandex.ru
- **Шедловская М. А.** аспирант кафедры социологии регионов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: shedlovskaya.margo@vandex.ru
- **Шестов Н. И.** доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: nikshestov@mail.ru
- **Щебланова В. В.** доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, социальной антропологии и социальной работы, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А. E-mail: vsheblanova@mail.ru
- **Юров О. В.** кандидат политических наук, Западно-Казахстанский государственный университет, Уральск (Республика Казахстан). E-mail: yov1510mail.ru

363

Сведения об авторах

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

- **Beginin V. I.** doctor of philosophical sciences, professor, head of the Department of social sciences and humanities, Saratov State Agrarian University named after Vavilov. E-mail: BegininalA@info.sgu.ru
- **Danilov M.V.** doctor of political sciences, associate professor, professor of the Department of political science, Saratov State University. E-mail: super9999@yandex.ru
- **Fast O. F.** candidate of legal sciences, Department of civil and family law, Saratov State Academy of law. E-mail: fastolga@meil.ru
- **Ivchenkov S. G.** doctor of sociological sciences, professor, head of the Department of sociology of youth, Saratov State University. E-mail: ivchenkovsg@mail.ru
- **Ivchenkova M. S.** researcher, Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: m.ivchenkova@gmail.com
- **Izergina N. I.** doctor of political sciences, professor of the Department of regional studies and political science, Ogarev Mordovia State University, Saransk. E-mail: ninaini@yandex.ru
- **Kalugina T. A.** doctor of sociological sciences, professor, Department of history, theory and applied sociology, Saratov State University. E-mail: BegininalA@info.sgu.ru
- **Kamaletdinova A. I.** post-graduate student, Samara State University. E-mail: alsoy08@mail.ru
- **Katin V. I.** candidate of culturology, associate professor of the Department of state and legal disciplines, Balakovo branch of the Saratov State Law Academy. E-mail: vkatin1405@mail.ru
- **Kazakov A. A.** candidate of political sciences, associate professor, associate professor of the Department of political science, Saratov State University. E-mail: aldr.kazakov@gmail.com
- Klimov V. A. candidate of philosophical sciences, assistant professor of the Department of sociology of youth, Saratov State University. E-mail: Klimov-v1946@mail.ru
- **Koshelev A. A.** candidate of sociological sciences, associate professor of the Department of sociology of youth, Saratov State University. E-mail: koshelev76@mail.ru
- **Kosheleva T. N.** candidate of sociological sciences, associate professor of the Department of history, theory and applied sociology, Saratov State University. E-mail: tnkosheleva@yandex.ru
- **Mirzakhanov D. G.** candidate of philosophical sciences, associate professor of the Department of philosophy, Dagestan State Technical University, Makhachkala. E-mail: mirzakhanov1962@mail.ru
- Mogilevich B. P. doctor of sociological science, professor of the Department of English language for humanitarian directions and specialties, Saratov State University. E-mail: mogilevich@sgu.ru
- **Nazarov N. O.** cofounder of the ANO «The Regional Political Research Center», Saratov. E-mail: crpi@yandex.ru
- **Pankratov S. A.** doctor of political sciences, professor, head of the Department of political science, Volgograd State University E-mail: c.pankratov@mail.ru
- Pasechnik A. V. post-graduate student of the Department of politology, Saratov State University. E-mail: pasiechnik.andriei@mail.ru
- **Pokatov D. V.** doctor of sociological sciences, head of Department of history, theory and applied sociology, Saratov State University. E-mail: dvpokatov.@gmail.ru
- **Poplavskiy M. A.** post-graduate student of the Department of sociology of youth, Saratov State University. E-mail: Poplavskymax@rambler.ru

- **Poponov D. V.** candidate of political sciences, associate professor, associate professor of the Department of political science, Saratov State University. E-mail: poponovdv@mail.ru
- **Popov M. E.** doctor of philosophical sciences, professor of the Department of social philosophy and ethnology, North-Caucasus Federal University, Stavropol. E-mail: maximus.popov@gmail.com
- **Schedlowskaya M. A.** post-graduate of the Department of sociology regions, Saratov State University. E-mail: shedlovskaya.margo@yandex.
- **Semenova Yu. A.** candidate of sociological sciences, associate professor of the Department of sociology of communications and management, Saratov State University. E-mail: semenofa@gmail.com
- **Sergeev S. G.** candidate of political sciences, associate professor, associate professor of the Department of constitutional and municipal law, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: sergeevsq6684@lenta.ru.
- **Shacarbieva S. V.** candidate of philosophical sciences, associate professor, Volgograd State Academy of Postgraduate Education. E-mail: svsh1963@yandex.ru
- **Shcheblanova V. V.** doctor of sociological sciences, professor of the Department of sociology, social anthropology and social work, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov. E-mail: vsheblanova@mail.ru
- **Shestov N. I.** doctor of political sciences, professor of the Department of political sciences, Saratov State University. E-mail: nikshestov@ mail.ru
- **Tadtaev H. B.** candidate of philosophical sciences, associate professor of the Department of social sciences and humanities, Saratov State Agrarian University named after Vavilov. E-mail: Tadtaew@info.sgau.ru
- **Tiutiunnikov A. L.** post-graduate student of the Department of politology, Saratov State University. E-mail: mcboy88@mail.ru
- **Trukhanov V. A.** doctor of political sciences, professor of the Department of history, sociology, policy and service, Saratov State Law Academy». E-mail: truhanov viktor@mail.ru
- **Tsaplin A. Yu.** candidate of political sciences, associate professor, associate professor of the Department of political science, Saratov State University. E-mail: can2002@yandex.ru
- **Ufimtseva E. I.** candidate of sociological sciences, associate professor of the Department of sociology social work of sociological department, Saratov State University. E-mail: ufim75@mail.ru
- **Vestov F.A.** candidate of legal sciences, professor at the Department of criminal law, Saratov State University. E-mail: vestovfa@mail.ru
- Vilkov A. A. doctor of political sciences, professor, head of the Department of political science, Saratov State University. E-mail: vil57@ yandex.ru
- **Yurov O. V.** candidate of political sciences, Makhambet Utemisov West Kazakhstan State University, Uralsk (Republic of Kazakhstan). Email: yov1510mail.ru
- **Zhidkov R. I.** post-graduate student of the Department of history, theory and applied sociology, Saratov State University. E-mail: roman-croft@mail.ru

364 Сведения об авторах

Подписка на I полугодие 2017 года

Индекс издания по объединенному каталогу «Пресса России» 36016. Журнал выходит 4 раза в год.

Цена свободная.

Оформить подписку онлайн можно в Интернет-каталоге «Пресса по подписке» (www.akc.ru).

По всем вопросам обращаться в редакцию журнала: 410012, Саратов, Астраханская, 83; тел. (845-2) 51-45-49, 52-26-89; факс (845-2) 27-85-29; e-mail: izvestiya@sgu.ru

